

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ КАЧЕНОВСКИМЪ.

— — — *Id arbitror*

Adprime in vita esse utile, ne quid nimis.

Terent.

Н О Я Б Р Ъ * Д Е К А Б Р Ъ.

1822.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи.

Печатамъ дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Ноября 6 дня 1822 года. О. Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Давыдовъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 21.
Н О Я Б Р Ъ 1822.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М і р ъ П о е т а.

Злапыя времена

Свободы, простоты, невинности и силы!

Уже ль навѣкъ вы скрылись въ мракъ мо-
гилы

И память намъ объ васъ оспалася одна?

Почто вы, молніей мгновенной

Блеснувъ, исчезли опъ земли?

Иль, невозвратныя! почто вы духъ сму-
щенной

Волшебствомъ манили въ таинственной
дали?

Ахъ! горько, насладясь подъ небомъ благо-
дапнымъ

Живыми прелестями роскошныя весны,

И грудь изнѣживъ розъ дыханьемъ аромат-
нымъ,

Отплыль въ суровыя и лядисныя страны;

Иль, бросивъ юношей забавы,

О первенствѣ веселый бой,
Гдѣ всѣ прекрасны, сильны, здоровы,
Искусствомъ спорящъ межъ собой,
Прейши въ обитель мукъ, гдѣ спарецъ дряхлый, хворый,
Докучный жалости предметъ,
Изнемогающій подъ тяжестію лѣтъ,
И свой конецъ предвидя скорый,
Въ болѣзненной борьбѣ кидаетъ Божій свѣтъ.
Цвѣла весна, но розъ неспало; —
Играли юноши, но юность ихъ прешла! —
Гдѣ міра древняго волшебное начало?
Гдѣ первыхъ чадъ земли чудесныя дѣла?

*

Пока въ рѣкѣ плескали волны,
Неслись по нимъ крылапы чолны;
Когдажъ сковаль ихъ лютый мразъ,
Исчезла прелестъ ихъ для глазъ.
И тщетно станешъ вдохновеній,
Теперь пѣвецъ искашь кругомъ;
Безсмертный спихотворства гений
Почіетъ непробуднымъ сномъ.
Одною памятью еще мы въ свѣтѣ живы;
Ея лишь призраки нашъ мертвый красятъ
сонъ;
Все счастье въ мечтахъ; и подлинно счастливы,
Что не всего аничили насъ злой судьбы закомъ.

*

И на крылахъ воображенья,
Какъ ласпица, скишалица полей,
Лепить душа, собирая наслажденья
Съ обильныхъ жашвъ давно минувшихъ
дней.

Въспрь свѣжій въепъ опъ воспока,
Опъ пучныхъ счастливыхъ земель,
Гдѣ міра и людей святая колыбель.

Спада, несчешныя для ока,
Пасушся на степяхъ опъ моря до рѣки:
Веселье пастырямъ; всѣ овцы ихъ космашы,
Млекомъ обилуюшъ верблюды ихъ горбашы,
Какъ вихри кони ихъ легки.

*

Кпо сей, надъ прочими мужаи
Блистая сребряной главой,
Возносився, какъ дубъ надъ низкими древами,
И какъ луна надъ звѣздною толпой?
Се пастырь пастырей, ихъ царь и повели-
тель,
Народовъ будущихъ священный прародишель,
Названный Богомъ Авраамъ.
Все видѣлъ онъ, все зналъ, прожившій мно-
ги годы.
Богатый госпъ царей, онъ ѣздилъ по спра-
намъ,

Дарилъ владыкъ, дарилъ народы,
Почпешъ и ближнимъ и врагамъ.

*

Благословеннаго благословились чада.
Подъ мирной сѣнію подвижныхъ ихъ шап-
ровъ
Въ довольствіи шекла жизнь спарцевыхъ
сыновъ, —

За добродѣтели достойная награда.

Пасенье стада и ловъ звѣрей
Дѣлили ихъ всѣ дни, свободные спрастей;
Ни сребролюбіе, ни зависть, ни гордыня
Вѣкъ не прешли за прагъ дверей
Въ ихъ кущи, бѣлая какъ стадо лебедей.
Наслѣдный ихъ удѣлъ безкрайная пустыня;
Тамъ, вѣчно спранники, они росли трудомъ,
Тамъ въ благочестіи какъ кринны разцвѣтали;

Тамъ первая любви огнемъ
Всѣ чувства юноши вспыхали,
Когда красавица, спыдливая челомъ,
Родительскихъ овецъ и козъ рунистыхъ
Гоня паспущескимъ жезломъ
Испить опъ кладязя водъ чистыхъ,
Ему, усалому по ловлѣ и трудамъ,
Къ изсохшимъ, жаждущимъ устамъ
Съ улыбкой поднесла благою
Начерпанный ея рукою
Сосудъ съ прохладною водою.

*

Спыдъ вѣчный Яковлимъ сынамъ:
Опъ нихъ землѣ примѣрь развраща!
Зависпные! за горспъ презрѣнну злапа

Въ неволю слезную продать дерзнули брата.
Не бойся, юноша! тебѣ заснупникъ Богъ.
Преступною женой обманушый владѣтель

Вошше тебѣ казнишь за добродѣтель,

Къ невинному несправедливо спрогъ.

Распоргла дѣнь твою Всесильнаго десница,

Твоя опверзлася темница

И въ Царскій ты вселенъ чертогъ.

Теперь уже, не сна обманушый мечшою,

Ницъ падшихъ видишь ты злыхъ брагій
предъ собою;

Нѣтъ, нужда зѣльная и нестерпимый гладъ

Ихъ привели къ тебѣ: къ какой осудишь
долъ?

Мечемъ ли умереть, иль вѣкъ прожить въ
неволѣ?

Не узнаешь тебѣ ихъ успрашенный взглядъ;

Но ты!... ты ихъ узналъ, — и сердце востре-
петало,

И силъ твоихъ неспало;

Слезами залился ихъ грозный судія,

И молвилъ къ нимъ: „Не бойшесь; я
„Иосифъ, братъ вашъ, сынъ Израиля, Рахили:
„Я потъ, кого вы всѣ на рабство осудили;

„Но Богъ отъ зла меня упасъ,

„Египетъ моему подвергнулъ онъ закону,

„И какъ отца поставилъ Фараону.

„Придите, брагія, вселишесь между насъ,

„Родилися съ собою привелише,
„И спарца жизнию моею возвеселише.“

*

Въ страну Гессемскую Израиль принесенъ;
Размножились, цвѣшущъ дванадесять колѣнь;
Но годы счастья смѣнили скорби годы,
И взрешивали къ нимъ народы,
И припѣснителей рука,
Надъ ними спала высока;

Терзающъ волки ихъ разсыянное стадо,
И нѣтъ имъ пасыря. — Сердитая рѣка!
Блюди волнамъ твоимъ повѣренное чадо:
Въ немъ кроется шопъ мужъ, шопъ избран-
ный Небесъ,

Кто рабства съ нихъ низложитъ бремя!
Дщерь Фараонова! расши святое сѣмя.

Свободы наступило время,
Израиль радостью воскресъ,
Смутился Фараонъ предъ множествомъ чу-
десъ,
И съ шоржествомъ бѣжитъ избавленное
племя;

Имъ облакъ освѣщаетъ ходъ,
Имъ море путь даетъ средь водъ,
И предъ Синаемъ спалъ богоизбранный родъ.

*

Земля! почто ты вся пренецешь,
И твердый твой дрожитъ исподъ?
Чюю, небо! твой зашмило сводъ,

И все ты молціями блещешь?

Синай пріникъ челомъ,

Днемъ ночь покрыла землю.

Гремилъ подземный громъ;

Горъ гласъ трубный внемлю;

Съ полей и огонь и дымъ

Курился какъ съ горнила;

За облакомъ густымъ

Ныпъ дневнаго свѣшила.

И вдругъ сгущенныхъ мрачность пучъ

Разсѣкъ Господней славы лучъ;

Неся въ рукахъ завѣшныя скрижали,

Свѣпъ льющій опъ чела, явился Моисей,

И не сперпѣлъ взоръ препешныхъ людей,

И ослѣпленные къ ногамъ Пророка пали.

*

Законодатель мерпвъ, но живъ еще законъ.

Предъ нимъ распался Ерихонъ,

Имъ покорилась земля млека и меда.

Возспалъ ли врагъ — исчезъ какъ сонъ;

Ищу полковъ, и ныпъ ихъ слѣда.

Навинъ, Деввора, Гедеонъ,

И ты, сильнѣйшій льва Самсонъ!

Гдѣ вы, шамъ слава и побѣда.

Граждане ли, забывши чesпъ,

Госпешпріимспво, долгъ и вѣру,

Могли, грѣха исполнивъ мѣру,

Обиду страннику нанести, —

Сѣкира мрачнаго Левита

Всѣмъ раздѣлила страшну вѣсть;
Всѣ какъ одинъ ему защита,
И злomu дѣлу злая месть.

*

Утѣшно послѣ брани
Склонись на поля,
Гдѣ щедрая земля
Обильны плапиль даи
Трудящимся жнецамъ.
По желтымъ полосамъ
Всѣ идущъ дружнымъ рядомъ:
Не лѣзя окинуть взглядомъ
Веселой ихъ толпы;
Работають серпы,
И вмѣсто нивъ волнистыхъ
Пожатые снопы
Въ поляхъ оспалие чистыхъ,
Да класы кое - гдѣ
Забытые въ прудѣ,
Оставленные въ пищу
Убогому и нищу.
Чуть солнца видѣнь свѣтъ,
Чуть пробудилась нива,
Жена цвѣтущихъ лѣтъ,
Прекрасна и спыдлива,
Рожденна для утѣхъ,
Приходитъ ранѣ всѣхъ,
И цѣлый день собираетъ
И олдыха не знаетъ.

Сыновъ Моавлихъ дочь,
Пришла въ спраны ей чужды,

Чшобъ съ матерію нужды
Дѣлать, чшобъ ей помочь.

„Не разлучусь съ побою“

Сказала ей она:

„Гдѣ ляжешь ты главою,

„Тамъ лечь и я должна.

„Въ скипаніи убогомъ

„Направляю я швой ходъ;

„Твой Богъ мнѣ будетъ Богомъ,

„Народомъ твой народъ.“

Въ нихъ Руѳъ и награжденье

Достойное нашла

За матеріи призьнье

И добрыя дѣла.

Воозъ узналъ богатый

Приходъ ея въ страну;

Ей возвратилъ упрашы,

И взялъ ее въ жену.

*

Чеша почтенная! за вашу добродѣтель

Господь весь родъ вашъ возлюбилъ;

И каждый внукъ вашъ спранъ владѣтель,

И царскій жезлъ Израиль имъ вручилъ.

Но паче всѣхъ одинъ прославленъ:

Маль былъ онъ въ братіи своей,

Ошцемъ и матерью ославленъ,

Но призьнь отъ Царя царей.

Едва вступаая въ пушь, надъ грознымъ и-
полиномъ

Торжеспиовалъ онъ, счаспливый боець:

Царь, паспырь, воинъ и пѣвецъ,

Весь жизни цвѣшь собралъ въ себѣ еди-
номъ;

И Господа поа за множество даровъ,

Наипіемъ восторга окриленный,

Онъ пляскою вспрѣчалъ кивопъ священныи

Подъ звонкій гласъ своихъ божеспиенныхъ
Псалмовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

О Старомъ Городищѣ Казани.

Въ *Исторіи Государства Россійскаго*, втораго изданія, Тома VIII на страницѣ 174, напечаашано: „чтобы заслонить „шылъ ошъ луговой Черемисы, ошъ „Ташаръ бродящихъ по лѣсамъ, ошъ „Ногайскихъ улусовъ, и чтобы ошрѣ- „зашъ Казанцамъ всѣ пуши для бѣгства, „онъ (Царь Іоаннъ Васильевичъ) при- „казалъ Князю Мстиславскому съ ча- „стію большаго полка, а Шигъ-Алею съ

„Насимовцами и жипелями горной стороны (*) занявъ дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ дворянами Царской дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой опрядъ дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казань, на Спаромъ Городищъ.“

Къ симъ словамъ относится примѣчаніе 324, въ которомъ сказано: „на Галицкой дорогѣ за Казанію рѣкою велѣлъ бытъ К. Ив. Ромодановскому близко Бежболды, да Князь Володимирову Андреевича Воеводѣ Ив. Угримову Заболотцкому; да за Казанію же рѣкою Головѣ съ дворяны Царскаго полку Мих. Ив. Воронцову; а вверхъ по Казани у Спараго Городища Головѣ Мих. Пётр. Головину.“

Хотя и неизвѣстно, откуда взята сія выписка; но въ печатныхъ лѣтописяхъ читаемъ мы то же, что и въ ней, почти изъ слова въ слово, на примѣръ:

(*) Исторіографъ не объяснилъ намъ: что за жипели горной стороны? Въ рукописной Исторіи о Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, сочиненной Княземъ Курбскимъ, на оборотѣ 11 лисна сказано: „Черемиса горняя а по ихъ Чуваши зовомые, языкъ особливъ.“ А.

Въ Руской Лѣтописи по Никонову списку VII Тома на страницѣ 173: „на Галцикой дорогѣ за Казанью рекою „велѣлъ Государь быти воеводѣ своему „Князю Ивану Ромадоновскому слюд- „ми Князеволодимерову Андрѣвича вое- „воде Ивану Угримову Заболоцкому, да „за Казанью же рекою велѣлъ быти Го- „лове с дворяны же своего Царскаго пол- „ку Михаилу Ивановичю *Воронолицу*, а „сверхъ по Казани у Старого Городище „Голову Михаила Пешрова Головина.“

Въ Лѣтописцѣ Рускомъ, изданномъ Н. Л., IV Тома на 411 и 412 страницахъ: „а на Галицкой дорогѣ за Казанью рѣ- „ною велѣлъ быти Воеводѣ своему Кня- „зю Ивану Ромодановскому съ людьми „близко Бежболды, да Князь Володимира „Андреевича Воеводѣ Ивану Угримову „Заболоцкому, да за Казанью жъ рѣкою „велѣлъ быти Головѣ съ дворяныжъ сво- „его Царскаго полку Михаилу Ивано- „вичю *Воронолицу*, вверхъ по Казани у „Стараго Городища Головѣ Михаилу Пе- „шровичу Головину.“

Въ Царственной Книгѣ, на страни- цѣ 298 и 299: „а на Галицкой дорогѣ за „Казанію рѣкою велѣлъ Государь быти „Воеводѣ своему Князю Ивану Ромоданов-

„свому сѣ людьми близко Бежболды, да
„Княжь Володимерову Андреевича. Воево-
„дѣ Ивану Угримову Заболошцкому; да за
„Казанію жѣ рѣкою велѣлъ быти Головѣ
„сѣ дворяны же своего Царскаго полку
„Михайлу Ивановичу *Воронолицу*; а вверхѣ
„по Казани у Старого Городища, Головѣ
„Михайлѣ Пешрова Головина (*).“

Разнорѣчіе между сими словами Лѣтописей и выписки состоишь только въ томѣ, что онѣ не одинаково называютъ Голову Царскаго полку; *Исторія* жѣ *Государства Россійскаго* даетъ еще знать, что опрядѣ дворянѣ, назначенный стоять у Старого Городища, *примыкался къ Князю Ромодановскому*, какъ будто бы не было между ними рѣки; но Головинѣ не имѣлъ повелѣнія расположиться за Казанкою, гдѣ стоялъ сѣ войскомъ Ромодановскій, а только вверхѣ по Казанкѣ; слѣдственно опрядѣ его и Старое Городище были не на одномъ берегу, Казанки, сѣ опрядомъ Ромодановскаго, то есть не на правомъ, а на лѣвомъ.

Дабы совершенно узнать мѣсто сего Городища, надобно разсмотрѣть слѣ-

(*) Сіи лѣтописи будемъ мы означать сокращеніемъ: первую НИК., вторую, изданную г. Львовымъ, ЛВ., третью ЦАРК. А.

дующую довольно длинную выписку изъ *Исторіи о Казанскомъ Царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія* (*):

»И пресѣа Царь Саинѣ плѣнниши
 »Рускія земли и восхошѣ близѣ ея на
 »ячечевище своемѣ, гдѣ воспяшися на
 »Русь ишши, посшавиши градѣ на славу
 »имени своему и на приѣздѣ и на опо-
 »чиваніе посломѣ его по данѣ ходящимѣ
 »на Русь. И посла Царь Саинѣ по мѣ-
 »стомѣ переходя пойскавѣ и обрѣшѣ смѣ-
 »сто на Волзѣ рецѣ, на самой украинѣ
 »Рускія земли, на сей странѣ Камырѣ-
 »ки концемѣ продолжаши къ Болгарстей
 »земли, другій же къ Вяшкѣ и Пирми,
 »зѣло пренаричишѣ и скопопажишно и
 »пчелишѣ и всякими землеными семе-
 »ни родимо и овощьми преизобильно и
 »зѣврисшѣ и рыбно и всякаго угодія жи-
 »шейскаго полно, яко не обрѣстися дру-
 »гому таковому мѣсту по всей нашей
 »Руской земли нигдѣже точно тому
 »красотою и крѣпостію и угодіемѣ
 »человѣческимѣ, и не вѣмѣ же еще
 »будетѣ если таково мѣсто во иныхѣ
 »чужихѣ земляхѣ: и вельми за то Царь

(*) См. главы III страницу 10 и главу IV.
 Сія книга издана въ Санктпетербургѣ,
 1791 года. Мы будемъ ее означать сокра-
 щеніемъ ИК. А.

„Саинѣ возлюби; но глаголютъ же мно-
 „зи нещии, прѣже мѣсто то бысть из-
 „давна гнѣздо змиево, всемѣ жившемѣ
 „земли шюа знаемо, живяше бо шу во
 „гнѣздѣ змій великій и спрашенѣ о дву
 „головахѣ, едину главу имѣя змиеву, а
 „другую воловую главу, и единою гла-
 „вою пожираше человекѣ и скоты и
 „звѣри а другою праву ядяше, иніи
 „змиевѣ около его жилище имѣючи вся-
 „кими образи, шѣмѣ же и не можаху
 „человекѣ близѣ мѣста шого миновашѣ
 „свиспанія ради змїина и далече не ка-
 „мо пушѣ лежаше. Царѣ же Саинѣ по
 „многи дни зряще мѣста шого и обходя
 „и любя его и не домышляхуся, како
 „бы избыти змїа ошѣ гнѣзда его, яко
 „да шого ради на шомѣ мѣстѣ будешѣ
 „градѣ великѣ и крѣпокѣ и славенѣ ве-
 „здѣ и изыскався и обрѣшеся вѣ нѣкоей
 „веси нѣкій волхвѣ, азѣ, рече Царю,
 „змїа изведу и мѣсто очищу. Царѣ же
 „Саинѣ сія словеса слышавѣ ошѣ волхва
 „радѣ бысть и обѣщася ему велико нѣ-
 „что даши, аще сотворишѣ. И собра
 „покаянный шой волхвѣ волшвеніемѣ сво-
 „имѣ и обояніемѣ вся живущая змїа ошѣ
 „вѣвка вмѣстѣ шомѣ нѣ великому змїю
 „во едину великую громаду и всѣхѣ чер-
 „птою очерпш, да не излезетѣ ни еди-
 „на змїа, и бѣсовскимѣ дѣйствомѣ всѣхѣ

„умершви, облече я округъ сеномъ и
 „впроспїемъ и полія сѣрою и смолою и
 „зажже и попали огнемъ, и полиза вся
 „змїя огонь великія же и малыя, яко бы-
 „ши отъ того велику смраду по всей
 „земли шой расходящися, проявляючи
 „впредъ хошящее быши отъ окояннаго
 „Царя злое шименіе и проклятіе вѣры
 „его Срацынскія, многимъ же отъ вой
 „его тогда умреши отъ люшого того
 „смрада змїина близъ мѣста того споя-
 „щимъ, и кони и велбуды его мнози па-
 „доша и симъ образомъ очиспивъ мѣсто
 „Царь Саинъ и возгради на мѣстѣ помъ
 „градъ Казань.“

Сіе баснословное преданіе неистре-
 билось еще и нынѣ; если спросишь у
 Казанскихъ простолюдиновъ: гдѣ жилъ
 нѣкогда большой змѣй? То они укажутъ
 на пещеру, бывшую при Зиланшовомъ
 монастырѣ (*), который построенъ на
 одномъ съ Казанью и Бежболдою (или
 Адмиралшейскою слободою) лѣвомъ бе-
 регу рѣки Казанки, выше Бежболды;
 слѣдственно тутъ, гдѣ (по словамъ лѣ-
 тописей) велѣлъ Государь стоять Голо-

(*) Она нынѣ осыпалась; а была къ сѣверу
 за оградою Зиланшова монастыря, въ го-
 рѣ, на которой онъ спопишь. А.

вину съ ошрядомъ. Самое названіе Зиланшова происходитъ отъ Ташарскаго слова *джиоланъ* — змѣй.

Казань существовала на семъ мѣстѣ до конца XIV столѣтія; но когда Россіяне начали усиливаться, то не упустили случая истребить ее: въ 1391 году взята она была Новгородцами и Устюжанами (*); а въ 1396 году Князь Юрій, посланный брашомъ своимъ Великимъ Княземъ Василиемъ Димитріевичемъ, взялъ ее вшорично и разорилъ до основанія (**).

Сей городъ, бывъ почти ненаселеннымъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, возникъ опять и уже на новомъ мѣстѣ: въ 1438 году Кипчакскій Ханъ Улу-Магметъ, выгнанный изъ опечесства брашомъ своимъ Кичи-Магметомъ, пришелъ

(*) НИК. IV, 199.

(**) НИК. IV, 267. ЛВ. II, 226. ИК. глава V, страница 15: »Посла Князь Великій Василей Димитреевичъ Московскій брата своего Князя Юрья Димитріевича со множествомъ войска; той шедъ грады Болгарскія по Волзѣ стоящая, Казань, Болгары, Жюкопинъ, Керемечюй, Злапую Орду повоева по совѣту Крымскаго Царя Азигирея и вся тѣя грады до основанія раскопа и Царя Казанскаго и съ Царицами его мечемъ убивъ» — — —

къ Бѣлеву, и хощя разбилъ Русское войско, посланное опразить его (*); но опасаясь Великаго Князя, отступилъ прочь „и шедъ полемъ округъ и прелѣзе „Волгу и засяде Казань пусшую, Саина Царя юрьлѣ и ради ему быша изоставшїя отъ плѣна худыѣ Болгаре, „Казанцы, и молиша его быти заступника бѣдамъ ихъ и отъ насилїя и воеванїя Руского помощника и царству „спроишеля, да не до конца запустѣетъ, „и повинущася ему. Царь же Улу-Ахмешъ „вселился и поспави себѣ деревяный градъ „крѣпокъ на новомъ мѣстѣ, крѣпчайшїй „спараго, недалече отъ старыя Казани (**), раззоренныя отъ Московскїя „раши (***),“ по естъ на томъ, гдѣ стоишъ Казань и до сего времени. Извѣстно, что крѣпость деревянныхъ стѣнъ не защишила ее отъ усилїй Царя Іоанна Васильевича (****).

Теперь не можешь, кажешся, быть сомнѣнія въ томъ, что упомянутое

(*) НИК. V, 125—127. ИК. глава VI, VII, VIII.

(**) Опѣ Зилантова монастыря до Казани почти четыре версты. А.

(***) ИК. глава VIII, страница 26.

(****) См. ЦАРК. 294, 295. НИК. VII, 176. ЛВ. IV, 417. ИК. глава LXVI, стран. 235: „и повесе (взорванный подкопъ) на высокую древесю градная.“

старое городище есть мѣсто древней Саиновой Казани, и что на немъ построено Зиланшовъ монашвырь. Оно, конечно, не занимаетъ большаго пространства; но Царя Саина юрьшь и не была обширнымъ городомъ: ибо Улу-Магмешъ съ людьми своими не могъ въ ней поселиться, а вынужденъ былъ основать Казань на другомъ мѣстѣ.

Николай Арцыбашевъ.

И С Т О Р І Я.

Сраженіе при Лаупенѣ.

(Изъ Мюллеровой Истории Швейцарскаго Союза, кн. II, гл. 3.)

Примѣчаніе. Вольпманъ, извѣстный историкъ и переводчикъ Таципа, говоритъ: „Если бы Мюллеръ написалъ покомъ одно сраженіе при Лаупенѣ; то и тогда надлежало бы его почитать въ числѣ знаменитѣйшихъ историковъ, древнихъ и новыхъ.“ Русской переводчикъ желалъ, хотя посредствомъ слабаго списка, познакомить публику съ историческимъ искусствомъ Мюллера.

Перев.

Жители Берна до того времени, когда у Бароновъ Опшона Грансонскаго и Іоанна Вейсенбургскаго купили заложённые Имперіи округи Лаупена и Обергасли для своего союза, довольствовались собственною свободою, и правами гражданскими увеличивали къ себѣ уваженіе въ странахъ сосѣдственныхъ. Они должны были немного защищать, но многихъ имѣли защитниковъ; не могли ничего потерять, но много приобрести. За городъ, за иногородныхъ гражданъ, по необходимости и должности, съ радостію, бдительностію, ревностію и, въ крайнихъ случаяхъ, съ величайшимъ напряженіемъ силъ производимы были войны непрестанныя.

Два упражненія имѣло дворянство: земледѣліе и сраженія. Четыре промысла занимали руки народа: хлѣбопеченіе, продажа мяса, выдѣлываніе кожъ и кузнечное ремесло. Одно шокмо произведение составляло ихъ торговлю — сукно.

Въ начальникахъ чтили граждане не шокмо строгое правосудіе, но также неупрашиваемый долгъ въ битвахъ; никто не разсчитывалъ, имѣющіи ли, по законамъ, Шулльгейсѣ и Совѣнѣ право собирать народъ; но въ чемъ состояли

исшинное благо, польза и безопасность города во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ: ибо они не боялись гражданъ, но бдительное ихъ око усмирено было на иностранное могущество — на Домъ Австрійскій, на сильныхъ Бароновъ. Противу сихъ совѣщались они; неперпѣливо ожидало воинлюбивое юношество, доколѣ, по рѣшенію начальниковъ народа, не объявляема была война и на перекресткахъ города не являлись знамена. Тогда, подъ предводительствомъ Шультгейса или знаменосца, вышучало воинство въ совершенномъ порядкѣ; ратники громко воспѣвали пѣсни предыдущей войны и съ радостію взирали на счастливое свое оружіе; грозно развѣвались высокія перья на шлемахъ юныхъ рыцарей. Всѣмъ, что неустрашимая свобода, благонадежное мужество, доброе воинское счастье, благо опечесства и цвѣтущая, кипящая юношеская сила вдыхающъ въ высокую и радостную душу, пользовались они съ бодростію.

Таковъ былъ городъ Бернъ, почти ешоль же обширный какъ нынѣ, хотя въ немъ находились многіе сады и цѣлая улица населена была Евреями; дома были деревянные и безъ всякихъ

достопримѣчательныхъ украшеній, кромѣ полстыхъ стѣнъ соборной церкви; въ немъ обихали и повелѣвали жители дворянскихъ или равныхъ дворянству, частію до сего дня продолжающихся, родовъ; для Императоровъ важный, когда онъ признавалъ власть ихъ; сельскимъ жителямъ любезный; швердый среди враговъ; по добродѣтелямъ, по правиламъ и счастію воинскому подобный первоначальному свободному Риму.

Въ шомъ годъ, когда Людвигъ Баварскій, Римскій Императоръ, по причинѣ возложеннаго на него оплученія, собиралъ великій сеймъ во Франкфуртѣ, и въ Рензѣ заключенъ союзъ между Государей; въ началѣ сполѣтней войны Королей Англійскихъ пропіву дома Валуа, во сто сорокъ седьмомъ году отъ построенія Берна, согласились сильные Графы и Бароны Ихсландскіе, Ааргау и почти всей малой Бургундіи на разрушеніе республики Бернской. Городъ Бернъ не имѣлъ покровителя; Императоръ самъ былъ причиною его опасности; все исполнялось по всемогущимъ его повелѣніямъ. Почти всѣ союзники оставили его совершенно. Если бы Бернъ погибъ въ сіе время; то владѣнія Берна, Фрейбурга, Солошурна и другихъ горо-

довъ, въ которыхъ находилось болѣе полумилліона жителей, получили бы иное политическое образованіе; едва ли было когда время болѣе опасной или столь важныхъ послѣдствій для всѣхъ городовъ и земель нынѣшняго Швейцарскаго Союза.

Случилось, что слуги Рудольфа, Графа Нидау, изъ Вельшнеенбургскаго дома, по обычаю тѣхъ временъ или изъ особенной ненависти, опинали хлѣбныя повозки у земледѣльцовъ, бывшихъ подъ защитоюерна. Графъ Рудольфъ въ междоусобныхъ враждахъ владѣльцовъ и въ войнѣ Хрістіанъ съ невѣрными былъ опытный воинъ; маленькіе города, Ерлахъ и Нидау, получили отъ него льготы и спѣшны. Его предки были: древній Рудольфъ, Графъ Невшательскій, и Людвигъ, воинственный его сынъ; Графъ Пётръ, искусный Рыцарь на шурнирахъ, владѣлецъ Аарбергскій; Графъ Гергардъ, соединившій Фалангинъ на Юрѣ съ Виллизау въ Ааргау; весь родъ Вельшнеенбургскій помѣстьями, родствомъ, воинскими заслугами и другими связями былъ знаменитъ въ Гохбургундіи, Савойи, Австріи и при Императорѣ Людвигѣ Баварскомъ.

Въ сіе время Графъ Ебергардъ Нибургскій, непримиримый врагъ жителей

Берна, принесъ жалобу Императору, что городъ не принимаетъ монеты, которую онъ дѣлалъ съ его дозволенія. Людвигъ, котораго жилили Берна, подв предло- томъ запрещенія отъ Папы, можетъ быть изъ неперпѣнія подчиненности, пропивились признашь своимъ повели- шелемъ, выслушалъ его благосклонно; такимъ образомъ было ясно, что Люд- вигъ желаетъ наказать Берна.

Тогда собрался весь родъ Вельшнеен- бургскій, Графъ Ебсгардъ Кибургскій, Пешръ Грейерцскій, Графъ верхняго Гиршенланда и многіе дворяне изъ Ейхп- ланда, Ааргау и Вельшланда, въ за- мокъ Нидау; шуда же прибыли послы города Фрейбурга, не смотря на союзъ свой съ Берномъ, съ шочными, спро- гими предписаніями; Фрейбургъ нахо- дился въ зависимости знатныхъ. Всѣ они были согласны, «что безчисленныя «оскорбленія, ими прешерпѣныя, имѣ- «ють одно общее начало; Берна хо- «четъ опнять власть у дворянства и «передать народу; посему шщешно «удерживать городъ отъ иѣкошорыхъ «часныхъ предиріахій; надлежитъ всю «силу его ишпрешить совершенно.» За симъ постановленіемъ, надъ кошо- рымъ всѣ они поклялись, дано было

полномочіе производить распоряженія Графу Гергарду Фалангинскому, Императорскому Намѣстнику въ сей Бургундіи; въ то же время, когда они готовились, запрещены были всякія сношенія и торговля съ Берномъ. Всѣ, кто зналъ и видѣлъ, что одинъ городъ будетъ бороться съ величіемъ Римскаго Императора и со всѣми владѣльцами земель сосѣдственныхъ, были въ любопытномъ ожиданіи.

Городъ не искалъ защитника, однакожь не видно было слѣпой ярости въ народъ; собравъ, собранный подъ председательствомъ Іоанна Фонъ Бубенберга старшаго, съ обыкновенною важностію постановилъ: „Удовлетворишь спра-
ведливимъ требованіямъ; силу отра-
жаешь силою.“ Съ владѣльцами положено вступить въ переговоры; они производились въ Бургдорфъ. Во первыхъ Графъ Гергардъ требовалъ повинности Императору Людвигу и вознагражденія (за многоразличныя издержки на щедрыя увѣщанія) триста марокъ серебра. Графъ Ебергардъ Кибургскій, по крайней нуждѣ предоставившій власть надъ Туномъ жителямъ Берна, желалъ, чтобы сіе было уничтожено, и объявилъ, что впредь не будетъ онъ по-

зволють своимъ подданнымъ записы-
 ваться въ граждане Бернскіе. Графъ
 Рудольфъ Нидау жаловался, что граж-
 данскія права жителей Берна воз-
 буждаютъ подданныхъ его къ непо-
 виновенію; что шрое изъ жителей его
 города Ерлаха были приняты въ число
 гражданъ. Петръ, Графъ Грейерцскій,
 хотѣлъ, чтобы Рудольфъ и Іоаннъ,
 братья, владѣльцы Вейсенбургскіе, ко-
 торыхъ родъ его защищалъ съ великими
 издержками, сдѣлавшіеся гражданами
 Берна, обязаны были заплачивать долги
 дому Грейерцскому; онъ полагалъ капи-
 талъ и доходы съ онаго въ восемь пы-
 сячъ Бернской монеты. Въ семъ под-
 крѣпляли его, какъ согражданина, жи-
 тели Фрейбурга. Сами они объявляли,
 что Императоръ предоставилъ имъ вы-
 купъ Лаупена, заложеннаго Имперіи. И
 еще многое было требовано. На сіе
 объявили посланники Бернскіе: „Какъ
 „скоро Людвигъ Баварскій примирился
 „съ Папою, они признають его главою
 „Имперіи; дѣла о Тунѣ готовы они вы-
 „дать, если Графъ заплачиваетъ долги;
 „изъ сихъ денегъ удовлетворяють они при-
 „язаніямъ Графа Грейерцскаго, хотя
 „о доходахъ, требуемыхъ съ Графовъ
 „Вейсенбургскихъ, много еще разсуж-
 „даютъ надобно; поелику они не призна-

„юшѣ Людвига за своего повелишеля,
 „шо приказаніе его о выкупѣ Лаупена
 „почитаюшѣ недѣйствительнымъ: они
 „удивляюшся, что запрещаюшѣ имъ шо,
 „что, со времени построения ихъ горо-
 „да, Императоры и Короли предоставили
 „имъ, и что сами владѣльцы дѣлаюшѣ,
 „принимаюшѣ людей, кошорые не сущѣ
 „рабы, не для возмущенія, но подѣ
 „защищу ихъ; впрочемъ никто не бу-
 „детъ напрасно домогаться мира и спра-
 „ведливости: они охотно пожертвуютъ
 „всѣмъ для мира, кромѣ справедливости.“
 Все было щещно; непріятели пользо-
 вались временемъ. Послѣ сего жишели
 Берна пригласили Фрейбургцевъ на
 сѣздъ въ Еламанъ. Они надѣялись на
 воспоминаніе общаго основателя и друж-
 бу, въ кошорой многія лѣта жили въ
 мирѣ и союзѣ и другъ за друга сража-
 лись. Съ сего собранія повѣренныя Бер-
 на не принесли ни малѣйшей надежды
 на миръ и дружбу. Тогда они увидѣли,
 что городъ былъ всѣми оставленъ.

Извѣстіе о предпріятіи дворянства
 пришло въ Ленцбургъ къ молодому Фри-
 дриху, сыну Оттона, Герцога Авспрій-
 скаго, кошорый еще въ нѣжныхъ лѣ-
 тахъ обучаясь у Никлаузена Егенбург-
 скаго, священника Баденскаго (добро-

дѣшельнаго, остроумнаго мужа), прилѣжаніемъ, проницашельностію и крошкми нравами подавалъ надежду всему народу, что будетъ добрымъ Княземъ. Тогда повелѣно было Графу Генриху Фюрстенбергскому выступить въ походъ со спа воинами, приказано чиновникамъ въ Ааргау вооружить народъ. Немедленно Графъ Рудольфъ Нидау, почитавшій грабительство за право войны, началъ нападать на купцовъ и торговавшихъ хлѣбомъ въ Бернъ; немедленно послалъ онъ ко всѣмъ своимъ соповарищамъ на войнѣ въ Ельзасъ и въ землю Швабовъ. Слухъ распространился въ Альпійской Савои и за Юру въ Гохбургундіи: республика Бернская, ея храбрые Рыцари, ея побѣды, счастье ея народа, и знаменитость, мужество, опытность ея неприятелей были славны во всѣхъ верхнихъ странахъ. Семь сотъ дворянъ въ увѣнчанныхъ шлемахъ, тысяча двѣсти Рыцарей съ ногъ до головы вооруженныхъ, около трехъ тысячъ всадниковъ и болѣе пятидесяти тысячъ пѣшихъ собирались противу Берна. О наступленіи ихъ, грозныхъ словахъ и силѣ жилили сельскіе приносили ежедневно извѣстія въ городъ; вся Бургундія была въ движеніи; въ заботливомъ вниманіи, кшо преданъ былъ рес-

публикѣ Бернской; подданные владѣтелей въ совершенной увѣренности, съ оскорбительными насмѣшками.

Когда Антонъ Фонъ Блененбургъ, Рыцарь, Намѣстникъ въ Лаупенѣ, требовалъ немедленнаго подкрѣпленія, и Іоаннъ Фонъ Бубенбергъ созвалъ Совѣтъ и всѣхъ знаишѣйшихъ гражданъ; Сенатъ усмотрѣлъ, сколь нужно не показывать робости ни предъ неприятелемъ, ни предъ народомъ. Тогда Шульштейсѣ Фонъ Бубенбергъ вспалъ, простеръ руку къ Богу и ко всѣмъ Святымъ, и клялся „для защищенія города Лаупена пожертвовать имуществомъ и жизнью.“ За нимъ клялись всѣ Члены Совѣта и именистые граждане. Послѣ сего было постановлено: „У котораго отца два сына, одного изъ нихъ отправить въ Лаупенъ; изъ двухъ братьевъ, неимѣющихъ уже отца, одинъ также идти туда долженъ.“ Шестъ сотъ человекъ, немедленно изготовившіеся, пошли, подъ начальствомъ бывшаго Шульштейсомъ Іоанна Фонъ Бубенберга младшаго; знамя въ рукѣ Рудольфа Фонъ Мулерна, знаменоносца, съ Пепромъ Крапигскимъ и Іоанномъ Нейкомомъ, Каспфогтомъ Ригисбергскимъ, начальникомъ надъ военными снарядами города Берна. Они

пришли въ Лаупенъ къ, Аншону Фонъ Блакенбургу, рѣшившись, какъ требовала ихъ обязанность, въ семъ мѣстѣ оспаиваться до послѣдней капли крови. Надлежало не токмо защищать Лаупенъ, но и укрѣпить мужество народа.

Между тѣмъ начались сраженія, прежде всѣхъ съ Графомъ Гергардомъ: жишели Берна не вступали ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры; они ополчились наканунѣ Рождества Христова, и послали войско къ Аарбергу. Каждой народъ (также какъ и каждый человекъ), въ крайней опасности на что-либо твердо рѣшившійся, уже не спрашивается болѣе; душа наполняется мужественными мыслями, и видитъ передъ собою токмо побѣду или доспославную смерть. Какъ скоро получено было извѣстіе, что непріятели быспро собираютъ свои силы и идутъ къ Лаупену, — войско оспаивало Аарбергъ, чтобы спѣшить въ Берна.

Совѣтъ и граждане изыскивали средства къ освобожденію Лаупена; непріятели со всѣхъ сторонъ къ нему спешались: каждая часть, подъ предводительствомъ своего Графа или Барона, встрѣчаема была съ радостными кликами; они упражнялись въ рыцарскихъ

играхъ. Когда уже Графы Фалангинскій, Аарбергскій, Вельшнеенбургскій, Нидау и Грейерца, Моншенхъ со ста воинами, Фюршенбергъ съ избран- ными изъ Ааргау, Іоаннъ деръ Зеннъ Фонъ Мюнзингенъ, Епископъ Базельскій, Іоаннъ Россильонъ, Епископъ Лаузанскій, Филиппъ Фонъ Гасшонъ, Епископъ Зип- шенскій, и многіе другіе прибыли: въ станъ и опшуда въ Бернъ приѣзжалъ Іоаннъ Савойскій, единственнѣйшій сынъ Людвига Второго, владѣльца Вадпскаго, въ сопровожденіи ста воиновъ, послан- ный отъ отца своего для примиренія враждующихъ. Сей дружелюбный опытъ былъ безплоденъ; но владѣльцы упош- ребили всѣ хитрости, чѣобы побудить его: „съ какимъ мужесшвомъ онъ съ ма- „лымъ числомъ воиновъ сражался во „Фландріи за Короля Французскаго, съ „какимъ счащіемъ въ войнахъ Ломбард- „скихъ; такимъ же образомъ вооружить- „ся за друзей его.“ Они схватили за узду его лошадь. Въ сію несчастную минушу забылъ Іоаннъ приказанія пре- сшарѣлаго отца своего и ошася въ станъ. Владѣльцы сосшавили ваген- бургъ.

Жишели Берна видѣли, что въ рѣ- шительный день битвы, отъ которой

№ 21. В

зависѣли свобода и благо потомства, все должно было вручитьъ главному предводителю; недоумѣвали, кого избратьъ надлежало. Многие были опытны въ малыхъ сшибкахъ; для большаго сраженія никто не чувствовалъ въ себѣ довольно силъ. Безъ упражненія въ великихъ испинахъ военного искусства всѣмъ управляющъ случай и число; въ благоустроенномъ войскѣ сорокатысячную армію замѣняетъ одинъ человекъ, котораго душа оживляетъ споль многія тѣла. Сіе недоумѣніе Совѣта и гражданъ Бернскихъ славнѣе, чѣмъ побѣда. У народовъ, въ войнѣ несвѣдущихъ, уважается всякой начальникъ по искусству въ ежедневныхъ сшибкахъ и обыкновенныхъ упражненіяхъ, если не совсѣмъ по его шипламъ и по числу лѣтъ, бесполезно на войнѣ проведенныхъ, и онъ рѣшитъ все дерзостію: ибо такой человекъ не знаетъ, что изъ многихъ и великихъ мужей рѣдко находится одинъ добрый полководецъ.

Въ тотъ часъ, когда Шультгейсѣ Фонѣ Бубенбергъ и его великіи Сенатъ знаменитыхъ Рыцарей, повелѣвавшихъ своими подданными, копорыхъ они въ споль многихъ небольшихъ сраженіяхъ водили къ побѣдѣ, совѣшались объ из-

браніи главнаго предводителя на великій день для ихъ города, вступилъ въ Бернъ Рудольфъ Каспланъ Ерлахскій, Рыцарь, первородный сынъ Ульриха Касплана Ерлахскаго, подъ предводительствомъ котораго многіе помнили, какъ въ юности своей, за сорокъ одинъ годъ предъ симъ, при Доннербюгелъ надъ союзными владѣльцами одержали побѣду.

Владѣлецъ Ерлахскій происходилъ изъ дворянскаго рода, который основалъ городъ Бернъ и сначала управлялъ онымъ. Рудольфъ былъ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ тѣлесныя силы имѣютъ свою крѣпость, а духъ все свое совершенство. Любилъ сельское хозяйство, и многія помѣстья въ различныхъ мѣстахъ наслѣдовалъ отъ отца своего и купилъ у Шульшгейса Фонъ Бубенберга и Графа Петра Аарбергскаго. Въ одно и то же время служилъ онъ въ Нидау, былъ опекуномъ молодого Графа и гражданиномъ Бернскимъ. Посему, чтобы удовлетворишь своей склонности и не измѣнить своему владѣтелю, представилъ Графу, что война съ Берномъ причинитъ ему вредъ, который онъ нелегко вознаградитъ можешь. Графъ позволилъ ему сражаться

за согражданъ , почиая незначущимъ , какъ онъ самъ сказалъ ему , „изъ двухъ сотъ воиновъ и ста сорока преданныхъ ему Рыцарей лишиться одного.“ Для сего, когда Ерлахъ прощался съ Графомъ, сказалъ ему: „Вы, господинъ Графъ, назвали меня воиномъ; воиномъ хочу я показать себя.“

При возрѣнїи на Ерлаха пробудилось во всѣхъ душахъ воспоминаніе счастїя при Доннербютелѣ, всеобщимъ кликомъ возложено было на него главное начальство, и Шультгейс фонъ Бубенбергъ вручилъ ему городское знамя. Онъ вспалъ и говорилъ къ собравшимся гражданамъ почти слѣдующими словами: „Я выигралъ шесть сраженій, въ коихъ всегда малое число побѣждало большое воинство: добрый порядокъ есть вѣрнѣйшее средство въ битвахъ къ побѣдѣ. Какъ множество бесполезно противу приличнаго устройства, такъ бесполезно мужество безъ порядка. Вы, ремесленники Бернскіе, часпо повиновавшіеся неохотно, пребудьте свободными мужами; свободными вы и останетесь, если научитесь повиноваться, когда и кому должно. Я не испрашусь меприятеля; съ Богомъ и вами

„готовѣ начашъ войну; мы будемъ ее произ-
„водишь, какъ производили при жизни
„отца моего. Но я не принимаю на-
„чалства безъ полной власпи.“ Собраніе
гражданъ Бернскихъ, выслушавъ слова
сіи, поступило подобно древнимъ Рим-
лянамъ: немедленно всякъ поднялъ ру-
ку и клялся Богомъ и всѣми Святыми
во всемъ Рыцарю Ерлаху непрекословно
повиноваться шѣломъ и душою.

Въ Лаупенѣ Бубенбергъ и Бланкен-
бургъ, тяжко стѣсненные, пребывали
непоколебимы; опразили многіе при-
ступы. Тщешно требовали отъ нихъ
сдачи, щешно стѣны были потрясемы
бревнами и овнами, подкапываемы подъ
защитою шарановъ, изъ мешательныхъ
машинъ тяжелыми камнями непрестан-
но поражаемы. Лаупенъ лежѣтъ на
холмѣ, при подошвѣ котораго Зензе
вливается въ Сану; другіе холмы воз-
вышаются надъ онымъ; высоты и рав-
нины были покрыты густымъ кустар-
никомъ и лѣсомъ; къ нимъ проспиралась
отъ Берна древняя роща. Поелику го-
родъ былъ окруженъ совершенно, то
при замедленіи помощи, жизненные
припасы его могли истощиться. Но
Бернъ рачительно вооружался; изъ ок-
рестныхъ мѣстъ собирались многоруд-

ные граждане, изъ Нижняго Зибеншала и изъ всѣхъ сѣланъ округа Вейсенау народъ, подъ предводительствомъ Іоанна Фонъ Вейсенбурга, готовился къ выступленію; изъ опдаленныхъ долинъ Фогтъ Куно Фонъ Ринкенбергъ, войско изъ Гасли приближались; Баронъ Іоаннъ Фонъ Крамбургъ, прежній Шульштейсѣ спѣшилъ черезъ Брюнигъ въ Швейцарскіе Вальдштеты.

Союзъ между Берномъ и Вальдштетами кончился. Когда Крамбургъ пришелъ въ Унтервальденъ, оба Ландмана тотчасъ собрали народъ, и онъ говорилъ: „Свобода прежнихъ союзниковъ ихъ, гражданъ Бернскихъ, ихъ друзей, зависящихъ отъ одного дня, въ который всѣ принадлежащіе къ союзу Швейцарскому должны рѣшительно сразиться съ превосмогающею силою своихъ непріятелей.“ На его предложеніе они отвѣщивали: „Любезный Господинъ Фонъ Крамбургъ! истинная дружба доказывается въ нуждѣ; иди въ Бернъ, скажи своимъ согражданамъ, что народъ Вальдштетской хочешь имъ показать, какъ онъ мыслитъ.“ Поспѣшно переехали вѣстники черезъ Вальдштетское озеро; послѣдно Іоаннъ Фонъ Аштингаузенъ созвалъ жителей Ури, и

Бейдманъ гражданъ Швица; въ числѣ воиновъ Ури находился еще Вильгелмъ Тель, въ дружинѣ Швица прежній Ландманъ Вернеръ Спауфахеръ, въ глубокой старости. Скоро вооружили Вальдшешы девять сотъ добрыхъ воиновъ, ошпавились черезъ Брюнигъ въ долины, и явились въ Нури, недалеко отъ Берна, прошли черезъ городъ и остановились предъ главными воропами.

Ерлахъ собралъ военный совѣтъ и пригласилъ опличившихъ воиновъ. Когда было разсуждаемо, скоро ли должно вести войско и какимъ образомъ дать сраженіе, Вальдшешцы отвѣчали: „Скорѣе сколько можно и до послѣдней капли крови.“ Изъ всѣхъ союзныхъ друзей города Берна шокмо жили Солошурна показали древнюю вѣрность; угрожаемые Австрійскимъ войскомъ, прислали они восемьдесятъ конныхъ воиновъ, хорошо вооруженныхъ. Двадцатаго Іюня спояли Вальдшешцы передъ Берномъ. Дибольдъ Базельвиндъ, священникъ, увѣщавалъ воиновъ: „Неприятель превозносится своимъ числомъ; Богъ наказываетъ гордость и благословляетъ мужество. Св. Винценцъ и Св. Урсъ наслѣдовали небо, ибо они для правого дѣла пренебрегли жизнью. Въ спра-

»ведливой бишвѣ, какова бишва за отечество, побѣда будетъ на споронѣ »гражданѣ; смертію за отечество по- »купающѣ небо, оставшихся въ живыхъ »Богъ сохранишѣ для свободы и славы.« Мужчины, женщины проводили день и ночь въ общахъ, въ раздаваніи милосшыни, въ торжественныхъ ходахъ и моленіи. Кратко было отдохновение; въ полночь главный предводитель далъ знакъ къ выступленію.

При лунномъ сіяніи они выступили: девять сотъ Вальдстешцовъ, шриста воиновъ изъ Гасли, шриста изъ Зибеншала, четыре тысячи гражданъ и иностранцевъ Бернскихъ, подъ коннымъ знаменемъ восемьдесятъ всадниковъ изъ Солотурна, впереди священникъ Базельвиндъ, въ его рукахъ Святые Дары. За каждымъ слѣдовали со стѣны взоры жены и дѣтей, доколѣ лѣсисная, неровная страна всѣхъ скоро не сокрыла. Шультгейсѣ Фонѣ Бубенбергѣ съ нѣкоторыми старѣйшими изъ Сенапоровъ, въ заботливомъ вниманіи ко всякому знаку часовыхъ, ко всякому вѣспнику опѣ войска, совѣщивались о защищеніи города. Всѣ женщины и дѣти лежали, въ ожиданіи вечера, цѣлый день передъ олшарями въ церквахъ и часовняхъ знаменитыхъ родовъ.

Въ совершенномъ порядкѣ, подъ пред-
водительствомъ Ерлаха, войско шло по
извѣданной рачительно странѣ. Къ по-
лудню остановилось оно недалеко отъ
Лаупена (однакожъ такъ, что изъ го-
рода невозможно было его видѣшь), на
высотѣ Бромберга, съ которой былъ
видѣнъ непріяель, имѣвшій за пыломъ
густой лѣсъ. Тогда многіе Рыцари, подъ
различными предложениями, выѣхали изъ
рядовъ, приблизились къ непріятелю,
и между ними возсталъ, какъ въ древ-
нихъ войнахъ Греческихъ героевъ,
оскорбительный споръ съ насмѣшками
или презорствомъ: Іоаннъ Фонъ Макен-
бергъ, Шультгейсъ Фрейбургскій, уш-
верждалъ, что въ войскѣ Бернскомъ
находясь переодѣшныя женщины; на
что Куно Фонъ Ринкенбергъ отвѣчалъ:
„Ещо вы увидите сего дня.“ Одинъ изъ
жителей Швица кричалъ громко: „Мы
„гошovy; кто хочетъ, выходи.“ Напро-
шивъ Графъ Рудольфъ изъ Нидау гово-
рилъ неперпѣливымъ Баронамъ и Гра-
фамъ: „Ещомъ непріяель всегда знаетъ
„свое дѣло.“ Передъ Герцогомъ Аль-
брехтомъ Австрійскимъ онъ сравнивалъ
войско жителей Верна съ лѣсомъ съ
иглами; Герцогъ сказалъ: „Однакожъ
„Графъ Нидау не боится никакого не-
„пріятеля.“ На что онъ клялся: „Сего

„дня Графъ Нидау и въ послѣдній день;
я поперяю жизнь и имѣніе, но про-
дамъ ихъ дорого.“ Знаменоносецъ Фюли-
спорфъ, изъ Фрейбурга, когда упрека-
ли его въ робости, сказалъ: „Знамя
моего города буду я держать твердо,
доколѣ не паду самъ; вашею гордостію
не будете вы радоваться.“

Ерлахъ, поелику онъ имѣлъ много
неопытныхъ воиновъ, не хотѣлъ не-
приятельской военному искусству
противопоставить никакихъ хитрыхъ
распоряженій (его войско замѣшалось
бы); онъ старался сколь возможно бо-
лѣе воспламенить войско, чтобы уве-
личить его силу, и уничтожить всѣ
замыслы неприятеля мужественнымъ
нападеніемъ. Во всѣхъ войнахъ, въ ко-
торыхъ предводительствовалъ, лю-
билъ онъ наблюдать порядки съ совер-
шенною точностію, идши прямо и ни-
когда неприятелю тыла не показывать.
Таково было его воинское искусство,
приличное духу Швейцаровъ, свойству
нашей земли и нашимъ войнамъ.

Великая, слишкомъ пренебрегаемая
часть военнаго искусства, состоящая не
въ томъ, чтобы немногія, всеобщія,
вѣчныя онаго истины приспособлять

(какъ бываетъ) къ оружію каждаго столѣтія; но (какъ Римляне можетъ быть лучше поступали) сообразовать оныя съ обстоятельствомъ каждой страны и народа.

Ерлахъ, подошедъ къ неприятелю, приказалъ, чтобы жили Вальдштетовъ, Обергасли, Зибеншала и Солошурна, какъ они сами желали, удерживали конницу, которая, по его мнѣнію, хотѣла разорвать его ряды или обойти все его войско, потомъ ударить съ боку на жителей Берна или съ высоты напасть на тылъ его; противу пѣхоты, которая въ пѣсныхъ рядахъ долженствовала удерживать жителей Берна, сталъ онъ самъ. Онъ избралъ, съ особеннымъ намѣреніемъ, нѣсколько самыхъ бодрыхъ юношей изъ цеха кожевниковъ и мясниковъ. Сихъ воспламенилъ къ величайшему мужеству, воскликнувъ: »Гдѣ веселые юноши, которые въ Бернѣ, украшенные цвѣтами и перьями, ежедневно являлись первые на всякой пляскѣ? Сего дня съ ними честь города. Здѣсь знамя, здѣсь Ерлахъ!« Они ошвыщивали громкимъ крикомъ: »Предводитель! мы будемъ съ тобою!« Вышли впередъ и окружили знамя.

Послѣ сего, по данному знаку, во первыхъ пращники кинулись на неприятелей; каждый изъ нихъ бросилъ по три камня; разорвали ряды, опсупили назадъ. Сб громомъ понеслись тяжелыя желѣзныя колесницы на разстроеннаго неприятеля; сидящіе на нихъ воины сражались яростно, ибо они не могли поворотить назадъ своихъ колесницъ. Между пѣмъ задняго войска, какъ неопытныя, почли опсупленіе пращниковъ за начало бѣгства, и бросились въ лѣсъ; ихъ движеніе было примѣчено, возбудило смущеніе въ душахъ и было возвѣщено предводителю. Въ сію минуту Ерлахъ, съ яснымъ, полнымъ надежды лицемъ, воскликнулъ къ воинству: „Друзья! мы побѣждаемъ; прусы передъ нами!“ и немедленно, когда и колесницы дѣйствовали, со знаменемъ города Берна въ рукъ, съ вышеупомянутыми юношами, отборнѣйшими изъ его войска, бросился съ неодолимою силою на неприятельскую пѣхоту. Тогда пали Шульштейсъ Фонъ Макенбергъ, знамя города Фрейбурга изъ ослабѣвшей руки Фюлишпорфа, который умеръ славною смертію въ числѣ сорока своихъ родственниковъ; многіе другіе были ранены; мужесквенные всѣхъ сражались жители Фрейбурга. Положеніе мѣсна

не позволяло неприятелю дѣйствоватьъ всѣми силами. Подробности о расположеніи и производствѣ сей достопримѣчательной битвы неизвѣстны, такъ какъ и большей части сраженій, которыя не были описаны самими военачальниками или не сообщены историкамъ. Когда наконецъ всякое сопротивление казалось тщетнымъ, предалась вдругъ вся пѣхота; впереди изъ Вельшланда, бросая оружіе, безпорядочному бѣгству по двумъ дорогамъ выше и ниже Лаушена. Къ вечеру поспѣшили воины Берна на помощь Швейцарамъ и жителямъ Соломюрна противу конницы; въ самое сіе время она побѣжала; она хотѣла было окружить Швейцаровъ, но сіи, какъ всегда поступали въ великой опасности, держались неразрывно, доколѣ пращники не переранили, не успрашили лошадей и пѣмъ не смѣшали неприятелей. Изъ первыхъ палъ Графъ Рудольфъ изъ Нидау, по своему обѣщанію; недалеко отъ него былъ найденъ Графъ Гергардъ; многіе сожалѣли объ Іоаннѣ Савойскомъ (напрасно престарѣлый отецъ ожидалъ возвращенія единственнаго сына съ честью примирился! онъ заставилъ вдовствовать много лѣтъ супругу свою, Маргариту Шалонскую); при Графа изъ дому Грейерцскаго лежали на полѣ битвы,

одиннадцать другихъ Графовъ подѣ мѣр-
щвыми шѣлами. Проспыхъ воиновъ по-
бишо болѣе, какъ обыкновенно случает-
ся, въ преслѣдованіи. Баронъ Фонъ Блю-
менбергъ, услышавъ, кто и сколь мно-
гіе были побиты, сказалъ своему слугѣ:
„Избави Боже, чѣобы Блюменбергъ пе-
режилъ такихъ мужей,“ и съ опущен-
ными поводами бросился среди Вальд-
шешцевъ, и нашелъ смерть. Поля Обер-
вильское и Виденское покрыты были
оружіемъ, конями, шрупами, осмиде-
сятью увѣнчанными шлемами и двад-
цатью семью знаменами городовъ и вла-
дѣшелей. Петръ Аарбергскій бѣжалъ
со всѣми обозами. Чиновники Ааргау и
Графъ Ебергардъ, шедшіе къ непрія-
тельскому войску, узнавъ о семъ проис-
шествіи, въ ужасѣ спѣшили, кто въ
свою землю, кто къ защищенію города
Фрейбурга.

Когда, послѣ преслѣдованія непрі-
ятели, собрались на мѣсто битвы, все
войско города Берна упало на колѣна,
и благодарило Бога, что Онъ благосло-
вилъ, какъ и всегда, мудрость Ерлаха
и ихъ мужество. Ерлахъ хвалилъ ихъ
повиновеніе. „Никогда не забуду,“ гово-
рилъ онъ, „что я обязанъ сею побѣдою
„довѣренности моихъ согражданъ и на-

„шему геройскому духу, неупомимые, „твердые, любезные друзья и помощники въ нуждѣ, жители Вальдспешовъ и Солошурна! Если наши потомки „услышатъ повѣствованіе о сей побѣдѣ, „по будущъ почиташъ взаимное дружесство выше всего на свѣшѣ; размышляя „о вашихъ опасностяхъ и войнахъ, увидятъ, отъ какихъ предковъ они происходятъ.“ Между тѣмъ другіе прилагали попеченіе о раненыхъ: избраны были провожаемые для тѣхъ, которые хошѣли погребсти родственниковъ въ могилахъ родовъ своихъ; прочіе были погребены, гдѣ пали, въ большихъ могилахъ. Когда изъ Лаупена увидѣли дружественное знамя, многіе плакали, какъ плачущъ при чшеніи или слушаніи о великихъ дѣлахъ, въ которыхъ не могли участвовашъ.

Ночь, по обыкновенію, провели воины на полѣ побѣды. Рано въ слѣдующій день всѣ были готовы. Впереди ѣхалъ Дибольдъ Базельвиндъ; за нимъ слѣдовали завоеванныя знамена, оружіе и снаряды побитыхъ владѣльцевъ; на всѣхъ лицахъ сіяла побѣда, одержанная добродѣтелію, которая зависитъ отъ нашего духа, надъ силою, даромъ счастья. Въ сихъ мысляхъ вступили они

въ городѣ Бернѣ. Ерлахъ, возобновивъ славу отца своего освобожденіемъ опечесства, сложилъ власпѣ свою. Житпели Берна и Вальдсшешовъ поклѣлись въ дружбѣ и союзѣ; первые дали вторымъ семь сотъ пятьдесять фуншовъ пфенинговъ и вознаградили ихъ за расходы и пошери въ оружіи и коняхъ: они пришли на помощь Берну, не помышляя объ убыткахъ войска, безъ договора о платѣ воинамъ. Наконецъ житпели Берна постановили, чшобы ежегодно въ сей день совершать торжественный ходъ со знаменами, распятіемъ и мощами, раздавать милосшыню бѣднымъ, и такимъ образомъ, слѣдуя мудрому обычаю предковъ, возобновлять воспоминаніе объ Ерлахъ и воинахъ, участвовавшихъ въ сей битвѣ, для возбужденія любви къ опечесству и подражанія ихъ добродѣтели.

Василій Перевощиковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Замѣчанія о Корсикѣ.

(Окончаніе.)

Вождельнные успѣхи въ управленіи Корсикою съ 1769 года по 1789 служашь яснымъ доказательствомъ, что нѣтъ невозможности водворить порядокъ на семъ островѣ. Но со времени революціи новая причина уничтожила всѣ успѣхи въ образованности гражданской — именно теорія однообразныхъ управленій, мечшательная система, вмѣстѣ со многими другими родившаяся въ буйномъ и безплодномъ воображеніи тогдашнихъ законодателей. Однообразіе, и равенство совершенное — вотъ двѣ побрякушки всѣхъ мѣлкихъ умовъ, тѣхъ людей, которые щеголяли постоянствомъ своихъ правилъ въ разныя эпохи революціи. Сии граждане, превратившіеся попомъ въ вельможъ Имперіи, мало помалу отспавали отъ правилъ своихъ о равенствѣ, если не на словахъ, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ: успѣвши приобрѣсти себѣ шпіла и номѣшья,

сѣ новымъ вельможевластіемъ сопряженныя, они предославляли одураченнымъ ученикамъ своимъ равенство уничиженія *подъ ватерпасомъ славы*; догматъ объ однообразіи устоялъ однакоже при всѣхъ нападеніяхъ на него отъ здраваго смысла; сей велигественный остатокъ революціи еще донынѣ постоянно вредитъ самымъ важнымъ выгодамъ общезишя, еще донынѣ спѣсняетъ предпріятія полезныя и необходимыя. Европа судила уже объ его дѣйствіяхъ, и опыты бывшей Имперіи показали всѣ неудобства, отъ него происходящія. Именно охота вводитъ одинъ и тотъ же порядокъ вещей въ націяхъ, весьма нескладныхъ между собою, — именно охота своевольно раздроблять обласши, соединенныя между собою нравами, обычаями, воспоминаніями, — прежнія учрежденія городскихъ правительствъ, положимъ не систематическія, но благоразумныя и прочныя, замѣнятъ легкомысленно вновь изобрѣшеннымъ чиноначаліемъ; охота слишкомъ поспѣшно вводитъ *языкъ всеобщій* — вопѣ чѣмъ система правленія Буонапартова казалась оскорбительною даже и шѣмъ изъ чуждыхъ народовъ, кошорые были расположены благопріяшествованъ политическому его перевѣсу.

По милости етой системы однообразнаго управленія Буонапарть въ своихъ же соопсичахъ нашелъ противниковъ самыхъ упорныхъ. Тотъ, кто успѣлъ разрушить Германскую Имперію, не могъ уничтожить *вендетты*, сего варварскаго самоуправства! Тому, кто величіемъ своимъ понизилъ вершины Альпійскія, никакъ не удалось провести большую дорогу отъ Аяччіо до Баспіи! Генераль Сезаръ Бертье, которому предписано было сдѣлать дорогу, головою своей поручился, что въ шапой-шо именно день переѣдетъ онъ черезъ всю Корсику въ каретѣ: онъ отправляется изъ главнаго города; но достигши до горъ, видя, что дорога между ними разрушена. Чтобы сдержать слово, Генераль приказываетъ солдатамъ снять колеса съ осей кареты, и нести себя на рукахъ далѣе.

Послѣ паденія Имперіи разныя министры пытались распоряженіями своими помочь крайне затруднительнымъ неудобствамъ однообразнаго управленія. Особенно же вразсужденіи Корсики были предпринимаемы многія частныя мѣры, дѣлаемы были разныя исключенія; но цѣль, если вѣришь г-ну

Бомону (*), все еще далеко недости-
гнуша.

Еще немного прошло времени, го-
воришь сей писателю, какъ одной воло-
спи надлежало многіе мѣсяцы дожидать-
ся дозволенія сдвинуть съ мѣста ка-
мень. Вошь въ чемъ дѣло. Нужда пре-
бывала исправить родникъ въ одной де-
ревнѣ: время было дорого: пятнадцать
франковъ достало бы на всѣ издержки;
но надлежало соблюсти узаконенный
порядокъ. Въ слѣдствіе сего Меръ вхо-
дитъ съ письменнымъ представленіемъ
къ Субпрефекту, ходатайствуя о дозво-
леніи волоспному совѣту приступить
къ сужденіямъ по сему дѣлу. Субпре-
фектъ доноситъ о томъ Префекту,
которой даетъ первому свое разрѣше-
ніе, то есть дозволяетъ волоспному
совѣту собраться. Субпрефектъ увѣдо-
мляетъ о томъ же Мера; епотъ со-
зываетъ совѣтъ; члены разсуждаютъ,
и дѣлаютъ свое опредѣленіе. Прото-
колъ ихъ представленъ отъ Ме-
ра къ Субпрефекту, которой, предвари-
тельно соглашаясь съ положеніемъ со-

(*) Графъ Болионъ, Субпрефектъ округа Ка-
ви. Предлагаемая нами снѣжанья написана
по поводу изданной имъ книги: *Observations
sur la Corse.*

вѣща, препроводилъ оное къ Префекту. Сей, ушвердивъ *окопательно* докуменѣ, обратилъ его къ Субпрефекту копорой, передалъ Меру при своемъ повелѣніи составившъ смѣшу издержкамъ. Меръ представляеѣ смѣшу къ Субпрефекту, копорой *предварительно* ее одобрилъ и при своемъ донесеніи препроводилъ къ Префекту. Префектѣ, *окопательно* извѣявивъ свое согласіе, послалъ смѣшу обратнѣ къ Субпрефекту, а сей къ Меру съ предписаніемъ сдѣлать шнуровую шепрадъ для записки расхода денегъ. Меръ, сдѣлавши шепрадъ, препроводилъ ее при своемъ донесеніи къ Субпрефекту, копорой, по *предварительно* одобреніи, представилъ оную къ Префекту. Префектѣ *окопательно* извѣявилъ свое согласіе, и смѣшу отослалъ обратнѣ къ Субпрефекту, а сей опяѣ къ Меру, рекомендуя приступиѣ къ рѣшителъному опредѣленію о начатіи работъ. Опредѣленіе сдѣлано, и прополокъ, какъ слѣдовало, препровожденъ къ Субпрефекту, а отъ сего, по *предварительно* одобреніи, представленъ къ Префекту. Префектѣ, *окопательно* извѣявивъ свое согласіе, обратилъ прополокъ къ Субпрефекту, копорой отослалъ его обратнѣ къ Меру и велѣлъ немедленно приступиѣ къ работѣ.

Между тѣмъ вода въ источникѣ исчезла, и вся деревня осталась безъ сей необходимѣйшей влаги! Но за то уже двадцать предписаній и донесеній, два прошокола и шнуrowая щепрадь были возимы шуда и сюда по Корсикѣ, для того только чшобы законнымъ порядкомъ испрашишь пяънадашь франковъ, и для того чшобы поржесствовала система однообразнаго управленія!

Вотъ еще примѣръ, гораздо важнѣе предвѣдущаго. Одинъ всѣмъ извѣстный убійца, по имени Вишерба, приговоренъ былъ къ смерти; онъ обращается къ высшему суду съ жалобою на неправоe рѣшеніе, а между тѣмъ, расчисливши время, кошорому надлежало пройти до полученія ошвѣща изъ Парижа въ Басцію, принимаетъ намѣреніе уморить себя голодомъ въ шемницѣ. Мало того, что преступникъ такимъ образомъ избѣжалъ публичной казни; передъ смертью онъ сочинилъ еще Италіянскіе стихи, чрезвычайно ѣдкіе и сильные, въ которыхъ жалуется на судей, какъ на личныхъ враговъ своихъ, и возлагаетъ на свою родню непреложный долгъ мщенія (*vendetta*). И тутъ не все еще: онъ находилъ средсва напечатать и пустишь въ свѣтъ свою поему,

попомъ умираешь съ равнодушіемъ. „Я доволенъ!“ говорилъ онъ: „смерть моя не останется безъ опмщенія.“

Корсиканцы несовсѣмъ непризнательны къ благимъ намѣреніямъ Французскаго правишельства. „Вы желаете намъ добра,“ говорятъ они: „но ваши законы противны нравамъ нашимъ.“ Въ Корсикѣ нѣтъ ни Буонапартистовъ, ни людей благопріятствующихъ революціямъ; имя Бурбоновъ тамъ уважается. Но нація, по словамъ г-на Бомона, еще непересшла мыслишь о какой-то независимости, объ отдѣльномъ существованіи острова. Вотъ почему г. Бомонъ предлагаетъ устроить внутреннее управленіе Корсики по совершенно особливому плану. Онъ желаетъ, чтобы Префектъ тамошній былъ Корсиканецъ, который бы долгое время оставался при одной и той же должности, дабы могъ и начать и кончить предпріятія свои къ пользѣ края. По его же миѣнію, можно бы допустить законные поединки, дабы симъ рыцарскимъ обрядомъ на первой случай замѣнить злодѣйскія смертоубійства и войны фамильныя. Ещо послужило бы для Корсиканцевъ переходомъ къ новымъ нравамъ, и они въ послѣдствіи времени

ничѣмъ бы не отличались уже отъ прочихъ жителей Европы.

Предложимъ свое мнѣніе. Корсика неперестанетъ быть бременемъ для насъ и соблазномъ дошолъ, пока Франція нерѣшилась отдѣлить ее въ начесть особаго Княжества Италіянскаго, соединеннаго съ Франціей зависимошю отъ одного и того же Государя, но управляемаго собственными своими законами и собственнымъ начальствомъ. Дозволимъ Корсиканцамъ быть Корсиканцами; увидите, что симъ однимъ лишь снисхожденіемъ сдѣлаемъ ихъ самыми усердными подданными. Сильная привязанность къ чести (хотя Корсиканцы понимающъ ее и не такъ, какъ бы надлежало) можетъ имѣть по дѣйствіе, что они со временемъ сдѣлаются вѣрнѣйшими друзьями нашего опечесства, а гордость національная сама наведетъ ихъ на спезю образованности. Намѣстникъ Французскій долженъ будетъ употребить свои старанія, чтобы жители острова съ любовію благоговѣли передъ именемъ Бурбоновъ; войско же уменьшенное до числа, единственно потребнаго для охраненія крѣпостей (если впрочемъ и сіе признается нужнымъ), не будетъ уже болѣе тягостнымъ для

финансовъ. Такимъ образомъ предоп-
ращаются издержки, при нынѣшнемъ
порядкѣ вещей необходимыя.

Мальтѣ - Брюнѣ (*).

Политическія замѣчанія о дѣлѣ Грековъ.

Подъ симъ заглавіемъ вышло въ
свѣтъ напечатанное въ Парижѣ сочи-
неніе одного весьма почтеннаго Грека.
Извлеченія изъ него помѣщены въ раз-
ныхъ журналахъ Французскихъ. Авторъ
между прочимъ спарается доказать,
что возстанія Грековъ опіюнь неслѣ-
дуетъ называть ненавистнымъ име-
немъ бунта,

„Слово бунтъ (rebellion) справедливо
„можетъ быть употреблено, когда рѣчь
„идеть о массѣ людей вооруженныхъ,
„возмущившихся противу своего госуда-
„ря, которому они дали присягу въ вѣр-
„ности и повиновеніи; но ни подъ ка-
„кимъ видомъ неслѣдуетъ называть
„такъ массу народа, которая борется съ
„чужеземными припѣснителями своими,
„защищая собственное опечесство, свое

(*) Сокращ. изъ Journ. d. Déb.

„бытіе, свою религію. Ежели естъ насто-
 „ящіе мяшежники въ Турціи, шакъ ето
 „Янычары и Паши, копорые безпере-
 „спанно буншуютъ прошиву законнаго
 „Государя ихъ націи и прошиву власши
 „правительсства, установленнаго зако-
 „нами ихъ же собственой религіи. Гре-
 „ческой же народъ, относительно къ
 „Турецкому правительству, не входитъ
 „въ составъ ни господствующей націи,
 „ни войска національнаго или служа-
 „щаго изъ племени, и даже несостав-
 „ляетъ класса подданныхъ обязан-
 „ныхъ присягою. Ето масса народа
 „единоплеменнаго, совсѣмъ отдѣльно су-
 „ществующая въ государствѣ, обло-
 „женная данью, поработенная, оплич-
 „ная своими нравами, своими законами,
 „своею религіей. А какъ господствующая
 „сила угрожаетъ ей истребленіемъ,
 „лишаетъ ее правъ гражданскихъ и по-
 „лищическихъ, даже собственности и
 „личной безопасности; то именно отъ
 „сей истребительной силы нація угне-
 „тенная старается защищать себя и
 „удержать свое существованіе. Слѣд-
 „ственно шутъ нѣтъ мяшежа поддан-
 „ныхъ прошивъ своего законнаго госу-
 „даря, нѣтъ бунна вооруженной тол-
 „пы прошиву власши верховнаго главы
 „народа; здѣсь только лишь законная

„оборона природныхъ жилищей страны
„противу варваровъ чужеземныхъ. Ка-
„кой безпристрастный назовешъ подоб-
„ную оборону бунтомъ? Какимъ зако-
„номъ политическимъ или Божествен-
„нымъ осуждается подобное дѣйствіе?“
и проч.

Одна изъ причинъ, недозволяющихъ
поспоропнымъ вмѣшательству въ дѣла Гре-
ціи, есть, какъ извѣстно, опасеніе, что-
бы не поколебать равновѣсія Европы,
усиливъ нѣкоторыя государства, и безъ
того уже слишкомъ сильныя. Защищ-
никъ Греціи уклоняетъ и сію причину,
доказывая, что Имперія Османская
при нынѣшней своей слабости не мо-
жетъ быть существенною преградой, и
что отъ сосѣдственныхъ завоевателей
зависѣло бы распорядить дѣла такимъ
образомъ, чтобы равновѣсіе Европы не
только ничего непоперяло, но еще бы
даже и выиграло.

Любовь къ отечеству, кажется,
слишкомъ далеко уже увлекаетъ наше-
го автора, въпрочемъ оспорожнаго въ
политическихъ своихъ сужденіяхъ. Онъ
весьма чистосердечно предлагаетъ — воз-
становить *Греческую Имперію*, несказы-
вая намъ однакожъ, какимъ образомъ
нація, состоящая изъ пяти милліоновъ

душѣ по самой большой мѣрѣ, удержишь при себѣ господство, хотя бы даже и съ помощію Европы, среди неукротимыхъ племенъ Албанцовъ, Босняковъ, Туркомановъ, Сербовъ — племенъ, которыхъ, по закону человеколюбія, нельзя ни испреблять, ни выгонять прочь, еслибъ и допустишь возможность изгнанія цѣлаго народа? И чѣмъ будетъ Имперія Константинопольская безъ всей Малой Азіи, населенной Турками и Туркоманами? Неспанемъ шеряшь времени, неспанемъ опровергать мечты о мнимой Имперіи Византійской, тѣмъ болѣе что самъ авторъ, какъ видно, скоро догадался о неудачномъ своемъ уклоненіи отъ прямой дороги, и попалъ на мысль удобо-исполнимую, непротивную здравой цолишикѣ.

„Но пусть равновѣсіе Европы“ говоритъ сочинитель „оспанется въ своемъ прежнемъ состояніи; есть другое, „очень простое средство прекратить „безпокойства и кровопролитія въ областяхъ Турціи, даже не потрясая коренныхъ правилъ сей Державы и не вооружаясь противу политическихъ видовъ ихъ, которые берутъ участіе въ ея цѣлости. Вотъ въ чемъ состоятъ „сіе средство: пускай общимъ стараніемъ

»емь убѣдяшъ Поршу прекрашшь сію
 »испребительную войну прошиву Гре-
 »ковъ и признашъ Хрістіянскимъ Княже-
 »ствомъ , граждански независимымъ , но
 »политически подвластнымъ, Грецію соб-
 »спвенно пакъ называемую , разумѣя
 »подъ симъ именемъ Морею , Ашшину и
 »Ливадію до пѣсинъ Термопильскихъ ,
 »зѣмли , обипаемыя одними лишь Гре-
 »нами ; сюда же присоединишъ должно и
 »Цикладскіе оспрова Архипелага, на ко-
 »торыхъ никогда Турки не жили , и
 »не живутъ донынѣ.

(Окончан. въ слѣд. книжкѣ.)

С М Ъ С Ъ.

Малороссійскіе анекдоты (*).

1.

Крымскіе Ташары дѣлали набѣги
 на пограничныя селенія Слободскихъ

(*) Нарѣчіе Малороссіянъ являеяся уже
 не только въ книжкахъ печатныхъ , но и
 на сценѣ въ обихъ Столицахъ. Желатель-
 но , чтобы Малороссіяне говорили тамъ
 дѣйствительно своимъ языкомъ , на при-
 мѣръ какъ въ сихъ анекдотахъ. Рдрѣ.

полковъ даже въ мирное время, неоднократно разоряли деревни, уводили съ собою жишелей со всѣмъ ихъ скотомъ и имущесвомъ. Напуганные обыватели, при малѣйшемъ шумѣ, для нихъ подозрительномъ, покидали дома свои, крылися, кому гдѣ можно было, оставляя все имущество на произволъ злодѣевъ. — Въ одномъ селеніи вдругъ раздался крикъ: *Татарва, Татарва!* Всѣ бросились въ лѣса, въ сады и куда глаза глядятъ. Въ одномъ семействѣ одинъ изъ братьевъ спрясался подъ мостикъ; другой въ саду вскарабкался на грушу; третій же, опъ безпечности, или желая спряпашъ *батьковцъ скрынкцъ* опъ *Гашаръ* подалѣ, хлопоталъ у себя въ ханѣ. Вдругъ слышнпъ онъ у самыхъ уже дверей голоса Татарскіе. Чтô дѣлалъ бѣдному *Миколъ*? Куда въ избѣ спряпашъся? Одно убѣжище на печи. Засѣвши тамъ, съ горестію смотрѣлъ онъ, какъ сіи хищники вездѣ шарили, все забирали, укладывали. Вотъ они уже вышли. Бѣдный Микола началъ было оживать и уже прислушивался къ исчезающему шуму, какъ вдругъ снова вбѣгаешъ одинъ *Татаринъ* — ии за чѣмъ болѣе какъ манишь воды, которую онъ замѣнилъ въ ханѣ. Микола оняшъ безъ души. Но увидѣвъ, что *Татаринъ* пьетъ смирно,

прибодрился и не утерпѣлъ, чѣмъ не сказаць обыкновеннаго при семъ случаѣ комплименѣа: *здоровѣ живѣ!* Ташаринъ, не понимая привѣщанія, бросился на печь, связалъ арканомъ бѣдному Миколѣ руки, и пошацилъ его къ своимъ товарищамъ. Сидѣвшій подъ мостикомъ, увидѣвъ, что брата его ведутъ злодѣи, не выдержалъ и закричалъ въ свою очередь: *Прощай Миколо!* Тотчасъ схватили и ешаго. Только лишь уравилися съ нимъ, какъ преріи братъ, сидѣвшій на грушѣ и видѣвшій все происходившее, вздумалъ ихъ пожуришь и въ свою очередь воскликнулъ: „Чого було вамъ дурнымъ витзываться!“ Ненужно сказывать, что и сего Ташаре неоспали дома.

2.

Одинъ Малороссіянинъ, Полтавскій житель, завѣрное въ своемъ кругу рассказывалъ: — „Якъ дойшовъ Бонапартъ до Москвы, шай хотивъ було тамъ зимовати; ажъ ось бижишь гинець: Динци рушылы! — А винъ шильки усомъ моргонувъ (Бонапартъ!). Дали другій прибигъ, що вже козацтво (вообще Малороссіяне) настыга! Бонапартъ каже: нехай ихъ; намъ шумъ шепленько! — Ажъ ось бижишь преріи: Полтавци рушають! — Тогди вже баче, що не пе-

релывны, засумовавѣ! тай каже: ге, гей! хлопци! беда! щобѣ не було намѣ того, щой Шведови! — Якѣ гляды завшра, чущь маленькій свисокѣ, и побиглы не оглядаючись. А вармїя вѣ Москву. А щобѣ воны пожалуй и довгенько шамѣ бы панькалысь!

3.

Одинѣ путешественникѣ увѣрялѣ, что онѣ не находилѣ ничего глуше, какѣ хахлы. Вѣ примѣрѣ сему рассказывалѣ, что, вѣѣхавѣ вѣ одно Малоросійское селенїе поздно вечеромѣ, искалѣ постоялаго двора, и гдѣ ни спрашивалѣ, вездѣ слышалѣ одинѣ опивѣшѣ: *„Ну! нехай Богѣ милце!“* Пошерявѣ терпѣнїе, путешеспивенникѣ началѣ вѣ первой избѣ просить ночлега. — *„Та для того? Можно! паняйте вѣ дворѣ.“* — Воинѣ наконецѣ нашли пристанище и вѣѣхали. — Мужичокѣ! нѣтъ ли у тебя продажнаго сѣна и овса? — *„Нема, нехай Богѣ милце! се не постоялый дворѣ; а іе тамѣ ц садокцѣ, то нехай хлопци ваши наберуть, сколько илѣ треба.“* — Гее! послушайте: тамѣ стоить великій стигѣ; то сѣ того не берите, бо сїно осоковате, а бїля іого маленькій, конькоко сѣ пьятинадцять, то того наберите.“ Люди пошли и набрали сколько имѣ надобно было.

А овсеца нѣшу? спросилъ проѣзжій. „Та іе и овесѣ; нехай хлопци пійдуть вѣ комо-
рцу, та и наберуть; а я вже далеби самѣ
не пиду, бо за день утомився.“ — Сколько
же мѣрокъ взять? спросили его. —
„Е, голово! Та бери скільки треба; уже
не вѣхаешъ конялѣ вѣ горло лышняго;
нехай идять скільки треба.“ Людямъ
шанже поставили добру миску борщу,
наши, та варениковѣ полцмысокѣ. На за-
втрашній день глупой хажолѣ сказалъ
проѣзжему: „одже пане, я пиду ц лисѣ, а
жинка до конопливѣ; тилько диточки ос-
таються; то якѣ будете выизжати, то
нехай ваши хлопци позатиняють хату и
ворота.“ — А деньги кпо возьмешъ? —
„Яки?“ — А за кварширу? — Та що за не-
добра маты! Хиба се постоянный? а бо
що? Мы сымѣ не торгцемо, той гро-
шей вашихѣ не треба.“ — Такимъ обра-
зомъ, не смощря ни на какія обѣжденія,
по словамъ сего пущешесшвенника, глупой
хажолѣ не взялъ ни копѣйки ни за
кварширу, ни за кормѣ людей и лоша-
дей. — И епо приписываютъ глупости!
Хорошо, какѣ бы такихѣ глупцовѣ посе-
лилъ поболѣе по столбовымъ доро-
гамъ!! —

4.

Чумаки съ фурами пришли вѣ Моск-
ву. Здавѣ клажу по принадлежности,

два поварища пошли бродить по городу. *Потапъ* таки бывавъ уже на *Москви* неразбъ; вотъ онъ и повелъ *Охрима* съ собою смотрѣть всѣ диковины. Подошли къ *Ивану Великому*: „Дивися, бра! дзвиниця! ще выща ніжъ у *Куряжи* (*). А галкѣ, галкѣ! шай до пропасши ихъ! одна ихъ, дви ихъ, при — — —“ Гдѣ, ни взялся удалая голова служивой, копорой уже давно ходилъ въ слѣдъ за чупрунами, чѣмъ онъ нихъ чѣмъ-нибудь поживишься. Подбѣгаетъ и грозно спрашиваетъ: *Хахоль!* чѣмъ ты считаешь? — „А щю? галокъ.“ — Сколько насчиталъ? — „Та — — ваше благородіе, ище тільки иштъ.“ — Давай же шестъ рублей. — „Ю? за вищо се?“ — Велѣно онъ команды: сколько кшо галокъ насчитаетъ, за каждую брашь по рублю штрафу. — „Отцежбыхо! Господѣ служавый! та ти не можно помиловаты?“ — — — Молчи безмоздой! Давай поскорѣ шесть рублей, а не шю, въ тюрьму! — Нечего *Потапу* дѣлать; вынимаетъ кошню, и робко опсчитываетъ деньги. Только лишь скрылся служивой, какъ вдругъ нашъ забзжій оповодилъ удивленнаго поварища въ сторону (къ сѣнѣмъ *Кремлевской*, между *Конси-*

(*) Въ преснорѣчѣи такъ называется *Старо-Харьковскій* монастырь заштатный.

споріи и Сенапа) и розказываєть єму сѣ удовольствіємъ челоѵка, обрадованаго нежданною удачею: Охриме! я Москаля одуривъ; я наливъ дванадцать галокъ; а іолю сказавъ; що тильки шисть; а винъ, мовъ дурный; повиривъ, та шисть рубливъ тильки и цзявъ! Похохопавши давольно надъ оплошнощию служиваго, Охримъ примолвилъ: не безъ розумныхъ людей таки и цнашому народови.

5.

На Крымской границѣ, въ одномъ селеніи находилась отдѣльная команда для содержанія карауловъ. Начальнику велѣно было имѣть при себѣ такъ же и сошню тогдашнихъ козаковъ Малоросійскихъ. Важнѣйшіе посшы охранялись армейскими; козакамъ же поручена была большая дорога. Въ предосторожность отъ чумы, всѣ обозы, идущіе изъ Крыма въ Россію, должны были въ семь пунктѣ поворачивать въ сторону на пять верстѣ къ учрежденному карантину. Не смотря на караулъ, обозы шли безоспановочно мимо козаковъ, и начальникъ всей команды долженъ былъ затруднятися препровожденіємъ обозовъ сихъ въ обратной путь и къ карантину. На взысканіе его, козакъ отвѣчающіи: щожъ! ямыбъ и радшии не пускати; такъ не

„сыла на нашому бекетови.“ Прибавили имъ еще смѣну козаковъ; все по же. Наконецъ являющся къ начальнику нѣкошорые изъ козаковъ съ объясненіемъ: „Вжежъ мы ихъ и не пускаемъ, вже и просимо и лаемо; шакъ шаки народъ шакій, шакъ и лизе! ша ще вѣ очи смиющся! Будъше ласкави, дайше хошь съ пару Москаливъ; а шо безъ нихъ далеби ничего не зробимо.“ — Какъ ни спрогъ былъ начальникъ, но позабавившись простодушіемъ сихъ неопытныхъ своихъ подчиненныхъ, для пробы послалъ къ нимъ шесть солдатъ Русскихъ. Новые поварищи недолго думали: поставивъ ружья вѣ пирамиду среди дороги, сами подсѣли къ *галушкамъ* съ саломъ, которыми нашу пору, по обыкновенію, козаки ушолыли свой голодъ. Только лишь обозъ приближался, вдругъ солдатъ, выдавшись изъ кучи обѣдающихъ козаковъ и своихъ товарищей, закричавъ: „не ѣзди, караулъ ломаешь!“ И обозъ поспѣшно удалялся вѣ сторону. Начальникъ, видя, что все пошло исправно, спрашивалъ солдатъ: научили ль они Малоросіянъ караулить? — *Позвольте еще, Ваше Высокоблагородіе, поцѣтитъ ихъ съ недѣлку!* сказалъ одинъ, кошорой былъ отважнѣе прочихъ: *хотя козаки-то и простоватѣ, да голушетки его съ салыцямъ вкусны.*

Политическія и другія происшествія.

Португалія.

Оппаденіе Бразиліи наконецъ совершилось. Въ изданномъ манифестѣ опъ Принца Регенпа изъяснено, для чего именно Бразилія должна опдѣлиться опъ Португалліи и объявить себя независимою. Главными поному причинами почищающся поступки Корпесовъ, копорые хотѣли изъ депулашовъ Португалліи сдѣлашся повелишелями всего Португальскаго Государства. Въ пому же манифестѣ повелѣваешся принять мѣры для опраженія всѣхъ покушеній со стороны Португалліи, и поступашъ непріяшельски со всякимъ Португальскимъ войскомъ, копорое явишся у береговъ Бразиліи. О родилель своемъ, Король Португальскомъ, Его Высочесство опъзываешся съ великимъ уваженіемъ, и даешъ знашь, что Монархъ сей находится подъ игомъ злонамѣренныхъ Корпесовъ.

— Въ Лиссабонъ прибыли изъ Фернамбука многіе Португальцы. Они рассказываютъ, что войска, Принцемъ-Регенпомъ оппавленные въ Багію, явились въ Фернамбукъ, и что какъ городъ, шакъ вся про-

винція незамедлили объявить себя независимыми отъ Португалліи.

И с п а н і я.

Октября 7го (н. с.) Е. В. Король открылъ засѣданіе Чрезвычайныхъ Кортесовъ рѣчью, въ которой онъ разсуждалъ о междоусобной войнѣ, продолжающейся въ Капалоніи, Аррагоніи и другихъ пограничныхъ обласпяхъ, и предложилъ принять дѣятельныя мѣры къ прекращенію сихъ бѣдспвій; сверхъ того пославилъ Кортесамъ въ обязанность заняться сочиненіемъ уголовныхъ законовъ. Президентъ въ отвѣтъ своемъ сказалъ, что Кортесы всячески стараются достигнуть къ желаемой цѣли. — Въ послѣдовавшіе дни продолжались засѣданія, которыя были сопровождаемы весьма жаркими спорами.

— Въ Верону отправлены депутаты Ургельскаго временнаго правительспва роялистповъ; шуда же поѣхалъ, именно отъ Короля, одинъ чиновникъ, къ которому Е. В. имѣетъ отличную довѣренность.

— Въ собраніи Кортесовъ положено потребовать отъ Министровъ отчетна о причинахъ, повергнувшихъ Испанію въ нынѣшнее плачевное состояніе. Одинъ изъ членовъ

произнесъ при семь случаѣ сильную рѣчь, въ коей обвинялъ прежнихъ Министровъ и Францію. Въ нѣкоторыхъ публичныхъ листовкахъ есть уже извѣстіе (едвали достоверное), будто нынѣшніе Министры опрѣшены и преданы суду.

И т а л і я.

Могущественнѣйшіе при Монарха уже находяпся въ Веронѣ, куда отправился и Великій Герцогъ Тосканскій; но Короля Неаполитанскаго, какъ пишутъ изъ Рима, удерживаетъ приключившійся ему болѣзненный припадокъ. Министры разныхъ Державъ нерѣдко ведутъ рѣчь о дѣлахъ предстоящихъ, особенно же въ собраніяхъ у Князя Мешперника; были также и частныя конференціи; но формальныя, общія засѣданія Конгресса еще не начинались.

— Отъ Е. В. Короля Неаполитанскаго даровано прощеніе всѣмъ лицамъ, бывшимъ членами запрещенныхъ тайныхъ обществъ, равно какъ и всѣмъ виновнымъ участникамъ въ мятежѣ, происходившемъ 1821 года. Изъ сего исключаются Генералы Пепе, Россароль, Караскоза, Полковникъ Косна, Подполковникъ Кончилисъ, Маіоръ Пиза, Аббаты Миникини и Калпучіо и нѣкоторые другіе.

— Въ Неаполишанскомъ Королевствѣ спирого запрещены всѣ общеспва, какого бы рода они ни были, и чѣмъ бы ни занимались, явныя и шайныя, если именно не дозволены они правительствомъ. Члены такихъ сходбищъ, равно какъ и хозяева, отдающіе имъ въ наемъ комнаты, подвергающія денежному штрафу и тюремному заключенію.

Франція.

Взятіе Англичанина Бовринга подъ стражу въ городъ Кале, обративъ на себя вниманіе многихъ наблюдателей, дало поводъ къ разнымъ толкамъ и догадкамъ; въ Англіи же оно произвело сильное впечатлѣніе. Боврингъ только лишь хотѣлъ садиться въ Кале на пакетботъ, какъ вдругъ полицейскій комиссаръ приглашаетъ его въ полицію, и чемоданъ его приказываютъ нести туда же. У Англичанина сего найдены запечатанные письма, ввѣренныя ему друзьями его, и два пакета, изъ коихъ одинъ отъ Португальскаго Посланника въ Парижъ къ Португальскому Посланнику въ Лондонъ. Въ полиціи объявлено Боврингу, что онъ взятъ по телеграфическому повелѣнію изъ столицы. Бумаги его отосланы въ Парижъ, а онъ самъ отпущенъ въ Булонь; нѣсколько уже разъ былъ онъ допрашиванъ.

Т у р ц и я.

Данныя Порпою повелѣнія, чптобы всякой, у кого естъ золотыя или серебряныя вещи, вносилъ оныя въ казну, также о введеніи ассигнацій и уменьшеніи вѣса прежней монеты, произвели великое неудовольствіе въ Музульманахъ. Всѣ вообще ропщутъ на такое распоряженіе. Продолжительная инсуррекція весьма чувствительна для столицы: Порпа опть многихъ обласей давно не получая никакихъ подапей, терпитъ нынѣ великой недостатокъ въ деньгахъ, и потому принуждена употреблять чрезвычайныя средства къ приумноженію казны своей.

— Изъ Ерзерума дошли вѣсти, что Персы, одержавъ побѣду надъ Турками, заняли сей городъ. Арменія возспала; воспрянувшіе Вехабиты расхищаютъ караваны, а Сирія опустошена землепрясеніемъ. На полуостровѣ Мореѣ Греки опять завладѣли Коринѳомъ. Куршидъ Паша спойтъ при Ларисѣ почти безъ войскъ. Всѣ сіи несчастія Турки по справедливости почитаютъ Божиимъ наказаніемъ.

— Волоцкое и Молдавское Княжества обращены въ Турецкіе пашалики; Диванъ-

Еффенди имѣють власць надъ жизнію и смертію жителей. Превія Турецкія войска хопя и вышли изъ Княжесвѣ, но на мѣсто ихъ вступили другія изъ Булгаріи.

Извлеченіе изъ записки о поѣздѣ въ Пронскѣ и село Найдикова (*).

На дорогѣ отъ Рязани къ Пронску замѣчательна рѣка Исхья, по находимымъ въ ней необыкновенной величины бедрынымъ косямъ и зубамъ (неизвѣстнаго живошного), инакже по рогамъ оленьимъ. Въ селѣ Мапьевскомъ, въ разстояніи на одну версту отъ рѣки Исхьи, находится колодязь, извѣстный подъ названіемъ *Малаева*; вода его почищается лучшею во всемъ селеніи.

(*) Близъ села сего недавно горѣла земля. Г. Директоръ Рязанскихъ училищъ И. М. Татариновъ по сему поводу отправлялъ Старшаго Учишеля Гимназіи, е-на Воздвиженскаго, обозрѣвъ на мѣстѣ сіе явленіе, нѣсколько уже разъ случавшееся въ Пронскомъ уѣздѣ, препоручивъ ему осмошрѣны и шакъ называемое *Чортова городище*, находящееся близъ Пронска.

Чортова городище лежишь (*) ошь села Толшина верспахъ въ 3 хъ къ западу, ошь Пронска въ 5 или 6, а ошь Рязани въ 52 или немного болѣе. Оно представляется состоящимъ изъ двухъ часпей: нижняя имѣеть видъ усѣченного конуса (основаніе коего въ окружности простирается до 200 саженой, высота до 3 хъ); сѣверная сторона его положе южной. Другая часть, возвышаясь посреди площадки нижняго холма, имѣеть также коническую фигуру. Высотою она до $2\frac{1}{2}$ саженой. На семь верхнемъ холмѣ находящаяся площадка имѣеть въ окружности саженой до 10. Неизвѣстно, нарочно ли она сдѣлана, или произошла въ послѣдствіи времени ошь рытья искашелями кладовъ, чнѣ свидѣтельствуетъ яма, видимая посреди площадки. Сей холмъ состоитъ изъ чернозема, и сдѣланъ руками челоѣческими. *Чортова городище* господствуетъ надъ прочими возвышеніями, къ нему примыкающими. — Высоту всего холма съ находящеюся на немъ насыпью можно полагать саженой до 12. — О предназначеніи онаго полагать можно :

1 е) Не служилъ ли ошь мѣстомъ для храма? Когда язычники - Россіане пришли

(*) Въ дачахъ Лавр. Ив. Кандаурова.

Хрістіянскую вѣру; то и мѣста, посвященныя ихъ прежнимъ божествамъ, обраптили въ жилище духамъ злымъ, которые, будучи почитаемы между простымъ народомъ хранилелями и раздавалелями сокровищъ, были также почитены блюстителями оныхъ и въ здѣшнемъ мѣстѣ. Окрестныя жилища говорятъ, что здѣсь сокрыты несмѣнныя богатства. Отъ сего, можетъ быть, происходитъ страхъ и почитаніе къ сему городищу между крестьянами Пронскаго уѣзда.

2) Не есть ли сіе возвышеніе могила побитыхъ на сраженіи? Къ сему заключенію нѣмъ болѣе можно приступить, что фигура ея похожа на курганъ могильной.

3) Не былъ ли сей холмъ наблюдательнымъ сторожевымъ мѣстомъ для Пронска? По близкому положенію отъ города, и сіе мнѣніе допустить можно.

Простой народъ почитаетъ сіе мѣсто прежнимъ обиталищемъ богатырей, которые разъѣзжали по свѣту, возвращались не съ пустыми руками, а шуйцы притаили добытые ими сокровища. Сии зашѣдливые вилызи скрывали добычу свою такимъ образомъ, что не всякому искателю удавалось взять ее, даже и мащадцы. Впрочемъ

изъ сихъ богатствъ можно брасть въ заемъ, съ условіемъ къ опредѣленному времени возвращенію сполна взятыя драгоцѣнности. Молва гласитъ, что здѣшніе богатыри перебрасывались шопорами съ иными богатырями же, жившими на другомъ возвышенномъ холмѣ, находящемся верстахъ въ 20 отъ Чортова, подъ селеніемъ Налескинымъ. — Если также преданіе, что желѣзная дверь, донинѣ закрытая для искапелей камнями и землею, ведетъ къ сокровищу. Неупомимые искапели изрыли во многихъ мѣстахъ какъ вершину холма, такъ и оплогости онаго. Суевѣрные глаза видятъ между заупренею и обѣдней въ день Воскресенія Хрістова горящую свѣчу, показывающую, гдѣ именно лежатъ сокровище; даже видятъ, какъ зависплавые духи чиннымъ спроемъ выносятъ просушивать хранимыя богатства; еще къ большей досадѣ искапелей неперпѣливыхъ, рассказываютъ за вѣрное, что другіе люди находили перспни и прочія вещи въ пѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они сами спрудились попустому.

Невидимая сила бросаетъ камни и деревья, не только въ пѣхъ, которые добраются до клада; но и бѣднымъ пупникамъ, опваживающимся идти ночью мимо сего спрашнаго мѣста, не мало доспается: они обыкновенно сбиваются съ дороги!

Сіи рассказы конечно сами по себѣ не заслуживали бы никакого вниманія; если бы нѣкоторымъ образомъ не намѣкали на темныя преданія народа. Можетъ быть; подъ пеленою басней скрывается какая нибудь историческая истина, и сіе тѣмъ болѣе вѣроятнѣе, что подобные рассказы повторяются и о другихъ городищахъ, будто бы содержащихъ въ себѣ клады, до которыхъ также старались добираться неутомимые искатели.

Рязанская Губернія богата подобными городищами. Кромѣ извѣстныхъ въ самомъ Рязанскомъ уѣздѣ, на пр. близъ села Алпаньева, городищъ находящихся пять въ Михайловскомъ уѣздѣ: 1) близъ села Пояркова, 2) близъ селенія Исканцовъ, 3) среди селеній Мишина, Липовки и Аннина (Жизславль), 4) близъ Хивертова, 5) отъ села Субботина въ 4 верстахъ селеніе Городище (господской домъ стоитъ въ самомъ городищѣ); въ Касимовскомъ уѣздѣ одно находится въ 3 верстахъ отъ города Касимова внизъ по теченію Оки; въ Зарайскомъ уѣздѣ: близъ станціи Ильинской и селенія Городни. Всѣ сіи городища заслуживаютъ быть изслѣдованы въ историческомъ отношеніи.

На возвращеніи пуши изъ Пронска, близъ села Далманова, представилось пространство, въ длину на версту, оставлен-

ныхъ пней вырубленной дубовой роши. — Надобно пожалуйть о всеобщемъ небреженіи при вырубаніи лѣсовъ. — Пни величиною чешверти на 3 отъ земли оставлены гниль по напрасну. Испребленіе лѣсовъ у насъ примѣчается повсюду, но рѣдко гдѣ видно спараніе разводилъ ихъ. Скоро густолиспвенный дубъ Пронскаго уѣзда останется только въ гербѣ сего города. — Надобно желать, чтобы въ безлѣсныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи спарались размножать свойспвенные нашему климату вешлу и иву, чпо дѣлають нѣкоторыя помѣщики въ Тамбовской губерніи.

Село Кайдаково находится въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ 26 верстахъ отъ губернскаго города. Горьніе земли происходятъ отъ упомянутаго села въ полуврешѣ, въ спорону изпоковъ рѣки Павловки. Тамъ началъ горѣть шурфъ, мѣсяца за чешыре тому назадъ, отъ разведеннаго огня кочевавшими цыганами. Донынѣ выгорѣло саженой на сповъ длину, считая по печенію рѣки Павловки, въ ширину же въ иномъ мѣстѣ сажени на чешыре, въ другомъ до пяти и болѣе. Оказалось, что берега Павловки, отъ истожища рѣки сея до села Кайдакова (около двухъ верешѣ), состоятъ изъ шурфа, кошорой просширается слоями отъ 2 до 3

саженей вглубь и до пѣтънадцати въ ширину. Турфъ сей двоякаго рода: одинъ желтоватой, расположенъ параллельными слоями, по свѣшложелтаго, по бурожелтаго цвѣта, на ощупь сухъ, легокъ и состоить по видимому изъ перегнившихъ листьевъ и мховъ; другой же темнобураго цвѣта, на видъ зернистъ, или состоить изъ древесныхъ пней, горизонтально лежащихъ съ юга на сѣверъ. Какъ зернистый, такъ и древесный на вѣсъ тяжелы. — Часпо между слоями послѣдняго попадаетъ березовая кора, не совсѣмъ еще перегнившая. — Теперь горить зернистый и дровяный турфъ. Возвышенные берега Павловки, состоя изъ глины, не имѣють турфа; отъ села же Кайдакова, далѣе по ея теченію, берега состоятъ изъ иловатой земли.

Тамошніе жители не знаютъ употребленія турфа, для нихъ драгоцѣннаго дара шѣмъ болѣе, что около Кайдакова лѣса испреблены совершенно; они довольны шѣмъ, что на погорѣлыхъ мѣстахъ родится хорошо хлѣбъ, и потому охотно даютъ распространяться пожарищамъ, недѣлая никакихъ препятствій для прекращенія напрасной траты турфа, котораго выгорѣло уже по обоимъ берегамъ рѣки Павловки въ разные времена саженей на 400. Погорѣвшія мѣста поросли крапивою и служатъ безопаснымъ убѣжищемъ для множества ужей. —

О б ѣ я в л е н і я.

I.

Открылась подписка на Вѣстникъ Европы для будущаго 1823 года, составляемый *Михаиломъ Катеновскимъ*, Ординарнымъ Профессоромъ, Докторомъ Философіи, Членомъ Императорской Россійской Академіи и другихъ Ученыхъ Обществъ.

Въ семъ, уже многіе годы безостановочно продолжающемся и благосклоннаго вниманія публики удостоенномъ, изданіи будущъ помѣщаемы, съ наблюденіемъ опчасу болѣе строгаго выбора, изъ разныхъ журналовъ и книгъ переводимыя статьи; соопивѣшнвующія ожиданію благомыслящихъ любителей чтенія приятнаго и полезнаго. Впрочемъ изъ Вѣстника Европы не исключаются и Русскія сочиненія.

Вниманіе Редактора съ сего времени особенно будетъ обращено на предметы, входящіе въ составъ Исторіи и Статистики Государства Россійскаго, на древнюю и новую Словесность нашего и прочихъ Славянскихъ языковъ, на дѣянія и обычаи народовъ, намъ соплеменныхъ. Сверхъ того Редакторъ поспавинъ себѣ долгомъ, по мѣрѣ возможности, сообщать Публикѣ достойныя

любопытства свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ извѣстнѣйшихъ писателей въ Европѣ и о важныхъ явленіяхъ въ Липсерапурѣ. На сей конецъ выписывается доспашочное количество иностранныхъ и внутреннихъ періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, и предназначается немалая сумма на покупку новѣйшихъ книгъ, для извлеченія изъ нихъ того, что будетъ признано за лучшее. Типографія принимаетъ на себя издержки на изготовленіе гравированныхъ карпинокъ, или, вмѣсто ихъ, описковъ съ ношами, чертежами, съ изображеніями людей знаменитыхъ, рѣдкихъ предметовъ натуры и искусства; ихъ находится будетъ при годовомъ изданіи не менѣе шести, полагая по одной картинкѣ на каждую Часнь Вѣсника Европы. Нумеръ, или книжка, будетъ состоять изъ разныхъ Ондѣленій, кои должны вмѣщать въ себѣ статьи приличнаго содержанія. Матеріи предназначающія слѣдующія: I. Изящная словесность. *Проза*: рѣчи, повѣсти, разговоры, описанія, историческія сочиненія, опривки, письма, характеры; *Стихи*: оды, посланія, басни, пѣсни, элегіи, еклоги, эпиграммы, опривки. II. Изящныя Искусства, Науки и Литтература. Сочиненія до Изящныхъ ис-

русскѣхъ, до Свободныхъ и Словесныхъ наукъ относящіяся и содержащія въ себѣ разысканія, наблюденія, правила, или наконецъ крипическія замѣчанія по предметамъ Словесности, Литературы и Художествъ. III. Современная Исторія. Описанія происшествій, посредственно или непосредственно относящихся къ нынѣшнему времени, разсужденія, замѣчанія, узаконенія, акты и проч.. (При выборѣ спашей для сего Оздѣленія предположено не упустить новостей занимательныхъ, но и не повторять того, что помѣщено уже въ другихъ изданіяхъ.) IV. Смѣсь. Любопытныя или забавныя анекдоты, остроумныя изреченія, мысли и прочія мѣлкія сочиненія; записки, внушенія и заграничныя извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ, выписки, извѣстія и замѣчанія. (И въ семъ Оздѣленіи равнымъ образомъ предположено, пользуясь новѣйшими извѣстіями, избѣгать длинныхъ, утомительныхъ повтореній о событіяхъ, не влекущихъ за собою никакихъ послѣдствій историческихъ, а тѣмъ еще болѣе о маловажныхъ предметахъ.) Впрочемъ спашьи сего Журнала помѣщаются будущи въ такомъ порядкѣ, какой признается удобнѣйшимъ при составленіи

каждой книжки. Въ мѣсяцъ выходитъ по два Нумера, не менѣе 80 страницъ каждый; чепыре Нумера составляютъ Часъ, а шесть такихъ Часовъ годовое изданіе.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ Университетской Типографіи, на валу между Дмиспровкою и Пешпровкою, также въ Почтѣ - Амшакъ и въ Почтовыхъ Конторахъ. Цѣна за годовое изданіе для получающихъ здѣсь 20 руб., а съ пересылкою въ другіе города 23 рубли.

2.

С ѡ в ѣ р н ы й А р х и в ъ

Журналъ Исторіи, Статистики и Путешествій, буденъ продолжашься и въ 1825 году. Сіе изданіе состоитъ изъ трехъ главныхъ часней, раздѣляющихся слѣдующимъ образомъ:

1. *Исторія. 1. Всеобщая Исторія.* Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ Писателей. Біографіи сихъ Писателей и знаменитыхъ современниковъ. Описаніе важнѣйшихъ случаевъ современной намъ Исторіи.

2. *Отечественная Исторія.* Граматы, извлеченія изъ Лѣтописей, Хронографовъ и другія достопамятности древней и новой Исторіи Россіи и прочихъ Славянскихъ народовъ, донынѣ неопечатаанныя. Переводы изъ иностранныхъ Писателей о Россіи и сопридѣльныхъ съ нею справахъ. Кри-

литическія изысканія о темныхъ мѣстахъ Исторіи Россійской. Изображеніе малоизвѣстныхъ случаевъ изъ всѣхъ періодовъ Россійской Исторіи. Военныя записки. Новѣйшіе историческіе анекдоты.

3. *Археологія*. Описаніе и толкованіе древнихъ надписей, барельефовъ и другихъ памятниковъ древности, находимыхъ въ Россіи и другихъ странахъ.

4. *Нумизматика*. Описаніе древнихъ монетъ, медалей и другихъ сего рода достопамятностей.

II. *Статистика*. 1. *Статистическія статьи о Россіи* и смежныхъ съ нею государствъ, также о странахъ опдаленныхъ, новооткрытыхъ и вообще малоизвѣстныхъ, но любопытныхъ по своимъ произведеніямъ и физическимъ явленіямъ.

2. *Политическая Экономика*. Въ сей важной снать сообщаемы будутъ теоретическія изысканія и практическіе опыты, клонящіеся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и, словомъ, всего того, что способствуетъ умноженію народнаго богатства и промышленности. — Издашель намѣренъ руководствоваться лучшими по сей часи иностранными Писателями, во всякомъ случаѣ избирая только предметы сообразные съ географическимъ положеніемъ, климатомъ, законодательствомъ и внутреннимъ устройствомъ Россіи.

III. *Путешествія*. 1. *Путешествія Россійцевъ по сужавъ краямъ, еще ненапечатанныя*.

2. *Путешествія Россійцевъ и иностранцевъ по Россіи*, съ критическими въ приличныхъ случаяхъ замѣчаніями.

3. *Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта.* Въ сей спашѣ предлагаемы будутъ только путешествія, достойныя особеннаго вниманія, по справамъ ли, въ которыхъ оныя совершались, или по цѣли, съ коею они были предпринимаемы. Въ нихъ, по возможности, избѣгаемо будетъ повтореніе того, что уже извѣстно просвѣщенной публикѣ, особенно всего, что уже было напечатано въ другихъ Русскихъ журналахъ. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ полярныхъ экспедицій будутъ помѣщаемы со всею подробностію.

IV. Смѣсь. 1. Подробныя извѣстія о новыхъ книгахъ по части Исторіи, Снаписки, Политической Економіи и Путешествій, выходящихъ на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ. 2. Рецензіи сочиненій, относящихся къ вышеупомянутымъ предметамъ. Въ сихъ рецензіяхъ будутъ соблюдены спрочайшая благоприспособленность и безпристрастіе (сколько возможно по слабости человѣческой). 3. Краткія извѣстія о путешественникахъ, различныя историческія и снаписки новосія. Замѣчанія о происшествіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Некрологіи знаменитыхъ мужей. Политическія и географическія преобразованія въ разныхъ государствахъ. 4. Объявленія о новыхъ книгахъ, вновь выходящихъ въ журналахъ и проч.

Политическія ошнудъ не входятъ въ составъ Сѣвернаго Архива; никакія снаписки не будутъ помѣщаемы, кромѣ описывающихъ историческія происшествія, таковыя древнія пѣсни или гимновъ, по

содержанію своему достойныхъ особеннаго вниманія.

Издашель имѣетъ великое число ненапечатанныхъ еще матеріаловъ, пользуется всѣми иностранными пособіями по избраннѣйшимъ предметамъ, и поспавляетъ себѣ пріяпнѣйшимъ долгомъ, изъявивъ душевную благодарность почтеннымъ особамъ, сообщившимъ ему различныя рукописи и спашыи своего сочиненія, и обѣщавшимъ впредь не оспавлять его своими пособіями.

Во время своего пушешествія по иностраннымъ Государствамъ онъ успѣлъ завестъ знакомство со многими Императорами, которые обѣщали ему присылать свои замѣчанія и изысканія.

Журналь сей будетъ выходить по прежнему по два раза въ мѣсяць, въ началѣ и среднѣй каждого мѣсяца, книжками по 4, 5 и до 6 лисновъ. Шесть книжекъ составляютъ часть, а четыре части годовое изданіе. Къ каждой части будетъ приложенъ портретъ, видъ, планъ или карта.

Цѣна годовому изданію въ Санктпетербургѣ 40 рублей, съ пересыакою во всѣ города и съ доставленіемъ въ Санктпетербургъ на дома 45 рублей.

Подписка принимается въ квартирѣ Издашеля Сѣвернаго Архива, на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, въ домѣ купца Кошмина, подъ мебельнымъ магазиномъ Баумана; въ типографіи Н. И. Греча, соснойщей въ большой Морской,

въ домѣ Косиковскаго No 84, у фактора оной типографіи г. Губера; во всѣхъ Россійскихъ книжныхъ лавкахъ, а преимущественно въ книжныхъ магазинахъ В. А. Плавильщикова и И. В. Сленина; въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ А. С. Ширяева. Иногородные могутъ выписывать сей Журналъ изъ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта, чрезъ всѣ Почтамты, Губернскія и городовыя Конторы и Экспедиціи.

Желающіе получать Сѣверный Архивъ вмѣстѣ съ Сыномъ Опечесства, благоволять адресоваться на имя Коллежскаго Совѣтника Николая Ивановича Греча. Всѣ пакеты и письма можно надписывать: Градею Венедиктовичу Булгарину, въ типографіи Н. И. Греча, или въ квартирѣ самаго Издавателя.

Θ. Булгаринъ,

Дѣйствительный Членъ Высочайше утвержденныхъ Общесп. Любителей Россійской Словесности и Любителей Словесности, Наукъ и Художества.

Б л а г о т в о р е н і е.

Присланные отъ благотворительной Россіянки изъ Саранова 15 рублей въ пользу несчастныхъ Грековъ отправлены въ Одессу, на имя Его Высокоблагородія *Ивана Ивановича Гуржеева*, для употребленія оныхъ по принадлежности. К.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 22.

Н О Я Б Р Ъ 1822.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М і р ъ П о е т а.

(Окончаніе.)

Кто дастъ мнѣ крылья голубины
Взлещь съ Давидомъ къ небесамъ?
Дерзну ли, дщери Мнемозины,
Съ молениемъ симъ прибѣгнуть къ вамъ?
Нѣтъ, чада Греціи прекрасной,
Вамъ жизнь лишь въ родинѣ одной;
Туда вы пѣснью сладкогласной
Зовете духъ прельщенный мой:
„Смотри, какъ острова цвѣтуши,
„Любуюсь, море обшело,
„Какъ всюду грады, веси, кущи
„Глядясь въ влажное стекло;
„Здѣсь Торгъ, весло приавшій въ руки,
„Покрыль судами Океанъ;
„Сюда изгнанныя науки
„Спеклись изъ опдаленныхъ спрамъ;
„Тамъ лозы, маслины и мивы;

„Тутъ храмъ, есапръ, иль гиподромъ;
„Здѣсь всѣ свободны и счастливы,
„Здѣсь славы, Музъ и счастья домъ.“

✱

Чудесной силою влечешь сей голосъ чистый;
И девашь сестрѣ, взявъ за руки меня,
Ведущъ на верхъ горы высокой, двухолми-
стой,

Гдѣ съ шумомъ льется шокъ сребрисной,
Копытомъ выбитый крылатаго коня.
Я въ прѣпстѣ святомъ склонился надъ во-
дами,

Коснулся струй горящими устами, —
И вдругъ съ очей низпала пелена;
Предъ взоромъ сблизилась мѣсна и времена,
И несказанное мнѣ зрѣлище открылось!
Съ чего начну? гдѣ успокою взглядъ?

✱

У ногъ моихъ вопиь Дельфы градъ;
И множество тамъ жертвъ курилось;
И на треножникъ золотой,
Измучена безплодною борьбой,
Съ лицомъ неистовымъ, съ расстрепанной
главой

Садилась Пифія; молебцы ей внимали,
И таинственна сокрытыми судьбой
Въ опытахъ темныхъ проникали.
Тамъ варвары, послы неведомой страны,
Богатый даръ въ честь Фиву посвящали;

А памь всей Греціи избранные сыны,
Блюспителі Амфикліоны,
Мирь правый спроили, гасили огнь войны,
И всѣ ихъ слушали законы.

*

А памь за моремъ Алкіоны.
Пришельца Пелопса богашая земля:
Въ ней спо градовъ. Вошъ первый предъ
очами,
Коринѣъ, двумя владѣющій морями.
Народъ бѣжитъ толпами
На встрѣчу корабля,
Побѣдными покрываго вѣнцами:
Тиранъ несчастныхъ Сиракузъ,
Плѣненный ихъ полками,
Безепся въ немъ подъ гнѣпомъ узъ,
Сложенныхъ наконецъ опечесства сынами. —
Вошъ брегъ Ахаіи, и въ немъ свяшый союзъ
Безспрашныхъ воиновъ, свободныхъ опъ
упрековъ,
Доспойныхъ слышъ въ вѣкахъ послѣдними
изъ Грековъ.

*

А памь, о видъ прелестный для очей!
Гдѣ тихой сребриной струей
Влюбленный зыблется Алфей,
Великолѣпный градъ и храмъ чудесный міру:
Въ немъ самъ присутствуетъ Зевесъ;
Каковъ являлся онъ Омиру,

Когда пѣвецъ боговъ будилъ живую лиру,
Таковъ и къ Фидію спустился онъ съ небесъ:

Одѣлся костью и златомъ,

И въ облаченіи прекрасномъ и богатымъ

Возсѣлъ на блещущій престолъ.

Ошолъ, радостный, онъ зрѣлъ обширный

доля,

Гдѣ легкія, какъ птицы,

Со шумомъ мчались колесницы;

Гдѣ опъ Эллады всей спекающіе бойцы;

Епира всадники и Крисскіе стрѣльцы

Гдѣ сѣялись оспоришь лавръ побѣдный;

Соплещіеся гдѣ ломаются борцы;

Гдѣ кипѣнь бѣеши о кипѣнь мѣдный,

И гдѣ несчетныхъ рукъ плескъ раздаеши

вѣнцы.

✱

Ты ль въ слѣдъ мнѣ предстаеши, несчаст-
ная Мессена,

Наслѣдіе Иракловыхъ дѣтей?

Ты пала; но гордись еще судьбой своей:

Ты колыбель и гробъ Аристомена.

А ты, о Спарта, градъ войны,

Народъ безжалостный къ убогимъ!

Дивлюсь твоимъ законамъ строгимъ,

Но отвращаю взоръ отъ грубой ихъ страны.

Его къ тебѣ просиру, о Маншинея!

Гдѣ, побѣдивъ гражданъ-ширановъ строй,

Со славой, съ радостью мерили Фивскій

малъ герой.

✱

Иль имъ пойду блуждашь лѣсиснаго Ликей
И звонкаго Менала по холмамъ ,
Въ вершечы темныя , гдѣ Пана по слѣдамъ
Къ таинственнымъ и шумнымъ поржес-
вамъ

Сбирающся Аркадіи всѣ боги ,
Сапиры ярые и Нимфы легконоги .
Но вопъ вблизи ибрегъ , гдѣ жилъ Агамемнонъ ,
Вопъ Аргосъ и Микены ;
Чертога древняго еще остались спѣны .
Опселя онъ , Грековъ вождь , оплыль подъ
Иліонъ ;

Тупъ палъ онъ жертвою измѣны ;
А тамъ Оресповой опмспилъ рукою онъ .
Но чпбъ , шумя , Егейски волны
Мчатъ вдоль Аяковыхъ береговъ ?
Разбитые суда и чолны
Несутся по верху валовъ ,
И вокругъ пролива оба полны
Снастей и труповъ и головъ ;
Нарядъ ихъ чуждый , образъ дикій :
Твои все жалкіе рабы ,
Мидянь и Персовъ Царь великій !
Ты сихъ злосчастныхъ жертвъ судьбы
Пригналъ изъ Асіи толпами ;
Ты , моря оковавъ берега ,
Какъ непокорнаго врага ,
Безумецъ , съелъ его бичами :
Теперь гдѣ похвальба твоя ?

Твоихъ безсмертныхъ гдѣ дружины?
Ты радъ, что быстрая ладья
Тебя спасаешь отъ кончины.
Бой незабвенный Саламины!
Блаженъ, блаженъ, кто былъ въ тебѣ!
А вы, цвѣтъ Греціи, Аѣины,
Вы, въ славной первыя борьбѣ!
Вы, чпя всѣхъ выше благъ свободу,
Домовъ, ни храмовъ не цѣня,
Ихъ въ жертву предали огня:
Чеснь вамъ! Позднѣйшему народу
Да будетъ вашъ примѣръ священъ!
Съ почтеньемъ ищешь взоръ мой слез-
ный:
Се пепелъ отечесству полезный
Разрушенныхъ Паллады спѣнь.

*

Но сонъ ли вижу я; или колшебнымъ сло-
вомъ
Тамъ камни движутся при Амфіонѣ новомъ,
И въ стройной красотѣ восходятъ къ обла-
камъ?
Ареевъ холмъ вѣнчаетъ дѣвы храмъ;
Великопѣнная отверзты Процилен;
Подобный варваровъ шатрамъ
Вотъ пышный Одеонъ, и башни въ немъ
профей,
Корысть, Аѣинамъ честь и Ксерксу вѣчный
срамъ;

А шамъ

Рядъ порпиковъ, искусства диво,
Гдѣ Зевиса кисть и Фидіевъ рѣзецъ,
Веселье взоровъ и сердецъ,
Другъ съ другомъ спорящя за первенства
вѣнецъ;
И мраморъ дышетъ шамъ и древо краской
живо.

Гражданъ несмѣтное число
По спогнамъ всѣмъ волнуется какъ море :
Кто къ площади спѣшилъ, вишій гдѣ въ
шумномъ спорѣ
Правленія движется кормило и весло;
Кто въ Академовъ садъ, гдѣ мудрости пло
дами
Питаясь, смертные равняются съ богами;
Но гуще всѣхъ толпы и гражданъ и гостей,
На празднество молвою привлеченныхъ,
Бѣгутъ въ прекрасный домъ игръ Вакху
посвященныхъ,
Гдѣ роскошь хвальная достойнѣйшихъ мужей
Всѣ чары собрала для слуха и для ока,
Гдѣ гений оживилъ преданія вѣковъ,
Событъя смертныхъ и боговъ,
Борьбу великихъ душъ съ слѣпою властью
рока,
Совокупивъ въ одно для чувствъ и для умовъ
И пользу важнаго урока
И прелесть сладостныхъ стиховъ.

Изъ мрака лѣтъ давно минувшихъ
Онъ дикихъ выставилъ людей,
Невѣжества и буйства сномъ уснувшихъ,
Одѣтыхъ кожами звѣрей,
Упитанныхъ сырыми ихъ пѣлами,
Или правой пущицею, или дубовъ плодами,
Вдругъ сынъ Земли, опважный Промееей,
Дерзнулъ на небеса, и для боговъ возженный
Похитилъ огонь священный;
Спустился долу съ нимъ, и видъ нагихъ
спеней,
Согрѣтый теплою лучей,
Разцвѣлъ въ единый мигъ, все жизнію
выиграло.
Искусства родились; пила, сѣкира, рало
Проникли въ глубь лѣсовъ; раздѣлались поля,
Златою нивою одѣлася земля;
Изъ благи возникли селы;
Ткань легкую дало руно блеющихъ стадъ;
И кравъ сосцы млеко, и медь душистый
пчелы,
И радость жизни виноградъ.
Но небожители возревновали счастію;
Шлюшь казнь его творцу за хвальныя дѣла;
Его жилище впредь пущынная скала;
Ифестомъ жалоснымъ и непреклонной
Властью
Прикованъ къ ней безсмертный сей Тишанъ,
И съ нимъ бесѣдуетъ лишь древній Океанъ.

Но чпо сильнѣй души великой воли ?

Противъ нее ничто Зевесовъ громъ.

Одинъ своей провидѣцъ доли ,

Съ спокойнымъ Промееей челомъ

Ждешъ внука мспишеля, кпо цѣпь его раз-
вяжешъ.

Живой упробой онъ орла насыпишь гладъ,

Падешъ въ бездонный адъ ;

Но шайны вѣкъ мучишело не скажешъ.

Судьба исполнилась, и вѣки прошекли ,

И Промееея длань Иракла свободила :

Плѣнь разума распоргла сила ,

И вѣчный миръ насталь межъ неба и земли.

*

Но между тѣмъ , какъ всѣ съ безмолвнымъ
удивленьемъ

Вперили умъ и слухъ и взоръ ,

И плавно двигаясь подъ дирнымъ строемъ
хоръ ,

Тремишь плаинспвеннымъ, высокимъ пѣсно-
пѣньемъ, —

За ратью рать идемъ отъ Тибра береговъ.

Предъ ними смолкло все ; лишь ревъ трубы
военной

И грустный спукъ оковъ

До края слышился вселенной.

Величье крашкое ! вновь воиновъ толпы

Какъ тучи снѣжныя отъ сѣвера несущая ;

Державы Римскія огромные сполны
Разимы вновь и вновь прясущся
И съ прескомъ рушашся на прахъ.
Вездѣ грабежъ, убійство, страхъ,
Смѣсь страшная племень и нравовъ и язы-
ковъ;

И Музы робкія на трепетныхъ крылахъ,
Сихъ варваровъ спрашася буйныхъ криковъ,
Сокрылись оль земли въ спокойныхъ небе-
сахъ.

*

Одинъ! Что дѣлашь мнѣ? кто мнѣ
подастъ спасенье?

И кто бы укротилъ жеисповыхъ возмогъ?
Но что! Зрю новое, чудесное явленье:

Низщель любви всеильный богъ.

Не топъ слѣпой младенецъ Афродиты,
Съ которымъ въ Паноосъ рѣзвился Хариты;
Безъ лука онъ, безъ свѣшочи, безъ крыль;
Злапою броней спанъ юноша покрывъ,
Цвѣшными перьями свой убравъ шлемъ кра-
сивый,

И бѣлый конь подъ нимъ кружится льно-
гривый.

Подруга рыцаря, души его душа,
Съ нимъ всюду спрансивуешь веселая На-
дежда;

Не злато ей уборъ, не пышная одежда:

Сама собой она мила и хороша.

Не Смѣховъ и не Игръ толпы ихъ провож-
дають ;

Но Вѣрность, Искренность, Терпѣніе и Трудъ
Владыки юнаго повсюду въ слѣдъ текутъ.

На встрѣчу спранникамъ, я вижу, поспѣ-
шають

Суровы войны; съ улыбкою благой

Амуръ имъ подаешь законъ пріятный свой,

И съ радостью они ему внимають.

И вопъ красавицы, кого ревнивый спрахъ

Таилъ во мрачныхъ перемахъ,

Какъ вѣшніе цвѣты опъ плѣна свободились;

И храбрые упали къ ихъ ногамъ,

И съ новымъ рвеніемъ устремились,

Чтобъ ихъ понравиться очамъ,

Къ опасностямъ, къ штурмамъ,

За подвигомъ, за славой,

И въ дальній путь, и въ бой кровавой.

•

Въ дни празднествъ поприще имъ раскры-
ваетъ честь ;

И випязи сѣзжаются толпою,

Горя желаніемъ награду приобрьсть,

Даруемую имъ прекрасною рукою,

Свою тѣмъ даму превознесъ,

И съ ней себя хвалою.

Едва успеетъ око счесъ

Опважныхъ всѣхъ, готовыхъ къ бою :

Прекрасный видъ! — Чуть разсвѣло,
Уже, какъ въ ульѣ рой шумящій,
Тѣснился зрителей несмѣльное число.

Но вопль и сонмъ бойцевъ блестящій;
Какъ бодро вдушь всѣ они!

Какъ ихъ досѣхи, лапы

И крѣпки и богаты!

Какъ спашны ихъ кони!

Какъ распущенныя знамена ихъ пестрѣютъ!
Какъ пышно щлемовъ ихъ дернаты гребни
вѣютъ!

Какія надписи на вѣщихъ ихъ щипахъ!

*

Но гласъ трубы раздался мѣдной, —
Приветали всадники на крѣпкихъ спреме-
нахъ.

Кому изъ нихъ вѣнецъ побѣдной? —

Еще трубящъ. — Какъ вихрь иль громъ

Пустились всѣ; ихъ глазъ не видать болѣ;

Подъ ними заглохало поле!

И стала пыль столпомъ.

Щипы дробятся; копыта ломки

Въ куски летящъ; мечей булатъ

Частитъ удары громки

Въ стальные кольца лапъ.

Не всѣ и храбрые счастливы:

Тотъ раненъ, тотъ упалъ; сильнѣйшая рука

Изъ сѣдла ихъ вышибла, и кони ихъ ретивы

Ржутъ, въ полѣ мчась безъ сѣдока.

Рѣдѣеть бой; одинъ воишель . .

Оспался наконецъ

Счастливый прочихъ побѣдильцъ:

Ему награда и вѣнецъ;

Ему сей шарфъ златой, царевны рукодѣлье;

Сей богатырскій мечъ: въ дни давней спарины

Онъ цѣлью былъ войны,

И нѣтъ ему цѣны. —

Торжественникъ! полно швое веселье:

Со всѣхъ споронъ къ тебѣ несется похвала;

И та красавица, которая была

Одна изъ всѣхъ тебѣ мила,

Уже съ улыбкою небесной

Тебя надеждою дарить награды лестной,

Которую давно любовь швоя ждала.

Но болѣе еще ты счастья достоинъ,

Коль сполькожъ сладостный пѣвецъ, какъ
храбрый воинъ,

Со славой равною двойной окончивъ трудъ:

Руками, грозные нанесшими удары,

Коснешься звонкихъ спрунъ гипары,

И нѣжнымъ пѣнiемъ прельстишь любовный
судъ.

Такъ, рыцарь шоль изъ всѣхъ зовенся со
жертвеннымъ,

Въ комъ къ жейщинамъ любовь и трубаду-
ровъ даръ,
Краса и цвѣтъ достоинствамъ военнымъ.

*

Не менѣ ошъ того горитъ въ нихъ бран-
ный жаръ.
Не вѣкъ имъ праздновать веселью и покою;
Лишь зацвѣтутъ поля весною,
И трубъ раздастся ревъ,
Уже въ нихъ духъ кипитъ войною,
И каждый агнецъ вышелъ левъ.
Ошъ устья Тагова до дальней Палестины
Летая молніей, разятъ они враговъ,
И часто вспяшь ошъ горсти сихъ бойцовъ
Ордами бѣгали Срацины.

*

За ними на крылахъ духъ устремился мой.
Какіе подвиги, удары, смерти, раны!...
Какіе страшные собрались предо мной,
Подобно грезамъ сна, живые великаны!

Не ужь ли сонъ мысль оковалъ мою?

Нѣтъ, нѣтъ, въ лице ихъ узнаю:
Вотъ Мавровъ молодежь Карлъ, Европы всей
спаситель;
Вотъ Кампеадоръ Сидъ, опцевой чести
мститель;
Вотъ вѣры щитъ Гофредъ; вотъ сердцемъ
левъ Ричардъ.

Вопьъ спрахъ и упрекъ незнающій Баярдъ;
И наши, вопьъ они: и Свяпославъ великій,
Царьградскихъ Кесарей соперникъ полу-
дикій;

И Половцевъ гроза и спрахъ,
Краса владыкъ, вѣнчаннй Мономахъ;

И два Мспислава, честь Россіи
Два храбрые, сполпы Свяпой Софіи;
И Невской, и Донской.

Я вижу, движется ихъ спрой,
Ихъ очи смотряшъ, грудь ихъ дышитъ...
Промолвите, Герои древнихъ лѣтъ!

Да гласъ вашъ жадный слухъ услышитъ.
Хочу рукой моею коснуться васъ . . . Ахъ!
нѣтъ,
Нѣтъ ихъ, нѣтъ никого! — Мечта вообра-
женья

Мой омрачала взоръ; зарытые землей,
До будущаго пробужденья, —
Одинъ, въ тиши ночнаго бдѣнья

Я здѣсь съ душой смущенной опъ скорбей;
Вокругъ меня зари свѣтъ слабый льется,
Лице горитъ, мреть голосъ, сердце бѣется,
И слезы капаютъ изъ очей.

Катенинъ.

П Р О З А.

У с л о в і е.

(Повѣсть.)

Въ одинъ зимній вечеръ нѣсколько
приятелей и пріятельницъ г-жи Л* со-
брались у ней въ домѣ. — Хозяйка не
любила карточной игры, которая во
многихъ домахъ замѣняеиъ привѣт-
ливостъ хозяина и любезностъ гостей.
Ей казалось смѣшно, убивать время и
деньги зайгнрнымъ столомъ, — и разгово-
ры занимали вечера ея. — Перебравши
всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, зло-
словіе упомилось; должно было избрать
другое занятіе. Женщины, которыя
всегда охотно говорятъ о любви, нача-
ли сравнивать измѣненія ешой спрасни
въ разныя времена. Вънъ рыцарства,
эпоха любви и вѣрности, казался имъ
сказкою, подобною вѣку золотому. „Не-
возможно“ говорили онѣ, „чтобы люди,
особливо мужчины, когда нибудь жили
для одной только любви и ей одной
всѣмъ жертвовали.“ — Молодой Т*, ко-
торый до сихъ поръ слушалъ только

разговоръ ихъ, не могъ утерпѣть. Молодость всегда съ радостію вѣритъ существованію сильныхъ чувствъ; она желаетъ найти вѣчность въ дружбѣ и любви.

„Позвольте“ сказалъ Т*, „вступитъ-ся за честь мужчинъ. Когда бы я не боялся вамъ наскучить, то рассказалъ бы повѣсть, чищенную мною въ одной шаринной рукописи. Если она и выдуманна, то согласитесь, что человекъ, умѣвшій выдумать ее, умѣлъ и любить.“

— Разсказывайте! закричали гости.

Т* опикашлялся, утерся, спросилъ сахарной воды: однимъ словомъ, исполнилъ всѣ нужные обряды, придвинулся въ кругъ и началъ такъ :

„Теобальдъ, молодой Графъ Прованскій, получилъ отъ Природы душу пылкую, которая однакожь шла въ наружность равнодушною и холодною. Ему завидовали многіе, ибо думали, что безспасшіе предохранитъ его отъ многихъ несчастій. Завистники не знали, что спокойное лицо часто скрываетъ ужасныя бури сердца, и что легче обнаруживать свои чувства, нежели по привычкѣ таить ихъ. Теобальдъ былъ веселъ, даже иногда насмѣшливъ: его

почишали злымъ; онъ алкалъ славы военной и славы Трубадура: его называли самолюбивымъ. Одинъ только Лионель, вѣрный другъ Теобальда, видѣлъ въ насмѣшливости природную веселость, во мнимомъ самолюбіи — благородное стремленіе къ прекрасному. Есть люди, которые не созданы для всего міра: одна только дружба и любовь могутъ понять и оцѣнить ихъ.

«Вдругъ стали замѣчать ужасную перемену въ Теобальдѣ. Лицо его, всегда смѣющееся, сдѣлалось пасмурно; онъ убѣгалъ тѣхъ, кого искалъ прежде, а искалъ только уединенія; самая слава не заставляла болѣе пререшать его сердца; сладостныя пѣсни Трубадуровъ не пробуждали болѣе благороднаго соревнованія въ душѣ его. Сперва старались проникнуть причину его переменны; старанія остались безуспѣшны, и приятели веселаго Теобальда забыли Теобальда печальнаго, ибо онъ сдѣлался для нихъ скучнымъ.

«Однажды Лионель вошелъ въ комнату своего друга. Графъ сидѣлъ въ молчаніи склонивъ голову на руку; глаза его, неподвижные, показывали, что душа занята однимъ предметомъ; разсирокенная арфа стояла подлѣ него и

лѣвая рука, двигаясь по струнамъ, производила невѣрные звуки. „Что съ тобою сдѣлалось?“ спросилъ Ліонель. — „Еще ты, другъ мой! опѣвѣчалъ Графъ; я и не примѣшилъ тебя. — „Если Теобальдъ не примѣшилъ входа своего друга; то вѣрно важнѣйшее, сильнѣйшее чувство занимало его.“ — Ты угадалъ, Ліонель; я точно занявъ былъ чувствомъ, доселѣ мнѣ неизвѣстнымъ: любовь вполне овладѣла мною. Я прежде воспѣвалъ ее, не чувствуя; теперь вижу, сколь были слабы мои пѣсни въ сравненіи съ моею спрасію. — „Я ожидалъ ешаго признанія; можно, должно любишь, но должно и повелѣвать собою. Ты болѣе другаго имѣешь къ тому средства: слава подвиговъ, слава пѣсней. . . .“ — Слава! опѣвѣчалъ Теобальдъ съ горькою улыбкою: слава приятна, когда есть съ кѣмъ раздѣлишь ее; пѣсни сладостны, когда есть кому ихъ слушать. Въ теперешнемъ моемъ положеніи я ни къ чему не способенъ. — „Вѣрю;“ сказалъ Ліонель: „однако попробуй, пропой что нибудь; можешь быть пѣніе и стихи разсѣяшъ тебя.“ —

„Теобальдъ молча придвинулъ къ себѣ арфу; долго руки его перебѣгали по струнамъ, какъ бы искавши въ нихъ

прежнихъ звуковъ; наконецъ онъ началъ :

Давно ли я, вѣряся надеждѣ,
Поезій и славою дышала?
Какъ легкій сонъ прошло, что́ было прежде;
Я холоденъ къ стихамъ и славѣ спалъ.
Безвѣстнымъ чувствомъ воспыкала
Моя волнуемая кровь;
Забывши все, душа познала
Любовь, одну любовь.

*

Въ кругу друзей вкушала я наслажденье...
Оно прошло, какъ рѣвая мечта!
Мгновенный сонъ исчезъ въ одно мгновенье;
Въ душѣ моей осталась пустота.
Желанье тайное сжигало
Кипящую, младую кровь;
Младое сердце призывало
Любовь, одну любовь.

*

Что́ цѣлый міръ, когда въ немъ нѣтъ
Алины?
Что́ лавръ, когда блаженства въ ономъ
нѣтъ?
Гдѣ нѣтъ цвѣтовъ, не пахнутъ шамъ до-
лины;
Гдѣ нѣтъ ея, шамъ пустъ обширный свѣтъ.
Возьмипежь, люди, всю вселенну!
Возьмипе хладный блескъ вѣщевъ!

Возьми же все . . . а мнѣ въ замѣну

Любовь, одну любовь.

*

Но щещенъ вопль! напрасны сердца
споны!

Мнѣ ранній гробъ спраданиемъ опкрышь.

Забвенный гробъ! — ни свѣплый лавръ
Беллоны,

Ни пѣсней лавръ его не осѣнишь.

Безвѣстно кончу жизнь унылу;

Заспынеть пламенная кровь;

И я возьму съ собой въ могилу

Любовь, одну любовь.

*

„Теобальдъ умолкъ; слезы градомъ
капились изъ глазъ его. — „Другъ мой!“
сказалъ Люнель, сжимая его въ объ-
ящіяхъ: „я вижу, что безмѣрная спрасъ
тебя снѣдаетъ. Но облегчи горестъ
любви признаніемъ дружбъ: скажи,
кто швоя Алина?“ — Она родилась отъ
родителей неизвѣстныхъ; бѣдность ихъ
даже принудила ее искашь себѣ мѣста,
ея недостойнаго: она шеперь находиш-
ся въ услугахъ у Графини, моей шепки.
Природа даетъ красоту, не разбирая
соснояній; а сердце любитъ, забывая
различіе оныхъ. — „Опкрылся ли шы
Алинъ въ любви своей?“ — Долго не-
рѣшался я опкрышься. Признаюсь тебѣ

даже, что ужасная мысль оболъщенія однажды представилась уму моему: я судилъ Алину по другимъ женщинамъ. Недавно я открылся ей; но она отвергла спрасъ мою. — „Подъ какимъ предлогомъ?“ — Она приняла мое признаніе за насмѣшку, и отвѣчала мнѣ, что я не получилъ бы никакой пользы отъ ея признанія. — „Что же ты намѣренъ шеперь дѣлать?“

„Графъ молчалъ; сильныя, противоположныя чувства тѣснились въ душѣ его. — Вдругъ, казалось, свѣшная мысль ему блеснула; быспро вскочилъ онъ: — Лионель! сказалъ онъ своему другу: я нашелъ средство если не быть счастливымъ, то по крайней мѣрѣ доказать Алинѣ, что умѣю почитать ее и умѣю любить. — Сказавши сіи слова, онъ вышелъ изъ комнаты обдумать свое намѣреніе.“

— Какое намѣреніе? спросили слушатели.

„Въ етомъ мѣстѣ рукописи недостаетъ одного листа“ отвѣчалъ Т.: но вошъ продолженіе.

„Солнце закашилось; послѣдніе лучи его поухли на западъ и багряный блескъ ихъ уступилъ мѣсто серебряному сіянію луны. Алина сидѣла одна въ

обширномъ саду замка. Трудно сказать, о чемъ она думала, ибо женщины часто сами не знаютъ причины своей задумчивости; тонкое блое покрывало опшбняло ея волосы, которыхъ волнистые локоны колебались въ шерномъ вечернимъ. Изрѣдка вздохи спбсняли грудь Алины. Ей чего-то недоспавало; но она не могла опдаться себѣ въ томъ опчета. Невольно взоры ея обращались на шепрадь, въ которую Теобальдъ собралъ для нея нѣкоторыя свои пбсни въ то еще время, когда она не знала о любви его. Прежде любила она повторять ихъ, но теперь боялась. — Шорохъ листьевъ вывелъ ее изъ задумчивости; она взглянула: Теобальдъ былъ у ногъ ея. „Не убѣгай меня, прекрасная!“ сказалъ онъ. „Узнай лучше того, чью спрасшь ты отвергнула. Еслибъ я не зависѣлъ опъ родителей моихъ; если бы заслуги опеческву даровали мнѣ сію счастливую независимость: я предложилъ бы тебѣ руку мою, и умеръ бы у ногъ твоихъ, когда бы ты не приняла ея.“ — Къ чему ещи слова, Графъ? Позвольте мнѣ удалиться. — „Алина, выслушай меня: въ послѣдній разъ прошу я епой милости. Я не могу теперь располагать собою; но время

дастѣ мнѣ свободу выбратьъ себѣ супругу. Могу ли я надѣяться, что тогда ты согласишься быть моею?» — Алина молчала, пошупивши взоры. «Позволь мнѣ съ епой минушны считатьъ себя женихомъ твоимъ; позволь мнѣ надѣяться, что когда-нибудь ты опдашь справедливостъ моимъ чувствамъ, и епотѣ обѣтъ ни къ чему тебя не обяжешъ. Если ты вспрѣптишь челоѣка, достойнаго руки твоей, избири его своимъ супругомъ. Алина! согласиь на мои предложенія, возврати меня славѣ, возврати меня сладостнымъ занятіямъ Трубадуровъ. Женихъ твой оставивъ мѣсна сіи, чнобы служба опечеснву, заслужишь тебя; дружеская переписка съ тобою будетъ усаждашь ему горестъ разлуки; вѣрный Ліонель будетъ доставляшь наши письма. Ангелъ мой! согласиь на мою прозьбу! Я не могу дать тебѣ кольца въ залогъ обрученія; его примѣнятъ на рукѣ твоей. Пусть моя шепрадь съ пѣснями будетъ тебѣ порукою моей вѣрности; локопъ волосѣ твоихъ будетъ для меня знакомъ твоего согласія и будущаго моего блаженства. Алина! заклинаю тебя, не опвергай мольбы моей; будь моею неѣвсною, или я погублю себя . . .» —

— Согласилась ли Алина бытъ невѣстою Графа? спросили испуганные слушатели.

— „Время выдрало нѣсколько листовъ изъ рукописи“ отвѣчалъ Т*, „и пошому отвѣтъ Алины неизвѣстенъ. Но вошъ продолженіе и окончаніе повѣсти.

„Ліонель смѣлся плану своего друга, называлъ его несбыточнымъ. — „Время“ говорилъ Теобальдъ „докажетъ, что оно безсильно надъ истинною любовію.“

„Долгъ опечества опозвалъ Теобальда отъ невѣсты. Многія красавицы старались заманишь его въ свои сѣни, многія обѣщали ему любовь и наслажденіе; женихъ Алины прижималъ локонъ ея къ своему сердцу и забывалъ прелестныхъ обольстительницъ. Многіе искали руки Алины; она перечитывала письма своего друга, и пребывала вѣрною данному слову. Однажды богачъ вздумалъ предлагать ей золото и безчестіе, — „Береги свое золото;“ отвѣчала Алина; „оно не нужно тому, кто умѣетъ нравиться; оно бесполезно тому, кто не стоитъ любви. Любовь покупается одною только любовію.“

„Нѣсколько лѣтъ пролетѣло. Смерть родителейъ Теобальда возвращала ему

свободу; онѣ поспѣшилѣ къ своей невѣстѣ; бракѣ соединилѣ ихѣ навсегда; они спали наслаждашьяся счастьемѣ, которое заслужили, сдержавши условіе.» —

Симѣ кончилась повѣсть. Она понаправилась слушателямѣ, но не переувѣрила ихѣ. Имѣ казалось невѣроятнѣо, чѣобы мущина могѣ имѣть постоянство Теобальда; чѣобы женщина, подобно Алинѣ, повѣрила однимѣ словамѣ. — Молодой Т* ручался за мущинѣ; но кто можетѣ поручиться за женщинѣ! . . .

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Отрывокѣ изѣ путешествія въ Янину чрезѣ Сицилію и Грецію (*).

А в и н ы.

Дѣйствіе, производимое на новыхѣ Грековѣ Англійскимѣ выговоромѣ древ-

(*) Изѣ книги: Voyage à Janina en Albanie par la Sicile et la Grèce, trad. de l'Anglais de Thomas Smart Hughes etc. (Paris, 1821. 2 vol. in 8). Отрывокѣ сѣе составленъ бѣо главу 1-й Часши.

няго Греческаго языка. — Аѣинскіе памяшники. — Греческія женщины. — Крашковременность ихъ прелестей. — Ихъ одежда. — Причины, опъ копорыхъ искусства процвѣтали въ Аѣинахъ. — Пареенонъ. — Оупсупошеніе сего красиваго зданія Лордомъ Ельгиномъ. — Нравы древнихъ и новыхъ Аѣинянъ. — Балъ. — Неожидаемое посѣщеніе Турчанокъ.

Съ разсвѣтомъ дня, взявъ синѣйора Випали себѣ проводникомъ, до завтрака я уже осмотрѣлъ Тезеонъ, Ареопакъ, Пниксъ и большую половину древностей сей части города Аѣинъ (*). Я даже проговорилъ первую Филиппику съ кафедры Демосееновой. Толпа здѣшнихъ жишелей, — кои прохаживались, по своему обыкновенію, пишаясь свѣжимъ ушреннымъ воздухомъ, — собралась на сей древній театръ народнаго величія, и слушала меня нѣсколько времени со вниманіемъ, жопя не понимала ни

(*) Долгомъ поставляю предупредить моихъ читашелей, что въ планъ моего сочиненія не входитъ описаніе вновь древностей Аѣинскихъ, которыя были уже такъ часто и такъ хорошо описываемы. — Сіе замѣчаніе должно распротсранить и на все мое пушеніесипіе. (Прим. Сог.)

слова. Наконецъ слухъ одного Аеинянина пораженъ былъ нѣкоторыми словами, въ коихъ нашъ выговоръ Греческаго языка сходствуетъ съ Ромейскимъ; онъ съ важнымъ видомъ сказалъ г-ну Вишали: »Видно, что есть большое сходство между языками Греческимъ и Англійскимъ (*).«

Послѣ завтрака мы опіесали рекомендацельныя о насъ письма многимъ лицамъ, коихъ знакомство было намъ весьма полезно и приятно. Въ числѣ ихъ были: г. Рокъ, Французскій купецъ, съ давняго времени живущій въ Аеинахъ (дочь его по всѣмъ отношеніямъ есть первая дѣвица въ семъ городѣ); Синьйоръ Мармапури, переведшій *Анахарсисова путешествіе* на Ромейскій языкъ; Г. Фовель, Французскій Консулъ, извѣстный своими дарованіями; ошличный художникъ Донъ Типа Лузіери, кошораго благорасположеніемъ мы не можемъ

(*) Англичане примѣняють къ Греческому языку спранный произношеніе своихъ гласныхъ буквъ, кошорыя, по мнѣнію Валкера, лучшаго изъ ихъ Грамматики, производять 22 разныхъ звуковъ; по сему вѣроятно, что самъ Демосенъ, еслибы слышалъ сіе чтеніе, то сдѣлалъ бы то же самое замѣчаніе.

(Прим. Франц. перевод.)

довольно нахвалиться. Мы нашли въ Аѣинахъ г. Кокрелля, за коимъ доселѣ ѣхали почти по слѣдамъ; отсюда же онъ сдѣлался нашимъ поварихомъ въ пуши. Онъ выдержалъ мучительную лихорадку, свирѣпствующую въ сей странѣ, прелестной по всѣмъ другимъ отношеніямъ, особливо надъ чужестранцами, которые неблагоразумно остаются въ мѣстахъ, зараженныхъ дурнымъ воздухомъ (mal - aria). Ему было такъ худо, что первый Аѣинскій врачъ отказался отъ лѣченія, почитая болѣзнь его какою-то заразой; и въ самомъ дѣлѣ въ ней показывались признаки заразы, а именно, опухоль въ желѣзахъ. Онъ приписывалъ свое выздоровленіе попеченіямъ доброй своей хозяйки, по имени г-жѣ Масонъ, и двухъ Германцевъ, своихъ приятелей, Бароновъ Штакельберга и Галлера. Въ одинъ день, когда г-жа Масонъ замѣтила въ немъ сильный лихорадочный припадокъ, то, воспользовавшись отсутствіемъ его приятелей, вздумала въ минушу вылѣчить его волшебнымъ составомъ. Онъ состоялъ изъ смолы, клочка волосъ и двухъ лоскушковъ бумаги, на которыхъ она начертила перомъ какую-то пирамиду и другіе таинственные знаки. Къ тому же въ церквахъ день и ночь горѣли свѣчи за его

изцѣленіе; и когда больной выздоровѣлъ, то добрая попечительница сказала ему, что онъ за сіе обязанъ предшательству *Панагии Кастріотиссы*. ш. е. Пресвятыя Дѣвы Акрополійскія. — Г. Фовель водилъ насъ ко храму Тезееву. Сей прекрасный памятникъ, воздвигнутый благодарнымъ народомъ Царю Опцу-ошечесва, и донынѣ еще, по прошествіи двухъ тысячъ лѣтъ, служитъ образцемъ совершенства въ Архитектурѣ. Но въ здѣшнемъ счастливомъ климатѣ, кажешься, время теряетъ разрушительную власъ свою, когда невѣжество и варварство ему не пособляютъ. Онъ служитъ нынѣ надгробнымъ памятникомъ для несчастныхъ путешественниковъ, которыхъ жестокая судьба обрекла на гибель вдали отъ ихъ родины. Достойный сожалѣнія нашъ согражданинъ, Туеддель, былъ первый положенъ въ сей пышной гробницѣ попеченіями г. Фовеля, на рукахъ коего испустилъ онъ послѣдній вздохъ.

Каждый годъ, о праздникъ Пасхи, бываетъ здѣсь ярмарка близъ сего великолѣпнаго зданія. Семейства Турковъ, Греновъ и Албанцевъ, въ праздничныхъ своихъ нарядахъ, представляютъ взорамъ приличное разнообразіе. Музыка и пляски

бывають тогда занятіемъ молодыхъ людей, которые приходятъ сюда въ гирляндахъ изъ цвѣтовъ; а шарикъ, сидя подѣ мраморными поршиками храма, смотрятъ на ихъ игры, курятъ длинныя свои трубки, слушаютъ приключенія другихъ, или рассказываютъ собственные. Иногда предаются они той веселости, которая, можно сказать, составляетъ природное свойство Грековъ, и является даже и нынѣ время отъ времени сквозь облако угнетенія, ошуманивающее сердца ихъ.

Говорятъ, что Аѳиняне и теперь еще самые любопытные изъ всѣхъ Грековъ, и что въ нихъ еще много осталось той вѣщренности, которою отличались ихъ предки. Но хотя непрерывное угнетеніе придало народному ихъ уму гибкость и лаваство; хотя злоба и ненависть и теперь питаемы, какъ въ древнія времена, необузданными страстями, а болѣе всего ревностію; хотя они показываютъ въ благополучіи гордость, едва ли не всегда влекущую ихъ къ пропасти бѣдствій, а въ несчастіи низость, уничтожающую состраданіе, которое она возбудить хочетъ: однакожь я ничего не нашелъ въ Аѳинянахъ, что бы отличало ихъ отъ другихъ Грековъ,

между коими замѣтно такоежѣ сходство въ образѣ мыслей, какъ и однообразіе въ нравахъ. Теперь уже не замѣчается, какъ знакъ народнаго оплечія, живость ума въ Аѳинянинѣ, пастушеская простота въ Аркадійцѣ, глупость въ Віопійцѣ и лаконизмъ въ Спаршанцѣ. Тяжелая рука деспотизма соединила всѣ сіи опшѣнки и повсюду слила свѣтъ и тѣнь карнины.

Красота въ здѣшнемъ климатѣ есть недолговѣчный цвѣтокъ, который блеснетъ, какъ свѣтлое явленіе въ воздухѣ, и въ немногіе годы увядаетъ. Молодая Гречанка часто бываетъ въ шеснаццацѣ лѣтъ прелестна, какъ майское утро; въ двадцать въ ней уже нѣтъ ничего привлекательнаго; а спустя пять лѣтъ, она дѣлается такъ безобразна, что ошѣ нее невольно ошворотишься. Здѣсь не замѣнешъ, какъ у насъ, переходъ ошѣ нѣжной приятности юныхъ лѣтъ къ прелести лѣтъ совершенныхъ и пошомъ къ благородному достоинству лѣтъ преклонныхъ; черны Сильфиды почти мгновенно превращающіяся въ Медузину голову. Когда мы разсуждали о семъ предметѣ съ сиріиоромъ Луіери, то онъ мнѣ сказалъ, что въ ошомъ должно обвинять не столько

климатѣ, сколько вредныя привычки Греческихъ женщинѣ, а особливо излишнее употребленіе бань, гдѣ онѣ проводятъ почти ежедневно по нѣсколькимъ часамъ въ густомъ облакѣ теплыхъ паровъ, занимаясь пересудами и злословіемъ съ большимъ еще удовольствіемъ, нежели какъ это дѣлается за чайнымъ столомъ въ Англіи. Сіе обыкновеніе испребляетъ въ нихъ природный цвѣтъ лица, ослабляетъ фибры и дѣлаетъ ихъ неспособными къ полезному для здоровья движенію. Какъ скоро имъ минетъ двадцать лѣтъ, морщины начинаютъ показываться, и онѣ претерпѣваютъ всѣ недуги преждевременной старости.

Хотя Гречанки необразованы и необучены приятнымъ искусствамъ, однакожъ онѣ не лишены ловкости, приятности въ поступкахъ и одеждѣ; особливо ихъ поклоны мнѣ весьма нравились: онѣ наклоняются слегка шлѣмомъ, положи правую руку подъ грудь. Вообще ихъ застанешь сидящихъ на софѣ въ лѣнливой нѣгѣ. Шелковое ихъ платье застегнуто поясомъ съ серебряными пряжками; волосы убраны цвѣтами, или жемчугомъ, и заплетены въ косы, распущенныя по плечамъ. Брови

ихъ, проведенныя правильною дугою, насурмлены, ногти выкрашены; цвѣтъ лица также весьма часто бываетъ поддѣльный. Что касается до драгоценнѣйшихъ даровъ Природы, существенныхъ припасностей ума, то Гречанки небрегутъ о нихъ самымъ жалкимъ образомъ.

На другой день мы пошли съ синь-йоромъ Логоеели въ сераль Воеводы, построенный въ периболѣ древняго храма Коринѳскаго ордена. Онъ принялъ насъ вѣжливо и медалъ общаніемъ данъ намъ Тапара (*) только для того, чтобы положить поболѣ цѣну за свое снисхожденіе. Мы не знали, что ему столько же было нужно, какъ и намъ, поскорѣе оправишь гонца къ Порту, дабы купишь на другой годъ свое намѣстничество у начальника черныхъ евнуховъ при Сералѣ въ той самой Византіи, которую Аѳины считали нѣкогда въ числѣ своихъ данницъ. Составленный имъ совѣтъ не упустилъ убѣдить его воспользоваться симъ случаемъ для засвидѣтельствованія своего почтенія и преданности политической партіи, которая была тогда сильна въ Константинополь. Мы пригласили съ вечера

(*) Турецкій гонецъ. (Пр. Руск. Пер.)

письма кѣ г. Лиспону, Англійскому Посланнику, и вѣ слѣдующій день рано поуспру Татарѣ уже поскакалъ вѣ сполуцу Турціи.

Сѣ сихѣ порѣ мы занялись единственно обозрѣніемѣ всего, чѣмѣ осталось изѣ памятниковѣ, нѣкогда украшавшихѣ Аѣины. Какое понятіе мы имѣли бы о древнихѣ, когда бы всѣ благородные ихѣ пруды дошли до насѣ, не пошерявѣ ничего изѣ своихѣ высокихѣ достоинствѣ! Если одни только изваянія вѣ Панѣеонѣ достаточны кѣ образованію вкуса цѣлаго народа, кѣ пробужденію творческаго ума вѣ его художникахѣ; то чего надлежало бы ожидать отѣ совокупнаго дѣйствія всѣхѣ произведеній!

Какія же причины довели изящныя искусства вѣ Аѣинахѣ до сей степени превосходства? Укажемѣ на одну главную: любовь кѣ отечеству. Аѣинянинѣ почиталѣ свое отечество за нѣкое божество, смолвѣлъ на его украшенія съ гордостію и воспоргомѣ, знакомыми только немногимѣ вѣ наши времена. Домашняя расчепливістьъ каждаго доставляла сѣдства кѣ поддержанію пышности общественной; и вѣ то время, какѣ храмы Аѣинскіе удивляли мірѣ, — дома

Θεμισποкла, Кимона, Аристиды и другихъ великихъ мужей сего города едва опличались отъ домовъ прочихъ согражданъ. Искусства, способствовавшія къ удовлетворенію сего патріотическаго чувства, были почтены и облагорожены. Отъ правительства запрещено было кому-либо заниматься живописью и ваяніемъ, кромѣ людей свободныхъ, и почтеннѣйшіе граждане не пренебрегали обучаться сего рода искусствамъ, дабы участвовати въ украшеніи своего общества. Самъ Согражданинъ изваялъ Грацій изъ мрамора, и онѣ уснували своими прелестями только шѣмъ, коими его Философія была украшена.

Разсмотрѣвъ Парѣсонъ, сей совершенный образецъ зодчества по чину Дорическому, мы пошли дивиться стройной красотою Ерахнея, превосходящаго произведенія по чину Ионическому. Ничто не можетъ сравниться съ ондѣлкою сего храма, которая такъ тонка и нѣжна, какъ работа изъ слоновой кости: каждая выпуклость, каждый орнаментъ ея ондѣлкою можетъ служить образцемъ. Одинъ портикъ, небольшой, но ондѣлкою красивый, называемый *придѣлокъ Пандрозы*, поддерживаемая фигурами женщинъ, извѣстны

ми подѣ именемъ Каріашидѣ; но вѣро-
яниѣ, онѣ представляюшѣ Канефорѣ
при обрядѣ Панаѣинейскомъ. Многіе
Турки и Греки почитаютѣ, что ешо
живыя существа, превращенныя въ ка-
мень силою чародѣйства; и намѣ раз-
сказывали за правду, что одна изѣ сихъ
спашуй, сняшая съ мѣста Лордомъ Ель-
гиномъ, испускала ночью плачевные
вопли; и что сѣстры ея отвѣчали ей
спонами (*). Въ то время, какъ мы раз-
смашривали сіе зданіе, подошелъ къ
намѣ Диздарѣ - Ага. Вынувъ изъ рта
длинную свою шрубку и спараясь при-
дашь своему лицу выраженіе любопыт-
ства, спросилъ онѣ: можемъ ли мы рас-
полковать ему, кто таковы были ду-
хи, построившіе сіи огромныя палаты?
Мы ему отвѣчали, что ешо были лю-
ди, и онѣ, казалось, повѣрилъ намѣ, ду-
мая, что сіи люди должны быть испо-
лины. Но когда мы начали его увѣряшѣ,
что мнимые исполины сіи были предки
Грековъ, Аѣинскихъ Гяуровъ; тогда онѣ

(*) Мѣсто, оставшееся пустымъ послѣ
сего похищенія, было постыднымъ обра-
зомъ завалено кирпичемъ и камнями. Лордъ
Гильфордъ, сей новый Ашиикъ, велѣлъ
изваяшѣ въ Англіи спашую по образцу
прежней, и пославилъ ее въ Аѣинахъ для
замѣщенія пустаго промежутка. (Ир. Сот.)

захохоталъ и, для опроверженія нашихъ словъ, удовольствовался только тѣмъ, что указалъ пальцомъ на домы, поспроенные Греками въ нынѣшнемъ городѣ.

Я говорилъ уже о Паренонѣ; и не могу удержаться, чтобъ не сказать, что, смотря на сей памятникъ, мы были поражены карпиною развалинъ и опустошенія, причиненныхъ въ немъ послѣднимъ грабительствомъ (*). Хотя каждый Англичанинъ можетъ радоваться, видя въ своей отчизнѣ сіи неподражаемые образцы древняго ваятельнаго искусства, и даже согласишься съ нѣкоторыми разсужденіями, коими хотѣли оправдать сіи хищенія; но если хоть малая искра воспорага шайхса въ его сердцѣ, — то онъ не можетъ безъ сожалѣнія видѣть безполезныя опустошенія, посредствомъ коихъ заграблены были сіи сокровища. Земля покрыта стержнями, капишелями колоннъ и архитектурными, коихъ было бы достаточно для поспроенія цѣлаго дворца изъ мрамора. Личность грабителя была причиною, что унесены предметы, по сраженію маловажные, но служившіе къ поддержанію зданія, и такимъ образомъ

(*) Рѣчь о Лордѣ Эльгинѣ.

оно обречено на преждевременное разрушеніе.

Удивительно, что послѣ всѣхъ бѣдъ ствій, понесенныхъ Аѣинами, сей городъ и теперь еще сохранилъ столько опасностей древнихъ своихъ драгоценностей. Римляне его жгутъ, Готы предають огню и мечу, Венеціане разрушаютъ бомбами, Турки разбиваютъ въ пыль его памятники, чтобы добыть мусору; знаменитые хладнокровно увозятъ сіи памятники — на продажу: и при всемъ томъ городъ Аѣины все еще оспается лучшею въ свѣтѣ школою для Архитектора! Если онъ не представляетъ сему послѣднему столь великаго разнообразія въ чертежахъ, какъ нѣкоторые другіе города; то повсюду являетъ совершенство, достойное подражанія. Разсматриваніе развалинъ его не только совершенствуетъ вкусъ художника, но пробуждаетъ въ немъ творческій умъ, поощряетъ его дѣятельность, рождаетъ въ немъ мысли новыя и приводитъ въ дѣйствіе всѣ способности его разума.

Сходя съ Акрополиса, я не могъ удержаться отъ нѣкоторыхъ размышленій о необыкновенныхъ свойствахъ народа, посреди коего художество поро-

дѣло всѣмъ сіи чудеса. Соединивъ храбрость Спартанцевъ съ роскошью Коринѳянъ, уступая попеременно то внушеніямъ разума, то дѣтскому своенравію, смрастный къ свободѣ, и предающійся заговорамъ; иногда гордый и повелительный, иногда низкій и льстивый; возносящій своего согражданина на высочайшую степенъ славы и потомъ изгоняющій его за тѣ же самыя добродѣтели, которымиъ удивлялся; сооружающій на своей народной площади жертвенникъ покровительству, и умерщвляющій злополучныхъ Мелійцевъ подъ самыми недѣльными предложениями; покидающій свой городъ при нашествіи непріятели и предоставляющій себѣ одну честь раздѣлять общую опасность съ другими Греками, — народъ сей предалъ Платеянъ, единственныхъ своихъ союзниковъ на равнинахъ Мараѳонскихъ, въ жертву мщенія Лакедемонянъ! Оплачаясь совершенно ошѣмъ всѣхъ другихъ племенъ Греческихъ, набожно пекшихся о соблюденіи своего языка, правовъ и обычаевъ, Аѳиняне перенимали все, чѣмъ находили полезнымъ, какъ у другихъ Грековъ, такъ и у самыхъ варваровъ. Они не пренебрегали никакою оспрадіо словесности, наукъ и художествъ; они старались достигнуть до высшей степе-

пени познаній, и ушвердили у себя престолъ оныхъ. Сіе святилище пережило ихъ владычество, преобразовало первыхъ ихъ покорителей, просвѣтило нынѣшнее поколѣніе и прольетъ свои благотворные лучи на познѣншее потомство. Такимъ образомъ совершается предсказаніе безсмертнаго Церикла, что Аѣины будуще возбуждаютъ всеобщее удивленіе и тогда, когда забвеніе покроетъ побѣдоносную ихъ соперницу.

Вечеромъ одинъ богатый Аѣинскій купецъ давалъ балъ Капишану и офицерамъ Англійскаго фрегата Орlando, ставшаго на якорь въ Пирей; всѣ главнѣйшія фамиліи въ городѣ были на сей балъ приглашены.

Балы суть единственнае увеселеніе нынѣшнихъ Грековъ. Не зная удовольствій ни музыки, ни театральныхъ зрѣлищъ, рѣдко предаваясь наслажденіямъ стола и, по недостатку воспитанія, будучи незнакомы съ приятностями разговора, только пляскою развлекаясь они однообразіе своей жизни. Но чистоплечъ не долженъ связывать съ словомъ *Греческій балъ* понятія объ удовольствіяхъ и веселости, присущихъ при подобныхъ забавахъ въ обра-

зованныхъ странахъ Европы. Заключение, на которое обреченъ въ Греціи прекрасный полъ, и униженіе, въ какомъ онъ находится, придаютъ женщинамъ здѣшнимъ видъ принужденный и чинный; всѣ ихъ понятія ограничиваются нѣсколькими, самыми обыкновенными, общими мѣстами, и потому онѣ неспособны ни къ какимъ умственнымъ наслажденіямъ; въ нихъ не замѣчаешь ни игривости ума, ни остроумныхъ отвѣтовъ, ни веселости, отвѣчего разговоръ ихъ, если можно, еще скучнѣе разговора здѣшнихъ мужчинъ. Припомъ же неумѣренное употребленіе теплыхъ бань, какъ я уже выше сказалъ, дѣлаетъ ихъ столько вялыми и такъ расслабляетъ ихъ нервы, что онѣ не могутъ въ нѣсколько доказывать той живости, которая составляетъ ея прелесть.

Очень часто мы раскидывали свою палатку на мѣстоположеніи Пинкса, или на другомъ какомъ мѣстѣ, возвышающемся надъ городомъ и его окрестностями, и любовались оттуда красивыми видами. Иногда Гречанки приходили къ намъ, и мы показывали имъ, посредствомъ телескопа, ихъ мужей, отправляющихся на рыбную ловлю и въ

Ширейской пристани. Любопытство заставляло также и Турчанокъ подходить къ намъ ближе, нежели обычай имъ сіе позволяеиъ; но какъ скоро онѣ являлись въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи, то уходили прочь, какъ будто бы воздухъ, вдыхаемый Хрістіянами, былъ для нихъ заразителенъ. Турчанка никакъ не должна показывать лица своего всенародно; если мужчина встрѣтитъ одну изъ нихъ безъ покрывала, то опворачивается, пока она пройдетъ мимо. Такова власть сего обыкновенія, что я видѣлъ однажды, какъ Дздаръ-Ага оборотился спиною къ собственнѣйшей своей дочери, истинной Гуріи красотою, когда она безъ покрывала сходила съ Процидея.

Сіи госпожи не всегда впрочемъ столь строга наблюдаютъ это обыкновеніе, особливо когда не боятся, что за ними примѣчаютъ; и я имѣлъ случай видѣть самъ тому доказательство. Въ одинъ вечеръ, когда я списывалъ надписи на дворѣ синьора Лузіери во время его отдохновенія, услышалъ, что кто-то легонько спучишся въ дверь; опворя ее, къ удивленію моему увидѣлъ входящихъ ко мнѣ двѣнадцать или пятнадцать Турчанокъ подъ длинными

бѣлыми покрывалами, упадавшими до самыхъ пятъ. Онѣ показали мнѣ знаками, что хотѣтъ видѣтъ спѣнныя часы съ курантами, которыя Лордъ Ельгинъ подарилъ городу Аѣинамъ, какъ будто для того, чтобы каждый часъ напоминать ему о расхищеніи Парѣенона. Я повелъ ихъ въ то мѣсто, гдѣ сіи часы были до времени поставлены. Онѣ заговорили всѣ вмѣстѣ, громко захохотали и вдругъ приподняли длинныя свои покрывала, какъ бы сговорясь ослѣпить меня блескомъ большихъ, черныхъ своихъ глазъ. Можетъ быть я видалъ женщинъ пригоже каждой изъ нихъ въ особенності; но никогда такое собраніе прелестей не представлялось вдругъ моимъ взорамъ. Я подумалъ, что вижу хороводъ Гурій, пришедшихъ изъ рая Магометова; красавицы, по видимому, веселились моимъ изумленіемъ и радовались дѣйствиємъ своихъ прелестей. Онѣ поднули меня къ часамъ, давая знакъ, чтобы я показалъ имъ механизмъ оныхъ; и когда я исполнилъ это, онѣ не дали мнѣ отдохнуть, пока я не заснавилъ часы проигранъ всѣхъ пѣснй. Сей шумъ разбудилъ Лузіеря, который, приближавъ къ халамъ и шурфалъ, выговаривалъ моимъ госнямъ съ такимъ сирочимъ видомъ, что мол-

чаніе вдругъ заступило мѣсто ихъ веселости; покрывала снова упали на лица, и онѣ вышли тихими и мѣрными шагами, точно какъ и вошли, оставя меня въ положеніи человѣка, которому видѣлся самый чудный сонъ.

Приятель мой не могъ удержаться отъ смѣха надъ моимъ видомъ безмолвнаго удивленія, и дабы вознаградить меня за то, что выгналъ моихъ Гурій, онѣ повелѣ меня въ свой кабинетъ, гдѣ собраны многочисленныя сокровища древностей, которыя досталъ онѣ большею частію посредствомъ изысканій подъ землею, сдѣланныхъ по его собственному указанію. Г. Фовель также имѣетъ драгоцѣнное собраніе оныхъ, и между прочими такую рѣдкость, для которой записной любитель древностей пошелъ бы босыми ногами въ Аѳины, чтобы только ее увидѣть: ешо — челюсть человѣка, въ зубахъ коей и теперъ еще находится оболь, положенный для платы Харону за перевозъ черезъ Стиксъ!

Съ Фр. Орестъ Соловѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О Киргизцах (*).

(Окончаніе.)

Мы имѣли случай упоминать о *Байгушахъ*, или нищихъ Киргизцахъ, которыхъ называютъ также и *Ангутами*. Съ нѣкотораго времени они столь умножились, что составляютъ, такъ сказать, особливую часть Киргизскаго народа. Въ каршинѣ жизни сихъ несчастныхъ человѣчество является въ уничижительнѣйшемъ видѣ: совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго чувства, всякаго человѣческаго понятія составляетъ отличительную черту ихъ существованія.

Въ пораженіяхъ истребительной *баранты* лишась послѣдняго спада и всего имущества, въ рубищахъ, едва прикрывающихъ наготу, живущъ они по берегамъ озеръ или немногихъ рѣкъ своихъ. Въ камышахъ, какъ дикіе звѣри и

(*) См. В. Е. 1821 года № 22 и первые номера 1822.

вмѣстѣ съ ними укрывающіеся отъ су-
ровости переменъ воздушныхъ; они въ
ежечасномъ страхѣ новаго нападенія отъ
лютыхъ припѣснителей, и малѣйшій
шорохъ въ окрестности приводитъ
ихъ въ трепетъ. Они гибнутъ отъ го-
лода и болѣзней, имъ порождаемыхъ;
рыбная ловля бѣдными снастями, изъ
намыша сплеченными, едва даетъ имъ
наущное пропитаніе. Такъ они сохра-
няютъ по крайней мѣрѣ жизнь въ лѣт-
ніе мѣсяцы года; но съ наступленіемъ
зимы другой бичъ ожидаетъ ихъ —
снѣгъ и холодъ. Предупреждая пагубныя
слѣдствія, они собираютъ вѣтхія лоскутья
войлоковъ, находимыя въ оставленныхъ
аулахъ; изъ однихъ дѣлаютъ обувь и
одежду, изъ другихъ — подобіе шалаша;
въ семъ приютѣ безпрестанно жгутъ
простники и въ горячемъ пеплѣ ото-
грѣваютъ ногъ и голодныхъ дѣтей
своихъ. >

Въ такомъ бѣдственномъ состояніи,
нѣкопорые приближаются къ линіи.
Здѣсь съ поржесствомъ является велико-
душная благошворительность нашего
народа: жишели линіи всѣхъ состояній
не только питаютъ несчастныхъ ще-
дымъ подаяніемъ, но и надѣляютъ ихъ
избытками одежды и всякаго домашняго

хозяйства, забывая грабежи и разоренія, копорыя ими, или соплеменниками ихъ шамъ распространены были. Сверхъ того на границѣ находяшѣ сѣи пришельцы, во первыхъ безопасность опѣ новаго пораженія, ибо враги ихъ не смѣюшъ такъ далеко преслѣдовать; во вторыхъ, болѣе удобства въ кочеваніи, пользуясь лѣсомъ и кустарниками, въ шѣхъ мѣстахъ распущими.

Не смотря на сѣи выгоды, положеніе ихъ ужасно. Уже не угрожающа они голодною смертію и морозами, уже имѣюшъ нѣкоторыя удобства во внутреннемъ быту своемъ; но гдѣ спада ихъ? гдѣ прежній избытокъ и довольство? гдѣ гробовые камни ошцевъ и дѣдовъ, сѣи единственные предметы чувствительности грубаго сердца? Неумолимая *баранта* все истребила, все расхитила, даже до послѣднихъ. Желая возстановить свое благосостояніе, они прибѣгаюшъ къ средству варварскому и опчаянному — къ продажѣ дѣшей своихъ, не рѣдко промѣнивая груднаго младенца за мѣру хлѣбныхъ сѣмянъ (*); или впадаюшъ въ новыя пре-

(*) Въ управленіе Оренбургскимъ краемъ Генерала Ессена не слышно стало о сей безчеловѣчной торговлѣ: очевидное слѣдствіе благотѣльныхъ мѣръ неутомимаго Начальника. Г.

ступленія: заводящъ связи съ ближними Ордынцами; крадутъ у благодушелей своихъ, пограничныхъ жителей, скотину и все, что могутъ; передаютъ добычу въ сосѣдственные улусы и вымѣниваютъ сначала овецъ, потомъ лошадей и верблюдовъ, наконецъ разныя вещи, имъ попребныя. Такимъ образомъ главный корень сихъ новыхъ злодѣйствъ скрывается въ собственномъ бѣдствіи злодѣевъ.

Государь Императоръ, просиравъ и на нихъ взоръ благости и милосердія, Указомъ 1808 года 23 Мая повелѣлъ склонять таковыхъ Киргизцевъ къ водворенію во внутреннихъ казенныхъ селеніяхъ, преимущественно Магомешанскихъ; отводишь имъ участки земель и даваешь денежные пособія на начальное заведеніе хозяйства, даруя десятилѣтнюю льготу отъ всѣхъ Государственныхъ податей и повинностей. Десять тысячъ рублей тогда же опущено на сей предметъ въ распоряженіе пограничнаго начальства. Но сумма сія цѣла и шеперь (!) *Ангуты* не пользующаясь симъ спасительнымъ для нихъ учрежденіемъ, предпочитаютъ отвер-

(*) Въ Февраль 1822,
№ 22.

женное свое существованіе благотворному союзу съ общимъ Государственнымъ соспавомъ Россіи и пресмыкающія въ моральныхъ и политическихъ бѣдствіяхъ всякаго рода. Такъ непобѣдима сила привычки въ человѣкѣ дикомъ и такъ дорого цѣнитъ онъ свою свободу!

Германъ.

Ливны.

Историческій взглядъ на сношенія Россіи съ Хивинскою областью.

Зѣмли, извѣстныя Европейцамъ подъ именемъ Независимой Ташаріи, раздѣляющіяся на множество малыхъ Магомешанскихъ областей, которыя состоятъ подъ управленіемъ ширановъ, называемыхъ Ханами, Инаками, Апалыками и Беями. Къ числу таковыхъ принадлежатъ Хивинское Ханство, древняя Хarezмія или Ховарезмія, котораго главный городъ Хива построенъ на каналахъ рѣки Улу - или Аму-Дарьи (Oxus), впадающей въ Аральское море. Область сія граничитъ съ Бухаріей, Хорозаномъ и Россіей, съ послѣдней черезъ степи Киргизскія и Туркменскія. Дѣтъ за шестьдесятъ передъ симъ полагали, что

она можетъ выставить до пятидесяти тысячъ ратниковъ: таковы ея народонаселеніе и военныя силы.

При Дворѣ Императора Петра I находился Хивинской посланецъ, который подтвердилъ распространившійся тогда слухъ, что воды Аму-Дарьи вымываютъ золотой песокъ изъ богатыхъ горъ, въ вершинахъ сей рѣки находящихся.

Основываясь на томъ, Императоръ приказалъ въ 1714 году построить въ Сибири у Ямышева озера крѣпость и изъ оной отправить подъ начальствомъ гвардіи Капитана Бухгольца экспедицію, которой цѣлю поставилъ: овладѣть городомъ Еркешомъ (Яркендомъ?) и развѣдать какъ о песочномъ золотѣ, такъ и о всей странѣ тамошней.

Въ 1716 году Государь нарядилъ посольство къ Хивинскому Хану Ширгази. Чрезвычайнымъ Посланникомъ назначенъ Гвардіи Капитанъ - Поручикъ Князь Бенковичъ - Черкасской; въ инструкціи, писанной собственною рукою Императора, повелѣно ему было:

1. Изслѣдовать проблему о прежнемъ теченіи Аму - Дарьи, о которой были извѣстія, что она впадала въ Каспійское море, но Узбеками обращена

посредствомъ плошинъ и каналовъ въ Аральское.

2. Склонить Хивинскаго Хана къ подданству.

3. На пути къ Хивѣ, и особливо при устьѣ Аму - Дарьи, устроить, гдѣ нужно, крѣпости.

4. Утвердившись тамъ, вступить въ сношенія съ Бухарскимъ Ханомъ, склоняя и его къ подданству.

5. Отправить изъ Хивы, въ видѣ купца, Поручика Кожина въ Индостанъ, для проложенія торговаго пути, а другаго искуснаго офицера въ Еркешъ для разысканія о золотыхъ рудахъ (*).

(*) Бухгольцова экспедиція не имѣла успѣха. Зюнгоры не дали ему достроить крѣпости и сожгли ее, принудивъ гарнизонъ и снаряды вывезти на устье Оми, гдѣ по его плану построена Омская крѣпость въ 1716. Послѣ того, поссорившись съ Сибирскимъ Губернаторомъ Княземъ Гагаринымъ, Бухгольцъ уѣхалъ въ Петербургъ. На мѣсто его въ 1719 присланъ Гвардіи Маіоръ, Ген. Маіоръ Лихаревъ, которому велѣно было построить крѣпость на озерѣ Норъ-Зайсанъ. Онъ пришелъ туда по Иртышу на лодкахъ, осмотрѣлъ мѣсто, дрался съ Зюнгорами, не могъ тамъ утвердиться, и также, какъ и Бухгольцъ, не ходилъ далѣе; но построилъ крѣпости: Усть-

Таковы были великіе виды безсмертнаго Петра на тѣ страны.

Въ сію экспедицію Государь назначилъ войска чешыре шысячи, вышеупомянутаго Кожина, еще нѣскольکو Морскихъ офицеровъ, двухъ инженеровъ и двухъ негоціантовъ (*). Сенапу предписано было снабдить ихъ всѣми пособіями и граматами къ Ханамъ и Великому Моголу.

Первыя распоряженія Бековича въ исполненіи сего плана были превосходны. Въ томъ же году онъ отправился на судахъ изъ Асрахани съ шрема пѣхопными полками: Пензенскимъ, Крушоярскимъ и Риддеровымъ; на воспоч-

Каменогорскую и Семипалапинскую; первую укрѣплялъ Инженеръ - Капитанъ Лентранжъ.

Любопытно узнать, куда дѣвались послѣ того Зюнгоры? На предѣлахъ Иртыша ихъ нѣтъ нынѣ. Преданіе говоритъ, что Китайское оружіе искоренило ихъ безъ остатка въ годы, современныя правленію Императрицы Елисаветы Пепровны. Не невѣрояшно однакожь, чтобъ нѣкошорая часть сего идолопоклонническаго племени не уцѣлѣла и не удалилась въ горы Тибеша. Г.]

(*) „Двухъ человекъ добрыхъ людей изъ купечества, и чтобъ они были не спары“ — писалъ Монархъ.

ныхъ берегахъ Каспійскаго моря заложилъ при крѣпости: Тюкѣ-Караганскую, Александробаевскую и Красноводскую; въ первой оставилъ гарнизономъ Пензенской полкъ, во второй при роты Крушоярскаго, въ послѣдней прочую часть своей пѣхоты подъ командою Полковника Фонѣ-дерб-Вейдена. Здѣсь полагалъ онъ, что найдетъ прежнее устье Аму-Дарьи. Между тѣмъ отправилъ въ Хиву двухъ вѣспниковъ о своемъ посольствѣ: Грека, по имени Кирьяка, и Астраханскаго дворянина Воронина.

Послѣ сего возвратился съ двумя ротами въ Астрахань, ѣздилъ въ Казань, набралъ тамъ изъ плѣнныхъ Шведовъ 500 охотниковъ, сформировалъ изъ нихъ сильный драгунской ескадронъ подъ командою Маіора Франкенберга; посадилъ его на суда, высадилъ въ Астрахани, и въ Іюль 1717 пошелъ опшуда сухимъ путемъ въ Гурьевъ, имѣя, кромѣ драгунъ и двухъ ротъ пѣхоты съ артиллеріей, Гребенскихъ козаковъ 500, Нагайскихъ 500 и купеческой караванъ изъ Астраханскихъ обывателей, мастеровыхъ, ремесленниковъ, Ташаръ и Бухарцевъ до 200 человекъ; а въ Гурьевъ присоединилъ къ себѣ Уральскихъ козаковъ 1500, подъ начальствомъ старшины Никишы Бородина.

Все дѣлалось скоро, легко и общало несомнѣнный успѣхъ.

При экспедиціи находились морскіе и инженерные офицеры: Козинъ, Князь Урусовъ, Лебедевъ, Реншель, Давыдовъ, штурманъ Брантъ, и на ординарцахъ солдаты гвардіи: Чебошаевъ, Яковлевъ и Князь Вяземской; сверхъ того, въ качествѣ дипломатовъ, Туркменецъ Ходжа Нефесъ и нѣкто Князь Самановъ, Персіанинъ, подъ симъ именемъ вступившій въ нашу службу Стольникомъ.

Лейтенантъ Кожинъ остался въ Астрахани и долженъ былъ послѣ явиться у Бековича; но не поѣхалъ: и когда Астраханской Губернаторъ принуждалъ его къ отправленію, то онъ подалъ доносъ на Бековича, обвиняя его въ измѣнѣ и утверждая, что слѣды прежняго печенія Аму-Дарьи существовали только въ его воображеніи.

Изъ Гурьева Бековичъ пришелъ въ два марша къ Ембѣ; переправясь черезъ сію рѣку на плавахъ, черезъ пять дней получилъ онъ на походъ повелѣніе Петра послать черезъ Персію въ Восточную Индію надежнаго человека, свѣдущаго въ языкѣ тамошнихъ странъ,

съ тѣмъ, чтобы онъ, развѣдавъ о способахъ торговли и добываніи золота, черезъ Нишай явился къ Бековичу въ Бухарию.

Сей великій Монархъ не хотѣлъ знать трудностей и находить невозможности въ достиженіи своихъ мудрыхъ видовъ.

Бековичъ, исполняя волю Государя, отправилъ Мурзу Тевкелева (*); но въ Аспрабатѣ Паша арестовалъ его, и уже по домогательству Волынскаго, нашего Посла при Персидскомъ Шахѣ, освободилъ и возвратилъ въ Аспрахань.

По отправленіи Тевкелева, Бековичъ шелъ близъ мѣсяца къ Хивѣ, куда послалъ прешяго гонца съ письмомъ къ Хану, ибо первые два не возвращались. Уже онъ прошелъ берега Аральскаго моря и развалины прежняго Ургенча; до Хивы оставалось не болѣе 120 верстъ; вдругъ былъ атакованъ Хивинцами въ числѣ 24 тысячъ подъ предводительствомъ самаго Хана. Три раза возобновлялось нападеніе, три раза Хивинцы разбины и прогнаны; Бековичъ быстро приближался къ Хивѣ, изъ коной жишели удалялись поспѣшно.

(*) Онъ былъ послѣ Генераль-Маіоромъ и товарищемъ Оренбургскаго Губернатора.

Въ Хивинскомъ лагерѣ между тѣмъ собранъ совѣтъ, на которомъ одинъ изъ военачальниковъ, по имени Дусанъ-Бай, предложилъ истребить Русскихъ хитростью и коварствомъ. Ханъ послушался и открылъ переговоры, въ которыхъ извѣдывалъ, что военныя дѣйствія начаты имъ были отъ незнанія намѣреній Бековича; когда же увѣдомился онъ, что Бековичъ есть мирный Посланникъ Россійскаго Монарха: то просилъ извиненія, принимаетъ его съ усердіемъ въ своихъ владѣніяхъ и отправляетъ къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ своихъ для условія о личномъ свиданіи и дальнѣйшихъ переговорахъ; между тѣмъ проситъ не вступать со всѣми войсками въ городъ, пока не успокоятся жители, встревоженные внезапнымъ появленіемъ побѣдоносныхъ чужестранцевъ.

По несчастію и неоспорочности (чтобъ не сказать болѣе), Князь Бековичъ всему етому повѣрилъ, и вскорѣ съ малымъ конвоемъ поѣхалъ къ Хану, возвратившемуся уже въ свой вертепъ, а войска оставилъ на границѣ, подъ командою Маіора Франкенберга.

Едва Хивинцы увидѣли, что могутъ безъ труда овладѣть слабымъ опрядомъ симъ, то заперли городскія ворота, умерщвили всю посольскую свиту

и принудили Посланника написать повелѣніе, чтобы войска опдали оружіе на сохраненіе Хивинскимъ комиссарамъ и расположились бы на квартирахъ у обывашелей въ городскихъ предмѣстіяхъ.

Франкенбергъ заславилъ повшорить себѣ при разѣ нелѣпый сей приказъ; наконецъ, когда малодушный начальникъ, упрекая его въ ослушаніи, грозилъ ему казнію, какъ измѣннику, онъ исполнилъ повелѣніе и — погибъ со всѣми храбрыми товарищами прагической судьбы своей. Раздѣленные и обезоруженныя силы наши не могли сопротивляясь въроломнымъ убійцамъ, которые истребляли однихъ и опягчали оковами другихъ; самага Бековича умершвили ширански и голову его опправили съ шоржесствомъ въ Бухарскому Хану, кошорый однакожь не принялъ сего профея, выгналъ присланныхъ, и узнавъ о жестокостяхъ Хивинскихъ варваровъ, велѣлъ спросить: не людоѣды ли они и не питаются ли человѣческою кровію?

Такъ кончилась сія экспедиція, кошорая произвела народную пословицу: *пропалъ, какъ Бековичъ*. Немногіе наши случай избѣжать общей гибели, возвратились въ опечество и были ея вѣспниками, въ томъ числѣ и выше-

упомянутый Уральской Спаршина Бородинъ.

Императоръ, занятый тогда войною на сѣверѣ, а можетъ быть и почивая истребленіе Бековичевыхъ войскъ справедливымъ дѣйствиємъ въ защиту народной независимости, оставилъ Хивинцевъ спокойно наслаждаться плодами своей побѣды, приобретенной не мужественнымъ сопротивленіемъ, не военною хитростію, но коварнымъ предательствомъ и звѣрскою жестокостію.

Въ послѣдующія царствованія также не предпринималось ничего къ наказанію вѣроломныхъ, къ которому, кажется, всегда имѣть можно справедливую причину; ибо столѣтняя давность въ семъ случаѣ едва ли служила оправданіемъ, тѣмъ болѣе, что профеи побѣды — Бековича пушки — донинѣ въ рукахъ его побѣдителей, оскорбляя нашу военную гордость и народное право; ибо сіи пушки должны были охранять лице посланника на походѣ его черезъ степи, обитаемыя кочующими племенами, еще неподвластными тогда Россіи.

Въ 1804 и 1805 годахъ въ Оренбургѣ, въ бытность тамъ Военнымъ Губернаторомъ Генерала опѣ кавалеріи Князя Волконскаго, готовилась экспе-

диція, о которой въ тамошнемъ краю между частными людьми носились слухи, что она имѣла цѣлюю предпріятіе противъ Хивы; но какъ въ публикѣ о томъ ничего неизвѣстно, то и не можемъ о семъ предметѣ распространиться.

Между тѣмъ Хивинцы не переставали ѣздить къ намъ для торгу, сначала въ одну Астрахань, потомъ въ Оренбургъ, наконецъ и въ Сарайчиковскую крѣпость, отъ которой до Ургенча считается не болѣе 800 верстъ. Караваны ихъ ежегодно приходили въ сіи мѣста.

Они многократно отправляли даже посланцевъ къ нашему Двору и выпрашивали разныя милости. Въ 1747 году Иностранная Коллегія прислала въ Оренбургъ изъ Астрахани Хивинскаго Посланника Ходжу Мухаммеша, для отправленія его обратно въ Хиву; а въ 1750 году приѣзжалъ въ Оренбургъ Хивинской посланецъ Ирѣили Ширѣ-Бекъ.

Также и отъ насъ посылались чиновники въ Хиву, только не отъ Двора, а отъ лица пограничныхъ начальниковъ. Въ 1740 году отправлены туда были Геодезистъ Муравинъ и Инженеръ Назимовъ, изъ коихъ первый описалъ путь до Аральскаго моря и сочинилъ оному

наршу, а послѣдній снялъ подробный планъ города Хивы (*). Въ 1753 посла-

(*) Сей планъ въ 1818 году доставленъ въ Военно - Топографическое Депо Главнѣго Штаба Е. И. В. Замѣчательно, что въ Хивѣ господствовалъ тогда (1740) Киргизкайсацкой Ханъ Абулхайръ, пошъ самый, который уже около десяти лѣтъ считался въ подданствѣ Россіи. Въ сіе время Шахъ Надыръ подступалъ къ Хивѣ. Абулхайръ отправилъ къ нему Муравина, какъ Рускаго. Шахъ принялъ его благосклонно, одарилъ щедро и опустилъ, велѣвъ объявить Абулхайру, чтобы онъ самъ явился въ его лагерь. Но сей, по боязни, убѣждалъ въ степь и возвратился въ свою орду. Шахъ послѣ того занялъ Хиву, наложилъ контрибуцію на жителей, многихъ вывелъ въ Персію; на ханство посадилъ одного изъ своихъ офицеровъ и оставилъ при немъ гарнизонъ. По удаленіи Шаха Хивинцы умертвили новаго Хана и истребили всѣхъ его солдатъ; послѣ чего выбрали въ Ханы сына Абулхайрова, Султана Нурали, который, боясь мщенія Персіанъ, добровольно сложилъ съ себя Ханскую шапку. Сей Нурали въ 1748 году смѣнилъ отца своего въ достоинствѣ Киргизкайсацкаго владѣтеля; но судьба играла его пронами: въ 1786 году онъ взятъ изъ Орды и опосланъ въ Уфу, гдѣ черезъ чепыре года умеръ. Исторія его имѣетъ нѣкоторое сходство съ трагедіей Корсиканскаго Хана, узника Св. Елены. Тѣ же явленія и характеры; только другой театръ, другіе зрители. Муравинъ

ны изъ Оренбурга въ Хиву агеншы (*) освѣдомитъся о тамошнихъ обстоятельствахъ. Они были тамъ задержаны, едва не умерли съ голода; однакожь освобождены, возвратились и доставили нѣкопорыя свѣдѣнія.

Въ 1774 году Нижегородскаго пѣхошнаго полка уншербъ-офицеръ Ефремовъ схваченъ былъ Киргизцами на Донгусскомъ форпостѣ и опвѣденъ въ Бухарию. Тамошній Апалыкъ сдѣлалъ его сначала надзирашелемъ серали, а потомъ опредѣлилъ въ военную службу, въ которой онъ дослужился до чина Юзбаши (Рошмиспра). Ефремовъ ходилъ съ корпусомъ Апалыковыхъ войскъ въ Самарканду, Мавру и Хиву; опшуда бѣжалъ въ Кокантъ, Кашгаръ и Яркендъ; чрезъ Тибетъ пробрался въ Калькутту, на Англійскомъ фрегатѣ приѣхалъ въ Лондонъ, въ 1782 явился въ Пешербургъ, гдѣ напечаталъ книжку о своихъ приключеніяхъ и помѣстилъ въ ней нѣсколько извѣстій о странахъ, которыя посѣщалъ, въ томъ числѣ и о Хивѣ.

и Назимовъ возвратились въ 1741 году въ Оренбургъ, гдѣ Главнокомандующимъ былъ тогда Генер. Лейп. Князь Урусовъ. Г.

(*) „Изъ спашескихъ служилей“ сказано въ запискахъ того времени. Г.

Изъ Европейцевъ, исключая Русскихъ, никто въ той странѣ не бывалъ (сколько извѣстно), кромѣ Дженкинсона, который въ 1558 году (*) плавалъ по Каспійскому морю, вышелъ при Мангишлакѣ на берегъ и доходилъ до укрѣпленія Селлизура и до сшараго Ургенча.

Въ 1793 году Хивинцы прислали къ намъ двухъ посланцевъ, которые выѣхали на Орскую крѣпость. По разсмотрѣннн привезенныхъ ими бумагъ оказалось, что Инакъ Авязъ - Бекъ просилъ прислать въ Хиву глазнаго врача для ослѣпшаго дяди своего, Хана Мухамметъ - Фазиль - Бея, обѣщая врача сего сохранно препроводить въ оба пути черезъ степи Киргизкайсацкія и въ Хивѣ содержать *гестно и прилично*.

Уфимской Губернаторъ Пеуплингъ донесъ Двору о семъ прошеніи. Іюня 14 состоялся именный Указъ Императрицы Екатерины II, чтобы по прозбѣ Инака отправить въ Хиву съ прибывшими посланцами Маіора Бланкеннагеля, „во врачеваніи глазъ многими опытами оказавшаго искусство.“

Вскорѣ послѣдовалъ другой именный Указъ (23 Іюля), и объявлено Плапономъ

(*) См. *Vogages au Nord*.

Александровичемъ Зубовымъ Высочайшее повелѣніе Пеуплингу, чшобы:

1. „Въ дополненіе данныхъ Бланкеннагелю въ С. Пешербургѣ наставленій, сообщитъ ему изъ Оренбургской пограничной Экспедиціи свѣдѣнія, касающіяся до края, куда онѣ путь предприимлетъ.

2 „Снабдитъ его переводчикомъ и всѣмъ нужнымъ къ безопасному и увѣришельному пробѣзду въ Хиву.

3. „Командировать съ нимъ искуснаго Геодезиста.

4. „Производитъ ему на содержаніе по 200 рублей серебромъ въ мѣсяцъ, и опустивъ по сему положенію впредь за одинъ годъ, продолжая таковую выдачу, доколѣ онѣ въ порученной ему комиссіи пробудетъ, пересылая деньги при удобномъ случаѣ.“

Такимъ образомъ Бланкеннагель, удовлетворенный всѣми потребностями и пособіями, опправился въ Хиву въ Сентябрѣ 1793 изъ Илецкой защиты; а возвратился опшуда въ слѣдующемъ году черезъ Туркменскія кочевья въ Астрахань. Онѣ смотрѣлъ на сію спрану глазами умнаго и просвѣщеннаго наблю-

дапель; свѣдѣнія, имѣ собранныя, весьма любопытны; онѣ напечатаны на Русскомъ языкѣ въ журналѣ: Соревнователь просвѣщенія и благошворенія 1818 года.

Чрезъ сіи случаи Россія поспешенно приобрѣтала основательныя извѣстія о Хивинскомъ Ханствѣ, которыя находясь не только въ рукахъ Правительсва, но и у многихъ частныхъ любителей географическихъ знаній.

Оспасаюсь упомянуть о новѣйшихъ сношеніяхъ. Въ 1818 году Оренбургскій Военный Губернаторъ, Генералъ отъ инфантеріи Ессенъ, посылалъ въ Хиву поручика Сунхангулова; въ 1819 назначался туда, по Высочайшему повелѣнію, одинъ изъ Адъютантовъ сего Генерала; но какъ въ послѣдствіи Государь Императоръ извоилъ ошмѣнить ошправленіе сего офицера, то по другому повелѣнію Его Императорскаго Величества посланъ былъ туда Коллежскій Совѣтникъ Бекчуринъ, который возвратился въ 1820 году и былъ въ Хивѣ въ одно время съ Полковникомъ Муравьевымъ.

Германъ.

Ливны:

25 Ноября,

1822 года.

Политическія замѣчанія о дѣлѣ Грековъ.

(Окончаніе.)

„Опдѣленный такимъ образомъ на-
„родъ Греческій, составляющій главное
„многолюдство, пребылъ бы въ покоѣ
„на будущее время и неспрадалъ бы
„отъ Турковъ, число которыхъ гораздо
„менѣе. Княжество Греческое, учреж-
„денное подобно Молдавскому, Волош-
„скому, Сербскому, и устроенное на
„правилахъ кореннаго Акша при пору-
„чительствѣ могущественнѣйшихъ Ка-
„бинетовъ Европы, не только бы не по-
„колебалось, но утвердило бы Опшман-
„скую Державу: оно доставляло бы ей
„двойной доходъ противъ нынѣшняго,
„получаемаго ею съ земель, управле-
„мыхъ Пашами и обременяемыхъ разо-
„ришельными поборами со стороны дру-
„гихъ низшихъ чиновниковъ; оно изба-
„вилось бы отъ всѣхъ безпокойствъ и
„несчастій, которыхъ обыкновенно бы-
„ваютъ слѣдствіемъ мятежей и междо-
„усобій, производимыхъ непослушными и
„самоуправными начальниками.

„Таково, по нашему мнѣнію, вѣр-
„ное и при томъ весьма справедливое
„средство соединить Грековъ въ одномъ

»политическомъ составѣ союзныхъ дан-
»никовъ Турціи, избавивъ ихъ отъ не-
»стерпимаго, нечеловѣческаго рабства,
»подъ игомъ коего они помятся, и ко-
»шораго шаяжкія цѣпи естественна же-
»лающе они разрушишь.

»Для исполненія сего плана нѣшѣ
»нужды въ усиліяхъ необыкновенныхъ.
»Подобное намѣреніе принадлежало уже
»къ числу предначертанныхъ распоряже-
»ній Султана Мустафы II, кошорой
»безъ сомнѣнія произвелъ бы оный и въ
»дѣйство, если бы смерть непохишила
»его прежде заключеннаго въ 1774 году
»мира. Дѣло весьма возможное и по-
»чти неподверженное сомнѣнію, что
»Порша, при нынѣшнихъ обстоятель-
»ствахъ, ободренная чрезвычайнымъ
»снисхожденіемъ къ ней посредниковъ -
»Министровъ, вздумаетъ, слѣдуя поли-
»тической своей системою, опвергнушь
»подобное предложеніе, по той причинѣ
»именно, что оно сдѣлано было бы отъ
»Державъ чужестранныхъ. Но какое
»нашла бы она средство рѣшительнымъ
»образомъ воспротивившись, еслибъ упо-
»мянутое предложеніе, и политикѣ
»и человѣчеству сообразное, съ общаго
»согласія Державъ было подкрѣплено
»сильнымъ настояніемъ? Не уже ли ду-

„машъ можно, что Порша осмѣлилась бы
 „неподорожитьъ полипическимъ быпіемъ
 „своимъ передъ государствами Европы,
 „будучи сама увѣрена, что они чисто-
 „сердечно дѣйствуютъ для ея же соб-
 „ственной пользы, равно какъ для воз-
 „становленія порядка и спокойствія въ
 „Европѣ? Скажемъ еще разъ: Турокъ
 „спрашенъ тогда единственно, когда
 „видишь, что его боялся, что ему угро-
 „жаютъ; но когда прямо на него напа-
 „даютъ, онъ неумѣетъ сопротивляться;
 „такъ онъ въ войнѣ, такъ и въ по-
 „лишикѣ.“

Представивъ нѣсколько примѣровъ,
 касательно возможности напугать Ди-
 ванъ, примѣровъ, которыми самъ авторъ
 былъ свидѣтелемъ, онъ предлагаетъ свои
 доводы вразсужденіи того, что освобож-
 деніе Греціи не можетъ имѣть ника-
 кихъ вредныхъ слѣдствій для утверж-
 даемыхъ въ Европѣ Монархическихъ
 правилъ.

Н. Н.

С М Ъ С Ъ.

Еще Малороссійскіе анекдоты (*).

1.

Лавринѣ вывезѣ на торгѣ, продаѣ мѣшокъ муки, съ тѣмъ чѣмъ за вырученныя деньги купишь нужное для дома. Остановившись на площади въ городѣ среди множества людей, онъ рѣшился не всѣхъ съ воза, весьма прилѣжно караулилъ свой товаръ, и глазъ съ него

(*) Подобные анекдоты рассказываются самими Малороссіянами въ досужное время и единственно для невинной забавы. Чѣмъ говорится о лицахъ особенно, то никакъ не можешь относиться къ цѣлому народу или къ званію. Есть конечно люди, которые о многомъ судятъ по своимъ собственнымъ догадкамъ и подозрѣніямъ; но за то есть и другіе, умѣющіе цѣнить безвредную занимательность правдоподобнаго, веселаго сказа. Сии послѣдніе, какъ мы думаемъ, были бы оцѣнно довольны, когдабъ случилось имъ найсти гдѣ нибудь въ журналѣ искусно предложенное сказаніе, на примѣръ о козакахъ (задолго передъ симъ) приходившихъ въ Петербургъ жаловаться на политика Кулябку. Рдрѣ.

не спускашь ниже на секунду. Подходишь одинъ служивой, посмаприваетъ на продавца, на мѣшокъ съ мукою, поглаживаетъ его, пошевеливаетъ. Лавринъ бормочетъ про себя: „Одже Москаль не думае купить, а хогє вкрасти.“ Служивой видя, что хозяинъ, уставивши въ него большіе глаза, спокойно впрочемъ позволяетъ осмапривать товаръ свой, поднялъ мѣшокъ, взвалилъ къ себѣ на плечо и удаляется тихимъ шагомъ. Лавринъ между тѣмъ съ лукавою усмѣшкой говоритъ себѣ: „Вражій Москаль думае, що я не бату, якѣ винѣ краде. Батъ взявѣ! а ну, а ну, батъ пишовѣ! одже и вкравѣ! Когда служивой скрывался уже въ толпѣ народа, нашъ Лавринъ привспалъ на шелегѣ и смолрѣлъ въ слѣдъ за проворнымъ служивымъ, пока онъ совсѣмъ не скрылся. Тогда Лавринъ сказалъ въ опраду самъ себѣ: „Уже сказано, що Москаль; уже коли не 'купе, то вкраде. Вжежѣ я и дывывся; такы прыйшовѣ, та такѣ таки и вкравѣ. А ну, сынку! впрягай волюкивѣ, поидмо до доли!“

2.

Стеха, пожелавъ имѣть новый ошенокъ, сказала мужу: — „Чи знаєшь що, Денисє? Повези-лышень завтра на базарѣ

хвастку маслыка, що я за Петриенку
 прыдбала; продай його, та купы мині оги-
 покъ, та ще того треба, то солы, то
 тарани, то ще того знаешь. Та гляды
 пылненько, щобъ Москали не вкрали, якъ
 у нашего кула Лаврина муку. Гляды, тай
 гляды; а то колы вкрадутъ, далеби цсю
 потылицю обиреу тоби. Уже ты знаешь
 мене, що я не збреиу. Впрягай воливъ;
 отъ хвастка, панай. Та глядяжъ! —
 „Небійсь неукрадутъ“ отвѣчаеиъ Денись,
 кладетъ надочку на шелегу и отпра-
 вляется въ городъ. Тамъ опрягъ воловъ,
 купилъ дыню и для безопасности са-
 дится на надочку съ масломъ. Явились
 охотники посмотриѣть, а можеиъ бытъ и
 купишь товаръ Денисовъ; но нашъ Денись
 ни съ мѣста. Кушаетъ свою дыню со
 скарлуною, сокомъ запиваетъ (такъ мно-
 гіе лакомяиъся въ Малороссіи) и на всѣ
 вопросы, чюдъ у него продается, вяло
 отвѣчаеиъ:— „Масло!“ — Покази! — „Отъ
 такъ! щобъ цкрали? Напередъ купы, то
 тогди и встану.“ Разумѣется, что по-
 купщики оставили его; но другіе провор-
 ные хитрецы всячески увивались около
 Дениса. Тщешно! продавецъ нашъ си-
 дитъ на кадкѣ и бодривуетъ.

Наконецъ, уже почти къ вечеру,
 подошелъ къ нему одинъ служивой; всма-

привається и восклицаетъ : Здорово ,
приятель !

Денисѣ. Здравѣ.

Служивой. Узналъ ты меня ?

Денисѣ. Ни.

Служивой. Какъ не узналъ ! Да я у
васъ въ прошломъ годѣ въ деревнѣ съ
командою стоялъ.

Денисѣ. Де ? щобъ то у насъ у Ку-
ликивци ?

Служивой. Такъ , тамъ , приятель !
у васъ у Куликовни стоялъ.

Денисѣ. Та брешешь , Москалю ! У
насъ зъ роду постою небуло ; а то коли
хочь пшмышы , такъ то у Тернивци
стояли была нашої слободы недалеко.

Служивой. Тфу пропасть , я все оши-
баюсь ! такъ точно ! Я у тебя часто
въ гостяхъ бывалъ и лавренички ѣдалъ.

Денисѣ. Можей такъ . Ходывъ одинъ
Москаль ; такъ той сильно бувъ молод-
шій , шай дуже молодшій.

Служивой. Ехъ братъ ! кого служба
молодить ? — А братъ швой дома ? здоровъ ?

Денисѣ. Себѣ - то Серіога ? Здравѣ.

Служивой. Такъ онъ , онъ ! Жаль мнѣ
его ! — охъ !

Денисѣ. А щю тамъ шаке ?

Служивой. Наборъ братъ есть . Меня
капитанъ послалъ съ мѣрою вездѣ на-
бирашъ ; а Серіога выдешъ въ мѣру .

Денисѣ. Та вже Серіога и старый. Служивой. Такѣ чтожѣ? Спарички-то шеперь и понадобились!

Денисѣ. Та винѣ горбашый и малый: ище ныжче мене.

Служивой. Какое нище! вошѣ мѣра, какѣ разѣ выдешѣ, хопѣ и ниже себя. Вошѣ смѣрай.

Служивой приставилѣ кѣ нему на шелегу мѣру; Денисѣ поднялся, примѣриваешся, высягиваешся, сѣ удовольствіемѣ замѣчаешѣ, что и онѣ ниже мѣры; служивой удивляешся, что почишалѣ Серіогу роднымѣ вѣ рекрушы, и уходилѣ. Денисѣ, проводивѣ его глазами, хопѣлѣ было сѣсть по прежнему; но кадки сѣ масломѣ нестало! Сгорченый продавецѣ запрягѣ воловѣ своихѣ и поѣхалѣ домой.

Стеха вѣспрѣшила мужа вопросами: А що? ти купывѣ огипокѣ? огипокѣ купывѣ? Денисѣ отѣ горести и стыда безмолвствуетѣ. Наконецѣ жена спросила: Мабутьѣ, забувѣ?

Денисѣ. Ни.

Стеха. Ну такѣ загубивѣ?

Денисѣ. Ни.

Стеха. Ну такѣ укралы?

Денисѣ. Кажу тобі, що ни.

Стеха. Маслычкожѣ де?

Денисѣ. Нема.

Стеха. А що? украли?

Денисѣ. Але! лиха украли. Весь районъ ходили, ша не вкрали; и сѣ пивдня приходили, ша шаки не вкрали; ша вже на силу, на силу кѣ вечеру.

Политическія и другія происшествія.

Португалія.

Король запретишь праздновать день рожденія Бразильскаго Принца — доказательство, что Е. В. неодобряеть поступка своего сына.

— Какъ сочиненіе новой конституціи уже совсѣмъ кончено, то и засѣданіямъ Кортесовъ надлежитъ прекратиться. Въспомо же того для текущихъ дѣлъ открыеться Безсмынная Коммиссія, копорой уже и члены назначены.

Испанія.

Собранію Кортесовъ представлень отъ Министра Внутреннихъ дѣлъ ошчешъ о состояніи Королевства, и предложены средства къ ошвращенію нынѣшнихъ бѣдствій, состоящія въ разныхъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Министръ же военныхъ силъ показаль, что правительство имѣеть всего войска на лицо съ небольшимъ 116 тысячъ. Число вооруженныхъ инсургентовъ по его счету проспираеться до 44,800 человекъ. Войско правительства скоро будетъ приумножено 30,000 рекрутъ.

— Въ одномъ изъ пунктовъ сочиняемаго Кортесами Военнаго устава исчисле-

мы случаи, когда именно военнослужащие могут не исполнять приказаний своих начальников, а именно если заставляя их: 1) оскорбляя священную особу Короля, 2) препятствовать свободному выбору депутатов въ Кортесы, 3) мешать собраниямъ Кортесовъ въ назначенныя конституціею сроки, 4) способствовать отсрочкѣ, или распусценію Кортесовъ или ихъ непремѣнной депутаціи, 5) препятствовать засѣданіямъ и совѣщаніямъ Кортесовъ или непремѣнной депутаціи.

— Въ Мадридѣ привозятъ многихъ знашыхъ чиновниковъ, извѣстныхъ преданностію своею къ особѣ Его В-ва — тѣхъ самыхъ, которые были высланы послѣ неудачнаго покушенія 7 Іюля. Генераль Морилло схваченъ близъ границъ Португалліи, куда хотѣлъ онъ пробраться подъ чужимъ именемъ.

Франція.

Въ силу Папской буллы, обнародованной по Королевскому повелѣнію, во Франціи учреждено имѣетъ быть 14 Архіепископствъ, коимъ подчинены 66 Епископскихъ пресполовъ.

— Преступленіе Бовринга донынѣ остается тайною, несмотря на разные толки и догадки. Онъ содержится въ Булони. Нѣкоторые обвиняютъ его въ нарушеніи государственныхъ законовъ тѣмъ, что онъ способствовалъ перепискѣ государственныхъ измѣнниковъ; другіе ставятъ ему въ преступленіе найденныя у него возмущительныя Французскія военныя пѣсни. Одно лишь дословѣрно, что Полиція безпрестанно

присматривала за его поступками въ Парижѣ. Еще неизвѣстно, когда начнется процессъ, и въ Булони, или въ спольциф оный производиться будетъ.

— Въ большихъ теперь хлопотахъ одинъ изъ главныхъ либераловъ Франціи. Г. Бенжаменъ - Констанъ подпалъ суду за написанныя имъ ругательныя письма къ главному Прокурору Манженю и Сомюрскому Подпрефекту Корреру. Хотя и оспрекался онъ давая отвѣты, защищаясь депутатскимъ своимъ достоинствомъ, однакожь едва ли избѣжитъ достойнаго наказанія.

— Извѣстный образомъ своихъ мыслей и правилами Англійскій Генераль (выброшенный изъ службы) Вильсонъ незадолго передъ симъ вдругъ и неожиданно получилъ отъ Полиціи повелѣніе въ 24 часа выѣхать изъ Парижа. Теперь увѣряетъ онъ своею честію, что ни словами, ни дѣлами не подалъ ни малѣйшей причины къ такому съ нимъ поступку!!

И т а л і я.

Ихъ Величества прибыли въ Верону, Король Сардинскій и Король Неаполитанскій. Е. В. Король Пруссскій оплучался на короткое время въ Венецію для обозрѣнія достопамятностей сего города. Новѣйшія извѣстія гласятъ, что Монархи опмѣнили свое намѣреніе путешествовать по Южной Италіи.

— Неаполь остался подъ управленіемъ наслѣднаго Принца. Ежели, какъ носятъ слухи, Король Неаполитанскій откажется отъ короны; то Герцогъ Калабрскій будетъ имѣть пребываніе въ Неаполь, а Принцъ Салерискій въ Сициліи въ качествѣ

Вице-Короля. Прибавляюшъ, что Король, сложивъ съ себя корону, оспанелся жить въ Австрійскихъ владѣнiяхъ.

Т у р ц и я.

Турецкій флотъ, пѣснимый Греческою эскадрою, пришелъ 13го Сентября въ заливъ Напольскій; прорвавши въ послѣднiе дни Сентября линiю Греческихъ судовъ, онъ направилъ путь свой къ Кандiи или въ Дарданеллы. При выходѣ изъ залива Турки лишились двухъ фрегатшвъ и трехъ бриггшвъ. О семъ пишушъ согласно во всѣхъ извѣстiяхъ.

— Въ новѣйшихъ письмахъ изъ Тріеста, отъ 26го Оклября, подтверждается офиціальными извѣстiями Греческаго Адмиралтейства изъ Идры отъ 4го числа; что Греческая эскадра одержала побѣду надъ Турецкимъ флотомъ, покушавшимся провезти въ Наполи ди Романiю съѣстные припасы. И такъ Турки совершили и четвертый свой походъ противъ Морей не только безъ всякаго успѣха, но и съ немалымъ для себя урономъ.

— Куршидъ Паша, возвращаясь изъ Морей, собралъ было нѣсколько тысячъ чловѣкъ; но при рѣкѣ Сперхiи претерпѣлъ нвое поражение, и возвратился опять въ Лариссу, гдѣ соединился съ резервомъ своимъ, изъ 5,000 чловѣкъ состоящимъ. За неудачу свою противъ Грековъ въ Морей отпустилъ онъ премъ Архіепископамъ и многимъ Греческимъ Священникамъ, приѣхавшимъ, по его пребованiю, изъ сѣверной части Епира и Фессалии. Они всѣ умерли мученическою смершю, хотя не было нмалѣйшаго подозрѣнiя въ ихъ вѣрности.

Враткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Физическія науки и въ особенности Химія поперпѣли великую упряму въ особѣ знаменитаго Бертолле, умершаго въ Парижѣ 6 числа Ноября мѣсяца. До революціи былъ онъ Докторомъ Медицины и уже отличался глубокими знаніями своими по части Химіи. Въ 1795 году онъ принятъ въ Члены Инспитута и потомъ слѣдовалъ за Буонапартомъ въ Египетъ. Въ 1814 году подавалъ голосъ о низложеніи пирана, и былъ пожалованъ въ Перы Франціи. Къ числу многихъ подвиговъ сего славнаго химика относилъ должно и предложенное имъ средство [сохранять] свѣжую воду на морѣ въ обожженныхъ внутри бочкахъ, особенно же усовершенствованное имъ бѣленіе веществъ изъ расписельнаго царства. Сей ученый мужъ написалъ *Опытъ Химической Статики*, множество чрезвычайно важныхъ диссертацій которыя напечатаны въ Трудахъ Членовъ Французскаго Инспитута, и проч. Онъ скончался на 67 году своей жизни.

— Извѣстный Траппистъ, гроза и непримиримый врагъ Испанскихъ либераловъ, не пропускаетъ ни одного случая показать свою храбрость. Вотъ исторія сего необык-

невеннаго Генерала: „Во время послѣдней войны въ Испаніи онъ былъ капитаномъ Гверильясовъ. По заключеніи мира, онъ посвятилъ себя строгой набожности, явился съ убѣдительною прозбою къ Аббату одного монастыря Траппистовъ, и былъ принятъ въ число монашествующей брашii. Насильственная перемѣна въ правилельствѣ, нынѣ раздирающая Испанію, воспламенила патріотическую ревность въ опшельникѣ, и онъ испросилъ себѣ дозволеніе снова подвижаться на ратномъ полѣ. Теперь одѣвается онъ сообразно правиламъ своего ордена и повворяетъ одно только: „Богу такъ угодно!“ Съ кнутомъ въ одной рукѣ, съ саблею въ другой ѣдучи на конѣ передъ строемъ своей дружины, кричитъ онъ къ неприятелямъ: „Я братъ Антоніо; ничего не боюсь; Богу такъ угодно.“ При овладѣніи Ургелемъ, гдѣ находился теперь временное правилельство роялистовъ, въ брата Антоніо попало болѣе двадцати пуль ружейныхъ, и ни одна его не поранила! Ему сдѣлали въ претпій уже разъ новое плащье; оба первыя, пробитыя пулями, въ лоскушки изорваны войнами вѣры (армія роялистовъ называется *войскоми вѣры*), которые полагаютъ, что и они пребудутъ неуязвляемы, доколь жосятъ при себѣ лоскушки отъ одежды бра-

та Антоніо. Всякой видишь, какихъ благо-
приятныхъ слѣдствій ожидать должно отъ
подвиговъ такого предводителя. Ургельская
Юнга и неупустила воспользоваться симъ
важнымъ обстоятельствомъ. По ея прозь-
бѣ Аббатъ Трапписовъ, удалившійся въ
Тулузу, далъ полную власть Маркизу
Маша-Флоридъ, первому министру, рас-
полагать поступками брата Антоніо,
и воинственный монахъ въ личности ис-
полняетъ приказанія Маркиза. Впрочемъ
Антоніо столько же храбръ, какъ и велико-
душень. Одинъ безрубашиный выспрѣлилъ
въ него вблизи, и далъ промахъ; Антоніо
повергъ врага на землю, обезоружилъ; даро-
валъ ему жизнь, свободу и запретилъ сол-
датамъ своимъ преслѣдовать побѣжденнаго.

— Печальный обрядъ погребенія надъ
гробомъ Кановы совершенъ былъ въ Венеціи
мошнымъ Папріархомъ со всею торже-
ственностію, какую заслужилъ покойный
бессмертными своими трудами. Гробныя
остатки его должны быть преданы земле
въ деревнѣ Пассаньо, близъ Треviso, въ
мѣстѣ рожденія сего великаго художника.

О б ъ я в л е н і я (*).

1.

Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, издаваемый Комитетомъ его по ценой части, будетъ продолжаемъ и въ теченіи слѣдующаго 1823 года

Въ составѣ онаго входятъ слѣдующія статьи:

1. Распоряженія и опчешы Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

2. Извѣстія о благотворительныхъ заведеніяхъ опчешственныхъ и иноземныхъ, съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.

3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой-либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества относящійся; описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спасенія людей, для употребленія въ домахъ трудолюбія и для занятія бѣдныхъ, считающихся неспособными къ работѣ.

4. Жизнеописанія благотворителей человѣчества, оставившихъ по себѣ память ка-

(*) Редакторъ имѣетъ честь извѣстить своихъ читателей, что объявленія о Журналахъ или книгахъ, сколько нибудь пространныя, неходящія въ число страницъ, обѣщанное подписавшимся на Вѣстникъ Европы. Онѣ помѣщаются по особымъ препоругеніямъ отъ мѣстъ и лицъ, копорыми издаются упомянутые журналы и книги. Наполнятъ объявленіями сего рода внутренность Вѣстника значило бы употреблять во зло довѣренность многочисленной публики сего Журнала.

кимъ-либо полезнымъ заведеніемъ или открытіемъ.

5. Нравственные наставленія и разсужденія.

6. Извѣщенія о пожертвованіяхъ въ пользу человеколюбивыхъ заведеній, имена благотворителей и особъ, подписавшихся на получение сего изданія

Комитетъ, продолжая выписывать иносстранные періодическія сочиненія, поспрается, извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналь сей сколь возможно занимательнымъ.

Также Комитетъ проситъ какъ Гг. Членовъ своихъ Корреспондентовъ, такъ и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человечества участвовать въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ таковыя статьи будутъ приняты съ благодарностію и, по мѣрѣ соотвѣствія предположенной цѣли, помѣщаются въ семь изданій.

Каждый мѣсяць выходитъ одна книжка; при таковыхъ книжки составляютъ Часть.

Цѣна сему Журналу за годовое изданіе въ С. Петербургъ 25 руб., а съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи 30 руб., за полугодное же какъ здѣсь, такъ и съ доставленіемъ во всѣ Россійскіе города 15 рублей. Но какъ доходъ отъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ; по благотворительнымъ особамъ предоставляется вносить и болѣе означенной суммы.

Подписка въ С. Петербургъ принимается въ упомянутомъ Комитетѣ, состоящемъ до 1 го Января 1825 года въ Малой Морской въ домъ Аспегрена No 102, а съ 1 го Января будущаго года имѣющимъ на-

ходишься въ домѣ вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на Лишней, также у книгопродавцевъ: Сень - Флорана, Сленина, Свѣчникова и Глазунова, какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Иногородныя особы благоволятъ опшоситься или прямо въ помянутый Комисетъ по означенному адресу, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Въ томъ же Комисетѣ можно получать вышеупомянутый Журналъ за прошлые годы, начиная съ 1818, за означенную цѣну.

2.

Увѣдомленіе о Дѣтскомъ чтеніи на 1823й годѣ.

Желая по возможности моей хотя чѣмъ-нибудь содѣйствовать къ пользѣ воспитанія, я и на 1823й годъ буду продолжать мое Новое Дѣтское чтеніе, въ двухъ слѣдующихъ отдѣленіяхъ:

Отдѣленіе первое. Новое Дѣтское чтеніе, въ шести Часяхъ.

Часть первая. Нравоучительныя повѣствованія въ прозѣ и стихахъ изъ книгъ Священнаго Писанія и изъ духовныхъ книгъ. При сей книжкѣ будетъ пять карпинокъ: на одной изъ оныхъ изображенъ Андрей Первозванный, водружающій крестъ на горахъ Кіевскихъ.

Часть вторая. Сельская и городская прогулка отца семейства. При сей Часи будутъ двадцать шесть карпинокъ, представляющихъ различныя ремесла, художества и искусства.

Часть третія. Примѣрный сынъ и воинъ, испинная повѣсть, съ шремя карпинками.

Часть четвертая. Добродѣтели женщинъ. При ней будущъ челпыре карпинки: 1 я представляеть юную Кантемиру, спасающую отца своего изъ Бассорской пемницы; 2 я изображаеть Анпигону, ведущую престарѣлаго своего отца, лишеннаго зрѣнія; 3 я представляеть Напалью Борисовну Долгорукую въ шо мгновение, когда, накатунъ отреченія своего отъ міра, повергаеть обручальный перстень въ волны Днѣпра; 4 я изображаеть злополучную супругу Короля Людовика XVI, во время заключенія ея въ пемницѣ, гдѣ принуждена она была общпвенными руками зашиватъ свою одежду.

Часть пятая. Новыя нравоучительныя повѣсти Гжи. Жанлисъ, съ пятью карпинками.

Часть шестая. Разговоры матери семейства о различныхъ нравственныхъ и историческихъ предметахъ, съ пятью карпинками.

Отдѣленіе второе. Новый Плутархъ въ пользу воспитанія. Въ семь 1822мъ году издалъ я однѣ только шестьдесятъ жизней знаменимыхъ Мужей, описанныхъ самимъ Плутархомъ; на слѣдующій годъ предполагаю издать шестьдесятъ жизней знаменимыхъ Мужей, въ которыхъ постараюсь повѣствовать по предначертанію Греческаго Историка. Плутархъ предлагаль о великихъ Мужахъ не по порядку хронологическому или лѣтоисчислительному, но по соображе-

нію свойснвъ сихъ мужей, изъ чего и выводипъ свои нравспвенныя заключенія. Слѣдую его правилу, я намѣренъ по шакому же соображенію предлагать жизни Великихъ Государей, Полководцевъ; гражданскихъ Чиновниковъ и Писателей, прославившихся въ нашемъ Отечествѣ и въ другихъ справахъ свѣща.

При шести Частяхъ Новаго Плутарха будупъ слѣдующія картинки: 1) Призваніе Рурика на Княженіе въ Россію; 2) Явленіе знаменія креста Константину Великому; 3) Христіянское милосердіе Князя Владиміра; 4) Неспоръ, бесѣдующій съ Княземъ Василькою въ пемницѣ; 5) Петръ Великій, спасающій въ бурную осеннюю ночь бошъ, погибавшій на взморьѣ; 6) Портретъ Ломоносова; 7) Державинъ, пишущій Оду Богъ въ хижинѣ; 8) Гомеръ, лишенный зрѣнія и ведомый юношею на морской берегъ.

И при семь случаѣ долгомъ поставляю сказать, что я стараюсь, чтобы картинки и портреты были какъ можно лучше отработаны. Картинками, изображающими Андрея Первозваннаго, милосердіе Князя Владиміра, Неспора, Петра Великаго и Державина, обязанъ я Н. В. Лангеру; картинками, изображающими злополучную Королеву Марію Антуанетту и Напалію Борисовну Долгорукую, обязанъ я Г. И. Галлеру. Не нужно мнѣ упоминать, что сіи почтенные любители искусствъ отличаются превосходнымъ дарованіемъ; но мнѣ приапно сказать, что они съ дарованіями своими соединяють снисходительность и гошов-

ность содѣйствовать къ тому, что опно-
сится къ пользѣ воспитанія.

Подписная цѣна на оба сіи отдѣленія,
состоящія въ двѣнадцати Часпяхъ, съ пе-
ресылкою *сорокъ*, въ Москвѣ *тридцать*
пять рублей. Тѣ же изъ особъ, которыя
пожелаютъ выписывать которое нибудь
изъ двухъ отдѣленій, препровождаютъ по
двадцати рублей.

Подписка принимается въ Газетной
Експедиціи Московскаго Почтамта.

Счастливымъ себя почту, если за
многолѣпные и неусыпные мои шруды, посвя-
щенные воспитанію, буду награжденъ благо-
склонною подпискою соопечесвенниковъ.

Издатель Дѣтскаго Чтенія Сергей
Глинка.

3.

Отечественныя Записки будутъ продол-
жаться и въ слѣдующемъ 1823 году на
прежнемъ основаніи, съ прежнею цѣлю, съ
одинаковою исправностію и на прежнихъ
условіяхъ, *ш. е.* въ составъ сего Журнала
входитъ будетъ одно только то, что ка-
сается до распространенія почныхъ поня-
тій о Россіи; предметомъ его — извлекать
изъ неизвѣстности и забвенія свѣдѣнія о на-
стоящемъ и бывшемъ положеніи нашего
Опечесства, о наснорящихъ и бывшихъ под-
вигахъ героизма, великодушія и *ш. п.* на-
шихъ соопечесвенниковъ всѣхъ сословій и
состояній. — Цѣна по старому: въ С. Пе-
тербургѣ 25 руб., а съ приноскою на домъ
и пересылкою въ другіе города Россійской
Имперіи — 30 руб. ассигн.

Прибавимъ еще, что Издапель, какъ и прежде, постарается соспавлять *Отегественныя Записки* сколь можно занимашельными для любипшелей всего опечесшвеннаго: онъ обладаетъ многими драгоцѣнными рукописями, доселѣ нигдѣ ненапечатанными; многіе почтенные Писатели (въ томъ числѣ военные) общали украшашъ Журналь его своими трудами, и онъ имѣетъ по всей Россіи исправныхъ корреспондентовъ, кои не упусшашъ сообщашъ ему все, что ни случипся замѣчашельнаго. Каждая Частъ будетъ по прежнему украшена рисункомъ, искусно выгравированнымъ.

Не не прияпно, полагаю, такъже будетъ для Читашелей *Отегественныхъ Записокъ* узнать, что многія спашьи изъ оныхъ, особенно же *современныя Лѣтописи*, переводятся въ періодическихъ иностраннхъ изданіяхъ, какъ то: Журналь — *Der Gesellschafter oder Blaetter für Geist und Herz*, издаваемомъ въ Берлинѣ Профессоромъ Губицемъ — въ Дрезденской газетѣ: *Abendzeitung* — Петербургскомъ еженедѣльномъ Журналь: *Zeitschrift*, и проч., а изъ сего усмошрашъ они, конечно съ удовольствіемъ, что выполняется уже одно изъ главной цѣли нашего изданія — заспавить иностранцевъ почерпашъ свѣдѣнія о Россіи изъ вѣрныхъ испочниковъ.

Пав. Свиньинъ.

4.

Въ книжныхъ магазинахъ Плавильщикова, Сленина и Глазунова въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ у Коммиссіонера А. С. Ширяева принимается подписка на вновь вышедшую книгу: Лондонскій пусшынникъ,

или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX столѣтія, переводъ съ Французскаго С. де Шаплеа, двѣ Часты, съ искусно гравированными карпинками. С. П. Б. 1822 г. въ типографіи Н. Греча, до 700 страницъ. Цѣна за обѣ Часты на лучшей бумагѣ въ цвѣтной оберткѣ двѣнадцать рублей. При подпискѣ I я Часть выдается, а II я уже печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Гг. иногородные благоволяющъ прилагать на пересылку за чепыре фунта.

5.

Новой переводъ книги: Жилблазъ де Саншиллана, сочиненіе Лесажа, въ восьми Частяхъ, съ портретомъ Автора и съ гравированными карпинками при каждой Часты, получать можно въ С. Петербургѣ у Переводчика, *Аполлона Александровита Никольскаго*, живущаго Лицейной Часты 4 квартала, въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ Но 417, и у Издателя Журнала: *Благонаимѣренный, Александра Ефимовита Измайлова*, живущаго на Пескахъ, противъ Бассейна, въ домѣ Моденова подъ Но 283. — Цѣна за всѣ 8 Частей въ С. Петербургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 рублей

О б ъ я в л е н і я (*).

1.

Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, издаваемый Комитетомъ его по ценой части, будетъ продолжаемъ и въ теченіи слѣдующаго 1823 года

Въ составъ онаго входятъ слѣдующія статьи:

1. Распоряженія и опчелы Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

2. Извѣстія о благотворительныхъ заведеніяхъ опчественныхъ и иноземныхъ, съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.

3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой-либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества относящійся; описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спасенія людей, для употребленія въ домахъ трудолюбія и для занятія бѣдныхъ, почитающихся неспособными къ работѣ.

4. Жизнеописанія благотворителей человѣчества, оставившихъ по себѣ память ка-

(*) Редакторъ имѣетъ честь извѣститъ своихъ читателей, что объявленія о Журналахъ или книгахъ, сколько нибудь пространныя, неходятъ въ число страницъ, обещанное подписавшимся на Вѣстникъ Европы. Онѣ помѣщаются по особымъ препоругеніямъ опъ мѣстъ и лицъ, копорыми издаются упомянутые журналы и книги. Наполняя объявленіями сего рода внутренность Вѣстника значило бы употреблять во зло довѣренность многочисленной публики сего Журнала.

кимъ-либо полезнымъ заведеніемъ или опкрытіемъ.

5. Нравственныя наставленія и разсужденія.

6. Извѣщенія о пожертвованіяхъ въ пользу человеколюбивыхъ заведеній, имена благотворителей и особъ, подписавшихся на полученіе сего изданія

Комитетъ, продолжая выписывать иносстранныя періодическія сочиненія, поспарается, извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналь сей сколь возможно занимательнымъ.

Также Комитетъ просилъ какъ Гг. Членовъ своихъ Корреспондентовъ, такъ и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человечества участвовать въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ такковыя статьи будутъ приняты съ благодарностію и, по мѣрѣ соотвѣствія предположенной цѣли, помѣщаются въ семь изданій.

Каждый мѣсяць выходитъ одна книжка; при таковыхъ книжки составляютъ Часть.

Цѣна сему Журналу за годовое изданіе въ С. Петербургѣ 25 руб., а съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи 30 руб., за полугодовое же какъ здѣсь, такъ и съ доставленіемъ во всѣ Россійскіе города 15 рублей. Но какъ доходъ отъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ; по благотворительнымъ особамъ предоставляется вносить и болѣе означенной суммы.

Подписка въ С. Петербургѣ принимается въ помянутомъ Комитетѣ, состоящемъ до 1 го Января 1825 года въ Малой Морской, въ домъ Аспегрена No 102, а съ 1 го Января будущаго года имѣющимъ на-

ходишься въ домѣ вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на Липовой, также у книгопродавцевъ: Сень - Флорана, Сленина, Свѣчникова и Глазунова, какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Иногородныя особы благоволять опшосишься или прямо въ помянутый Комитетъ по означенному адресу, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Въ томъ же Комитетѣ можно получать вышеупомянутый Журналъ за прошлые годы, начиная съ 1818, за означенную цѣну.

2.

Увѣдомленіе о Дѣтскомъ чтеніи на 1823й годѣ.

Желая по возможности моей хоща чѣмъ-нибудь содѣйствовать къ пользѣ воспитанія, я и на 1823й годѣ буду продолжая мое Новое Дѣтское чтеніе, въ двухъ слѣдующихъ отдѣленіяхъ:

Отдѣленіе первое. Новое Дѣтское чтеніе, въ шести Частяхъ.

Часть первая. Нравоучительныя повѣствованія въ прозѣ и стихахъ изъ книгъ Священнаго Писанія и изъ духовныхъ книгъ. При сей книжкѣ будетъ пять картинокъ: на одной изъ оныхъ изображенъ Андрей Первозванный, водружающій крестъ на горахъ Кіевскихъ.

Часть вторая. Сельская и городская прогулка отца семейства. При сей Части будетъ двадцать шесть картинокъ, представляющихъ различныя ремесла, художества и искусства.

Часть третія. Примѣрный сынъ и воинъ, истинная повѣсть, съ шрема карпинками.

Часть четвертая. Добродѣтели женщинъ. При ней будущъ чепыре карпинки: 1 я представляесть юную Кантемиру, спасающую отца своего изъ Бассорской темницы; 2 я изображаесть Анпигону, ведущую преспарѣлаго своего отца, лишеннаго зрѣнія; 3 я представляесть Наталью Борисовну Долгорукую въ то мгновеніе, когда, нахнуиъ отреченія своего отъ міра, повергаесть обручальный перстенъ въ волны Днѣпра; 4 я изображаесть злополучную супругу Короля Людовика XVI, во время заключенія ея въ темницѣ, гдѣ принуждена она была собственными руками зашиваеъ свою одежду.

Часть пятая. Новыя нравоучительныя повѣсти Гжи. Жаняись, съ пятью карпинками.

Часть шестая. Разговоры матери семейства о различныхъ нравственныхъ и историческихъ предметахъ, съ пятью карпинками.

Отдѣленіе второе. Новый Плутархъ въ пользу воспитанія. Въ семъ 1822мъ году издалъ я однѣ только шестьдесятъ жизней знаменимыхъ Мужей, описанныхъ самимъ Плутархомъ; на слѣдующій годъ предполагаю издаеъ шестьдесятъ жизней знаменимыхъ Мужей, въ которыхъ постараюсь повѣствовать по предначерпанію Греческаго Историка. Плутархъ предлагаль о великихъ Мужахъ не по порядку хронологическому или лѣпоисчислительному, но по соображе-

нію свойствъ сихъ мужей, изъ чего и выводить свои нравственныя заключенія. Слѣдуя его правилу, я намѣренъ по такому же соображенію предлагать жизни Великихъ Государей, Полководцевъ, гражданскихъ Чиновниковъ и Писателей, прославившихся въ нашемъ Отечествѣ и въ другихъ странахъ свѣта.

При шести Частяхъ Новаго Плутарха будушь слѣдующія картинки: 1) Призваніе Рурика на Княженіе въ Россію; 2) Явленіе знаменія креста Константину Великому; 3) Христіанское милосердіе Князя Владиміра; 4) Несторъ, бесѣдующій съ Княземъ Василькою въ темницѣ; 5) Петръ Великій, спасающій въ бурную осеннюю ночь боть, погибавшій на взморьѣ; 6) Портретъ Ломоносова; 7) Державинъ, пишущій Оду Богъ въ хижинѣ; 8) Гомеръ, лишенный зрѣнія и ведомый юношею на морской берегъ.

И при семь случаѣхъ долгомъ поставляю сказать, что я стараюсь, чтобы картинки и портреты были какъ можно лучше справочаны. Картинками, изображающими Андрея Первозваннаго, милосердіе Князя Владиміра, Нестора, Петра Великаго и Державина, обязанъ я Н. В. Лангеру; картинками, изображающими злополучную Королеву Марію Антуанетту и Напалію Борисовну Долгорукую, обязанъ я Г. И. Галлеру. Не нужно мнѣ упоминать, что сіи почтенные любители искусствъ отличаются превосходнымъ дарованіемъ; но мнѣ приятно сказать, что они съ дарованіями своими соединяють снисходительность и готов-

ность содѣйствовать къ тому, что ошносился къ пользѣ воспитанія.

Подписная цѣна на оба сіи отдѣленія, состояція въ двѣнадцати Часяхъ, съ пересылкою сорокъ, въ Москвѣ тридцать пять рублей. Тѣ же изъ особъ, которыя пожелають выписывать которое нибудь изъ двухъ отдѣленій, препровождаютъ по двадцати рублей.

Подписка принимается въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

Счастливымъ себя почту, если за многолѣтніе и неусыпные мои шруды, посвященные воспитанію, буду награжденъ благосклонною подпискою соотечественниковъ.

Издатель Дѣтскаго Чтенія Сергей
Глинка.

3.

Отечественныя Записки будутъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1823 году на прежнемъ основаніи, съ прежнею цѣлю, съ одинаковою исправностію и на прежнихъ условіяхъ, т. е. въ составъ сего Журнала входить будетъ одно только то, что касается до распросираненія точныхъ понятій о Россіи; предметомъ его — извлекать изъ неизвѣстности и забвенія свѣдѣнія о настоящемъ и бывшемъ положеніи нашего Отечества, о наснующихъ и бывшихъ подвигахъ героизма, великодушія и т. п. нашихъ соотечественниковъ всѣхъ сословій и состояній. — Цѣна по старому: въ С. Петербургѣ 25 руб., а съ приноскою на домъ и пересылкою въ другіе города Россійской Имперіи — 30 руб. ассигн.

Прибавимъ еще, что Издапель, какъ и прежде, постарается соспавлять *Отечественныя Записки* сколь можно занимательными для любительей всего отечественнаго: онъ обладаетъ многими драгоценными рукописями, доселѣ нигдѣ ненапечатанными; многіе почтенные Писатели (въ томъ числѣ военные) общали украшать Журналъ его своими трудами, и онъ имѣетъ по всей Россіи исправныхъ корреспондентовъ, кои не упускаютъ сообщать ему все, что ни случится замѣчательнаго. Каждая Часль будетъ по прежнему украшена рисункомъ, искусно выгравированнымъ.

Не не приято, полагаю, также будетъ для Читателей *Отечественныхъ Записокъ* узнать, что многія статьи изъ оныхъ, особенно же *современныя Лѣтописи*, переводятся въ періодическихъ иностранныхъ изданіяхъ, какъ то: Журналъ — *Der Gesellschafter oder Blätter für Geist und Herz*, издаваемомъ въ Берлинѣ Профессоромъ Губицемъ — въ Дрезденской газетѣ: *Abendzeitung* — Петербургскомъ еженедѣльномъ Журналѣ: *Zeitschrift*, и проч., а изъ сего усмотрятъ они, конечно съ удовольствіемъ, что выполняется уже одно изъ главной цѣли нашего изданія — заставивъ иностранцевъ почерпнуть свѣдѣнія о Россіи изъ вѣрныхъ источниковъ.

Пав. Свиньинъ.

4.

Въ книжныхъ магазинахъ Плавильщикова, Сленина и Глазунова въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ у Коммиссіонера А. С. Ширева принимается подписка на вновь вышедшую книгу: Лондонскій пустынный,

или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX столѣтія, переводъ съ Французскаго С. де Шапплеа, двѣ Часпи, съ искусно гравированными карпинками. С. П. Б. 1822 г. въ типографіи Н. Греча, до 700 страницъ. Цѣна за обѣ Часпи на лучшей бумагѣ въ цвѣтной оберпкѣ двѣнадцать рублей. При подпискѣ I я Часпъ выдается, а II я уже печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Гг. иногородные благоволятъ прилагать на пересылку за чешыре фунта.

5.

Новой переводъ книги: Жилблазъ де Сан-миллана, сочиненіе Лесажа, въ восьми Часпяхъ, съ портретомъ Авшора и съ гравированными карпинками при каждой Часпи, получать можно въ С. Петербургѣ у Переводчика, *Аполлона Александровита Никольскаго*, живущаго Липейной Часпи 4 квартала, въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ Но 417, и у Издателя Журнала: *Благонамѣренный, Александра Ефиловита Измайлова*, живущаго на Пескахъ, противъ Бассейна, въ домѣ *Моденова* подъ Но 285. — Цѣна за всѣ 8 Часпей въ С. Петербургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 рублей

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 23.

ДЕКАБРЬ 1822.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ В. И. Г. . . ну.

Украинскій опшельникъ,
Повѣса изъ повѣсь;
Въ кругу друзей смиренникъ,
Въ любви головорѣзь!
Вошше въ спрунъ волшебной
Ты звуки пробудиль
И дружбою цѣлебной
Мнѣ сердце освѣжилъ.
Вошше! . . . Кто видѣлъ младость
Печальнымъ тяжкимъ сномъ;
Кто зналъ по *Слуху* радость,
А съ счаспьемъ незнакомъ;
Тому ль внимаешь бряцанье
Любовью полныхъ спрунъ?
Чтѣ горлицъ воркованье,
Когда гремишь перунъ? . . .

Какъ часто, въ свѣшѣ новомъ,
Подъ ризою небесь,
No 23. М

Весь въ заревѣ багровомъ,
Горишь угрюмый лѣсъ
И никого не грѣеши
Въ безжизненной спранѣ, —
Такъ сердце пламенѣеши
Пустынное во мнѣ.
Ни съ чѣмъ привѣснымъ взоромъ
Мой взоръ не говорилъ;
Нѣтъ сердца мнѣ, въ которомъ
Я чувствобъ пробудилъ;
Кому въездъ понятна
Вся жизнь моя была,
И горестъ — непріятна,
И радость — весела,
Которое пылало
Взаимностыю съ моимъ,
Его біенія знало
И билось дружно съ нимъ;
Ни разу гласъ спыдливой
Люблю мнѣ не сказалъ!

О, если бы признанье
Я милой слышать могъ
И пылкое лобзанье
Мнѣ было въ томъ залогъ! —
Всѣ скорби, всѣ несчастья
Исчезли бы для меня!

И въ снѣпи започенной
Дышалъ бы ей одной;
И на краю вселенной,
Былабъ она со мной;
И даже за могилой
Я жилъ бы чувствомъ симъ,
Что въ міръ *прежней* милой,
Какъ *прежде*, я любимъ.
И можно ль клясть судьбину
Тому въ подземной мглѣ,
Кто сердца половину
Оставилъ на землѣ? . .

Иной, съ полною рядомъ,
За славою лепишь;
Однимъ вельможи взглядомъ
Онъ живъ, или убишь;
Вся жизнь его — работа,
Цѣль — почестъ, средство — лестъ;
Онъ мнишь, что позолота
Даетъ прямую честъ;
Онъ въспру повѣряетъ
Надежды всѣ свои,
И часто забываетъ,
Что въ златъ — грязь бываетъ,
И золото — въ грязи.
Пойду ль его тропою,
Искашель ложныхъ благъ,

Чтобъ совѣспи цѣною
Платить за каждый шагъ ?
Пойду ль въ переднихъ шѣсныхъ
Оковъ себѣ искашь ?
И блескъ честей безчестныхъ
Поклономъ покупаешь ?
Нѣтъ , нѣтъ ! кто льспишь вельможѣ ,
Тотъ пребудетъ цѣпей ;
А мнѣ всѣхъ благъ дороже
Миръ совѣспи моей.

Въ дни юности кипящей ,
Въ тѣ дни , какъ въ первый разъ
Въ душѣ проснешся спящей
Надеждъ , желаній гласъ ,
Умъ жаждетъ новыхъ знаній ,
А сердце новыхъ чувствъ , —
Въ тѣ дни носилъ я дани
На жертвенникъ искусствъ .
Я мнилъ , что вдохновенье
И Музъ священный жаръ
Для сердца наслажденье ,
Безсмертныхъ лучшій даръ ;
Я мыслилъ ... но мечтами
Кто жизни не злалъ ?
Кто горькими слезами
Мечты не окропилъ ? ..
И я , прельщенъ мечтою ,
За славою летѣлъ

И съ испиной свяшою
Любовь и дружбу пѣлъ.
Не лавръ былъ цѣль спараній,
Трудовъ души моей;
Я ждалъ рукоплесканій
Отъ милой и друзей.
Я пѣлъ сердечны муки,
Въ нихъ сладость обрѣпалъ,
И скромной лиры звуки
Призраку посвящалъ;
Но дружба ихъ съ холодной
Улыбкой приняла,
А гласъ души свободной
Любовь не поняла.
Скорбь рано помрачила
Дней юныхъ свѣтлый пиръ
И опытность разбила
Души моей кумиръ.
Добыча брани грубой
Рыщипельныхъ умовъ
И глупости сугубой
Невѣждъ и мудрецовъ,
Не стану я забавы
Въ бесѣдѣ Музъ искашь
И призракъ поздней славы
На прахъ мой призываешь;
Не будешь прудъ безплодной
Счищать моихъ часовъ:
Безсмертѣя лучъ холодной

Не грѣшь мертвецовъ!..
Въ душѣ моей смятенной
Желанія одни:
Я не хочу вселенной,
Хочу одной любви!..

— — — — —

П. вѣ.

~~~~~

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

~~~~~

О имени козакъ.

Можно смѣло сказать, что на имя козакъ мы не имѣемъ еще точнаго изъясненія. Производили сіе слово отъ какого-то древняго Славянскаго вождя Козака (1); искали корня его въ именахъ Кипчаковъ (2), Хазаръ (3), и въ названіяхъ Днѣпровской косы (4), сѣно-косной косы и даже козявки (5); утверждали, что оно означаетъ человека, имѣющаго бришую голову (6), оппавшаго, бѣглеца, разбойника (7); уверяли, что реченіе козакъ есть Гапарское, которое вначалѣ принимаемо было за бродягу, бездомовнаго, служащаго дру-

гимъ изъ плашы, но къ коему послѣ привязанъ смыслъ коннаго легко вооруженнаго воина (8); теперъ же остану-вились на мнѣніи, что козакѣ сохра-няющѣ имя народа, названнаго у Кон-спаншина Багрянороднаго *Касахи*, у на-шего Нестора *Касоги* (9), и основавшись на сказаніи Академика Гильденшtedта, что Осетинцы называютъ *казахами* Кабардинцовъ, признали Касаховъ за одинъ народъ съ Черкесами, и изъ того вывели заключеніе, что имена *черкесъ* и *козакъ* однокламенашельны (10), озна-чая вольницу, наѣзтниковъ, удалъ-цовъ (11).

Намѣренія моего нѣшъ возражать на каждое изъ прежнихъ толкованій слова *козакъ*, изъ коихъ нѣкоторыя дав-но уже забыты; я займусь предпочти-тельно разсмотрѣніемъ новѣйшаго на-оное извѣсненія, и изслѣдую, во пер-выхъ, кто были *Касахи*, во вторыхъ, что значитъ имя *козакъ*.

Часть первая.

О Касахахъ или Касогахъ.

Въ описаніи Кавказа, находимомъ въ сочиненіяхъ Конспаншина Багрянор-однаго, сказано между прочимъ, что »Зихія просширается на 300 миль

отъ устья Укруха (Кубани) до рѣки Никопсы и стоящаго при ней города того же имени, который иначе называется Сапикъ; что отъ р. Никопсы и отъ предѣловъ Зихіи счисляется 300 миль по Абазгіи до города Сомеріополя, и что надъ Зихіею лежитъ область Папагія, выше Папагіи область *Касахія*, еще выше гора Кавказъ, а далѣе область Ала-нія (12).“

Касахія, здѣсь упоминаемая, есть та самая страна, въ которой полагаютъ старинное жилище Черкесъ. Но были ли въ ней Черкесы во времена Багрянороднаго, узнаемъ изъ слѣдующихъ объясненій, сдѣланныхъ мною на извѣстія его о Кавказѣ.

I.

Имена Никопса и Сапика, ощушительнымъ въ произношеніи сходствомъ, указываютъ на р. Шанупсу, которая вливается въ Кубань съ лѣвой стороны въ 40 верстахъ ниже Усть-Лабинской крѣпости (13); а городомъ Никопсомъ, иначе Сапиномъ, называемо было селеніе Лакшчукай, лежащее при той же рѣкѣ, около 20 верствъ выше ея устья (14). Что селеніе Лакшчукай имѣло нѣкогда шепень города, и въ царствованіе Ба-

грянороднаго было кафедральнымъ мѣ-
стомъ Архіепископа Зихіи (10), епо не-
сомнишельно пошому, что и въ Генуез-
ское господство на берегахъ Тавриды,
когда Каполики обратили къ своему
вѣроисповѣданію Зихійскаго Князя Ве-
резахта 1333 года, и учредили въ Зи-
хії двухъ Епископовъ, имѣли одного изъ
нихъ въ Сибѣ, другаго въ Лукунѣ (16).
Сибѣ есть шеперешнее селеніе Субой
при р. Асипсѣ, версахъ въ 20 отъ
того мѣста лѣваго берега Кубани, ко-
торое отстоятъ отъ Екашеринодара
внизъ верстъ на 30 (17); но Лукуну
Италіянцы называли конечно не иное
селеніе, какъ помянутый Лакшчукай.
Далѣе видно: а) что р. Никопса = Ша-
купса протекала по восточнымъ Зихій-
скимъ предѣламъ; б) что городъ Ни-
копсѣ, или Сапикѣ = Лакшчукай от-
стоялъ на 170 верстъ отъ Черномор-
скаго устья Кубани, и на 250 верстъ
отъ города Сомеріополя, нынѣшней
Бичвиншы, Абазинскаго мѣстечка при
Черномъ морѣ, и в) что пространство,
заключающее также около 250 верстъ,
отдѣляло Сомеріополь отъ южной Зи-
хійской границы, которая касалась за-
лива Гелинджика, Пшоломеевой Керке-
шиды (18).

Правда, 300 миль Римскихъ составляють 415 верстъ (19), и показанныя мною разстоянія отъ устья Кубани до Никопса, и отъ Сомеріополя до Никопса же и Гелинджика, не согласуются съ измѣреніями Багрянороднаго; но какъ онъ же означилъ 300 миль отъ Боспора до Херсонеса и 300 миль отъ Херсонеса до Днѣпра (20), а находимъ теперь отъ Керчи до Севастополя 230 и отъ Севастополя до Днѣпра около 300 верстъ: то полагаю, что Багрянородный исчислялъ долгошу пущи по часамъ ѣзды, и могъ тѣмъ легче ошибиться, чѣмъ малонадежнѣе способъ подобнаго измѣренія въ ущельяхъ Кавказскихъ.

Имя Зиховъ сдѣлалось знакомо писателямъ около временъ Рождества Христова (21). Нѣкошорые Византійцы называли ихъ Упри - Гурами и Купри-Гурами, а сирану ихъ причисляли къ древней Великой Вулгаріи (22), или къ Великогорной землѣ. Славянская порода Зиховъ, при многихъ ясныхъ признакахъ, весьма правдоподобна.

II.

Область Папагія, по сказанію Багрянороднаго, имѣла на границѣ своей мѣсто, называемое *Запакси*; а сіе сло-

во, по его же переводу, значитъ *прахъ* (23). И подлинно *саба*, *сапа* = *пыль*, но только на одномъ Черкесскомъ языкѣ (24); изъ чего слѣдуетъ, что Папагія занята была и тогда шеперешними древнѣйшими обитателями своими Черкесами, извѣстными Страбону, Птоломею и другимъ подъ именемъ Керкетовъ, Церцетовъ (25). Сія область отъ Черноморскаго залива Гелинджика простиралась къ востоку по стремнинамъ горъ, сопредѣльно Кубанскимъ землямъ Зихии, верстъ на полтораста, до вершинъ р. Шагваши, впадающей въ Кубань въ Зихии въ 25 верстахъ ниже Усть-Лабинской крѣпости (26). По близкому сходству именъ Запакси и Шагваши не лѣзя, кажется, отрицать ихъ однозначнаго менованія.

Названіе Папагіи также Черкесское. Мнѣ извѣстно отъ самихъ Черкесъ, что когда они говорятъ вообще о жителяхъ Кавказа, даютъ имъ имя *Погъ*, т. е. Горцовъ; и на языкѣ же Черкесъ *бги* = гора, *пахъ*, *паа* = ноздри (27). Соединеніе словъ *пахъ* и *погъ* или *бги* произвело имя *Папаги*, которое означаетъ: въ прямомъ смыслѣ горныя ноздри, въ относительномъ горныя тѣшины.

III.

Слѣдую словамъ Багрянороднаго, что между Папагіи и Кавказа находилъся *Касахія*, сія область лежала за Кубанью на земляхъ Спрабоновой Асп-Ургіи (28), и отъ рѣкъ Запакси = Шагваши и Никопсы = Шакупсы, занимала р. Кубань до ея вершинъ. Въ Касахіи во время Багрянороднаго обитала часть Абазинцовъ, народа, имѣющаго языкъ особый отъ прочихъ Кавказскихъ. Они переселились сюда въ V, или VI вѣкѣ изъ Абазиніи, обвѣмлющей берега Чернаго моря между р. Енгури и залива Бовудяка. Греки, насадившіе въ ней сѣмена Хрістіянскоѣ вѣры около 550 года, называли тогда Черноморскихъ Абазговъ Западными, Кубанскихъ Восточными (29). Поэтому-то и Багрянородный сказалъ, что Абазги суть сосѣди Зихіи какъ по берегамъ Чернаго моря, такъ и на Кубани со стороны р. Никопсы.

Еще и теперь въ сей части Кубани обитаютъ племена Абазинцовъ: Чаграи, Баракаи, Мадажвіи, Бешилбаи и Тапанша. Послѣдніе суть между ними знатнѣйшіе, и состоятъ изъ шести родовъ: Кличева, Бибердова (30), Ловова, Дударукова, Трамова и Жаңшемирова. Та-

нары называютъ ихъ *Алты* - казокъ, именемъ, составленнымъ изъ словъ Ташарскаго, Турецкаго и Туркменскаго языка: *алты* = шесть, *казыкъ*, *казокъ казукъ* = колъ (31); а Рускіе *Алты* - *кизеками*, иногда же *Малою Абазою* по сравненію съ Большою, или Черно-морскою.

IV.

Подъ именемъ Кавказа Багрянородный разумѣлъ Ельбрусъ, или Шамъ, высочайшую на хребтѣ горъ, проспирающихся отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Прокопій и Халкокондила Ельбрусъ Кавказомъ же называли (32).

V.

Аланія, которую Кумыки именуютъ Тавлугорною землею, есть страна, обитаемая племенами Осепинцовъ и Кисповъ. Она занимаетъ Кавказъ отъ Ельбруса къ востоку до вершинъ р. Аксу, вливающейся въ Терекъ, и вмѣщаетъ въ себѣ древнюю Амазонію (33) и Горомосхію (34). Аланы, или собственно Осепинцы, коихъ наши Лѣтописцы Ясами называли (35), имѣли нѣкогда своихъ Государей; ознакомились съ Греками въ VI вѣкѣ, и получили отъ нихъ Хрістіанскую вѣру. Императоръ Левъ

Философъ (986 — 911 года) учредилъ въ Аланіи Епископію, а Императоръ Андроникъ Палеологъ, 1293 года, возвысилъ ее на степень Митрополіи, и сія Епархія существовала еще и послѣ 1453 года (36).

VI.

Страну Кабарду, древнюю Сапирію или Сабирію (37), лежащую въ сосѣдствѣ Аланіи отъ вершинъ р. Кумы до устья р. Сунжи, Багрянородный зналъ подъ именемъ Кребаты, Кребапеды. Въ его время она имѣла своихъ Князей, съ которыми Греческіе Императоры вели иногда переписку (38). Въ Кабардѣ обитали въ X вѣкѣ теперешніе коренные жители ея Чегемы и Балкары, или, по моимъ изслѣдованіямъ, Чехи и Болгары, слабые оспашки многочисленныхъ Славянскихъ племенъ, изшедшихъ изъ Кавказа въ Европу. Но Черкесъ тогда въ Кабардѣ еще не было. Они спали высясь изъ Папегіи на сосѣднюю Зихійскую землю уже при господствѣ Могуловъ Чингизидовъ, и нѣкоторые изъ сихъ Черкесъ доселѣ удерживаютъ географическое имя Зихіи, называясь Шаб - Зихи и Апа - Зихи, или просто Шапсыхи и Абазехи. Около тѣхъ же временъ какой - то Аравійскій Князь

Абданъ, пришедши чрезъ Египетъ въ Константинополь въ покровительствѣ Греческихъ Императоровъ, учредилъ сперва жилище свое въ Тавридѣ, потомъ перенесъ оное къ Суджуку (39). Часть ближайшихъ къ ешой древней Синдѣ (40) Черкесъ Абазехскаго колѣна Адыговъ (41) покорились Абдану и его потомкамъ; перешли къ Черноморскому устью Кубани; основали тамо селенія въ урочищѣ Кизил - Ташѣ (красный камень); скоро увеличили общество свое народомъ разныхъ племенъ; спали подвигаясь вверхъ по Кубани; наконецъ, по благосклонности къ нимъ Хановъ Орды Кипчакской, получили для обитанія землю Кабардинскую, и превосходствомъ храбрости своей поработили Чегемовъ, и сдѣлали данниками своими какъ Балкаръ и одноплеменныхъ имъ Карачаевъ, такъ и сосѣднихъ Осетинцовъ, Кистовъ, Алшы - Кизеновъ и нѣкопрыхъ другихъ жителей Кавказа. Сии Черкесы Адыги введены въ Кабарду праправнукомъ Абдана Княземъ Иналомъ, родоначальникомъ всѣхъ нынѣшнихъ владѣльцовъ Черкесъ Кабардинскихъ и Беслинейскихъ (42), однако не ранѣе второй половины XV столѣтія: ибо Иналъ былъ прадѣдъ извѣстнаго въ Исторіи Россійской Князя Темрюка Айда-

ровича, скончавшагося въ старости скоро послѣ 1570 года (43). Осепинцы называютъ Кабардинскихъ Черкесъ не *Казахъ*, а *Хасконъ*, о чемъ я вѣрно знаю отъ лучшихъ Алдаровъ, или старшинъ Осепинскихъ; слово же *Хасконъ* происходитъ въ Осепинскомъ языкѣ отъ *хастъ* = брань, драка, война (44), и оно нравственному свойству Черкесъ прилично; но Алпы - Кизекамъ Жаншемирова рода, присоединившимся къ Черкесамъ Большой Кабарды около 1700 года, и вообще всей малой Абазъ, Осепинцы даютъ Ташарское имя *казоковъ*, или *казаховъ*.

Всѣ сіи объясненія удостовѣряютъ, что *Касахи* Багрянороднаго, *Касоги* Нестора не Черкесы, но, и по имени и по мѣсту жилищъ, суть истинные Абазинцы Алпы - *Казоки*, или Алпы - *Кизеки*. Надѣясь, что нѣтъ уже надобности въ дальнѣйшихъ на то доказательствъ, приступаю къ другому предмету моихъ разысканій.

Часть вторая.

О имени козакъ.

Соглашаюсь, что изъ всѣхъ приведенныхъ выше на имя *козакъ* толкованій вѣроятнѣйшимъ кажется заимство-

ванное опѣ *Касаховѣ*, принимая однако сей народъ не за Черкесъ, а за Абазинцовъ. По подданству Алшы - Кизековъ нашимъ Тмушараканскимъ Князьямъ съ побѣды, одержанной храбрымъ Мстиславомъ надъ Редедю Касожскимъ 1022 года (45), слово *козакъ* конечно могло удержаться съ того времени въ Россіи, хотя сдѣлалось гласнымъ въ ней только съ 1444 года (46). Но предстоить трудный въ рѣшенію вопросъ: какимъ образомъ случилось, что еша горсть людей распространила имя свое такъ далеко, и утвердила оное и въ Россіи и у многихъ другихъ народовъ, племенъ и языкомъ совершенно чуждыхъ Абазинцамъ? Киргизы, древнѣйшее поколѣніе Турецкаго народа (47), называемы были въ старину Казацкою ордою, Казаками (48); они и нынѣ именуютъ себя Сахра - казанъ = степной казанъ (49). Кочующій въ Грузіи на предѣлахъ ея съ 1480 года народъ Турецкаго племени доселѣ извѣстенъ подъ именемъ Казáховъ (50). Нагаи всѣхъ военныхъ людей своей Орды называли казаками (51). Козаки же по лѣтописямъ встрѣчаются: въ Польшѣ съ 1516 года (52); въ Крымской Ордѣ съ 1474 (53); въ Волжской съ 1492 (54); въ Царствахъ, Казанскомъ съ 1496 (55) и Астрахан-

скомъ съ 1556 (56); у Чувашъ, Черемисъ, Мордвы съ 1551 (57), и у Азовскихъ Турковъ съ 1499 года, гдѣ впрочемъ въ званіи козаковъ находились не предки Русскихъ Донскихъ козаковъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, а *Бешли* = легкая конница Азовскаго гарнизона, устроенная наподобіе Венгерскихъ гусаръ (58). Когда Нагаи жаловались Царю Іоанну Васильевичу на хищенія Мещерскихъ и Расимовскихъ козаковъ, онъ ошѣчалъ 1538 года: „Вамъ гораздо вѣдомо, лихихъ гдѣ нѣтъ? На полѣ ходятъ казаки многіе: *Казанцы*, *Азовцы*, *Крыльцы* и иные баловни казаки, а и нашихъ украинъ снимижъ смѣшався ходятъ, и тѣ люди какъ вамъ паши, такъ намъ паши и разбойники, и на лихо ихъ никто не учитъ, а учинивъ которое лихо разбѣзжаются по своимъ землямъ (59).“

Судя по такой обширности имени *козакъ*, не лзя признать оное ни географическимъ, ни народнымъ. Я не колеблюсь принять два положенія: 1е, что козаки составляли вездѣ особо учрежденное сословіе военныхъ людей; 2е, что имя ихъ однознаменательно слову *сторожъ*. Вотъ на то и другое доказательство, извлеченныя изъ грамахъ

Царя Іоанна Васильевича къ Спрогоновымъ (60).

Граматою, данною 1568 года, позволено Спрогоновымъ въ Пермѣ крѣпости построишь; пушкарей, пищальниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и воробниковъ учредить, и сторожей *держати* для прихода Нагайскихъ людей и иныхъ Орды.

Въ грамотѣ 1572 года сказано, чтобъ Спрогоновы выбрали у себя добраго голову, и съ нимъ охочихъ казаковъ и стрѣльцовъ, и послали бы ихъ воевать на измѣнниковъ Черемисъ.

Граматою 1573 года дано позволеніе Спрогоновымъ, на р. Тоболѣ крѣпости строить, пушкарей и пищальниковъ держать, *сторожей наймовати* прошивъ Сибирскихъ и Нагайскихъ людей, и чтобъ Спрогоновымъ на сихъ неприятелей посылать своихъ *наемныхъ* казаковъ съ охочими людьми.

Наконецъ въ грамотѣ 1583 года сдѣланъ упрекъ Спрогоновымъ, что они, призвавъ къ себѣ Волжскихъ воровъ ашамановъ и козаковъ, Ермака съ товарищи, наняли ихъ въ свои Остроги.

Ясно, что выраженія: *наемные сторожи* и *наемные козаки* употреблены

здѣсь въ одинакомъ поняшїи, и что званїемъ козаковъ означалось особое упражненіе, ремесло (61). Теперь, ежели взять въ разсужденіе, что козаки и нынѣ составляютъ передовое охранное войско (62), и что опряды сихъ легкихъ ратниковъ въ старину назывались у насъ *сторожа* (63): то должно согласиться въ справедливой замѣнѣ иноземнаго слова *козакъ* Русскимъ *сторожъ*. На сугубое въ томъ убѣжденіе я присоединю здѣсь еще два найденныя мною подтвержденія: одно въ грамотѣ, писанной 1537 года къ Царю Іоанну Васильевичу отъ Нагайскаго владѣтельнаго Уракъ-Мурзы, который, увѣряя его въ своей дружбѣ, и извѣщая, что расположится у р. Быстрой Сосны съ 10,000 Нагай, для содѣйствія Рускимъ на отраженіе Крымцовъ, присовокупилъ: „заныже язъ какъ „бы твои *казакъ* и твоихъ воровъ чело- „вѣкъ (64),“ ш. е. твой *стражъ*, твой слуга; и другое въ Лѣтописи Руской подъ 1229 годомъ, гдѣ сказано, что предъ тѣмъ временемъ, какъ Батый наступалъ съ востока, „Саксины и Половци „въбѣгоша изнизу къ Болгаромъ, и сто- „рожеве Болгарстїи прибѣгоша бѣни „омъ Ташаръ близъ рѣки, ей же имя „живъ (65).“ Слово *саксины* относясь здѣсь не къ Киргизамъ, какъ думаютъ,

покорившимся Чингизъ - Хану еще до 1210 года (66), а къ пограничнымъ ратникамъ или Башкирѣ, либо Волжскихъ Хазарѣ, обращено Рускими въ множественное число изъ единственнаго *сакъги*, которое на Башкирскомъ, Туркменскомъ и Киргизскомъ языкѣ также значить *сторожѣ* (67).

Такое изъясненіе имени *козакѣ*, возвращая ему подлинный его разумъ, подаетъ возможность открыть и опчизну сего слова. Извѣстно, что Могулы и Калмыки имѣютъ одинъ языкъ; на ономъ ко значить лапы, броню, панцырь; *сакуль*, *закикти*, *кицаути* = спорожъ; *заха*, *захъ* = между, рубежъ (68). Соединивъ въ одну мысль реченія ко и *закикти*, или ко и *захъ*, получимъ имя *козакѣ*, и конечно не затруднимся принять его въ знаменованіи *крѣпкаго охранителя границы*, или *военнаго стража*, подражая предкамъ нашимъ, которые такъ оное понимали во времена, когда козакъ учреждаемы и употребляемы были преимущественно на окраинахъ Государства.

Писатели, превращавшіе честное имя *козакѣ* въ бродягъ, бездомовныхъ, оппавшихъ, бѣглецовъ, разбойниковъ,

имѣли къ тому два побужденія: 1) что многіе козаки отъ своевольствъ преданы были съ XVI вѣка пашьбамъ, разбоямъ, каковыхъ Царь Іоаннъ Васильевичъ ошличалъ названіями *баловней, лихихъ*, и 2) что въ томъ же столѣтіи сами Нагаи говаривали о нѣкоторыхъ Мурзахъ, вышѣсненныхъ по раздорамъ изъ своихъ улусовъ: „живушъ казаномъ... „казануюшъ. . . ѣздятъ въ казакахъ. . . „скипаются въ казакахъ (69).“ Но въ первомъ случаѣ надлежало бы противъ приличія согласиться; что и всѣ прочіе козаки имѣли тогда поносительное званіе, не взирая на вѣрную свою опеческву службу; въ словахъ же Нагай заключаеся то обстоятельство, что Нагайскіе Мурзы, ошлученные отъ своихъ владѣній, принуждены были жить по примѣру козаковъ: въ неуспыномъ бдѣніи, въ непрерывной оспорожености и въ безпрестанныхъ по степямъ разбѣздахъ.

Здѣсь кончу разысканія мои о казакахъ и Касакахъ; но по связи дѣла не излишнимъ счишаю сказать нѣсколько словъ и о реченіи *карацлѣ*, которое, на языкахъ Нагайскомъ и Персидскомъ означая также *сторожа* (70), вѣроятно предшествовало въ Россіи имени *козакѣ*.

Рускіе называли карауломъ пограничную стражу Рязанскаго Княженія по р. Хопру, какъ видно въ Лѣтописяхъ 1283, 1378 и 1400 года; ибо Хоперь и соединяющаяся съ нимъ р. Ворона составляли на лѣвой сторонѣ Дона древній рубежъ Россіи къ Даштѣ - Кипчаку (71); и Хоперь съ тѣхъ временъ сохранилъ на берегахъ своихъ имя Рязанскаго города Урюписка, упоминаемаго въ Географическомъ ошривѣ XIV вѣка (72), что теперь войска Донскаго Урюпинская станица,

Петръ Бутковъ.

Воронежъ.

1 Сентября 1822.

Примѣчанія,

- (1) Синописисъ стр. 9.
- (2) Родосл. Ист. Ташаръ Ч. VII, гл. I, въ примѣч. — Ежемѣсяч. соч. на Апрѣль 1760 года.
- (3) Сестренц. въ Ист. Тавріи II — 25.
- (4) Шереръ въ Ann les de la Petite Russie.
- (5) Ежемѣсяч. соч. на Апрѣль 1760; Ист. Гос. Рос. Карамзина V, прим. 416.
- (6) Ежемѣсяч. соч. на Апрѣль 1760. Собраніе соч. выбран. изъ Мѣсяцослов. I — 264 въ примѣч.
- (7) Тапищевъ въ Ист. Рос. II — 422; Ежемѣсяч. соч. на Апрѣль 1760 и на Мартъ 1762.
- (8) Ежемѣсяч. соч. на Апрѣль 1760, и Болшинъ въ письмѣ 21 Іюня 1791, напечат.

- въ III Частии Соч. и перев., издан. Рос. Акад. 1808 года.
- (9) Байеръ въ Азовскихъ извѣс. стр. 47, 79; Карамз. въ Ист. Г. Р. I го изд. V — 381, 382, и Болшинъ въ Прим. на Деклерка I — 339; но онъ потомъ опъ сего положенія уклонился, а принялъ мнѣніе, показанное въ предъидущемъ примѣчаніи.
- (10) Собрание соч. выбран. изъ Мѣсяцосл. IV — 171, 176; Географ. и Статист. описаніе Грузіи и Кавказа стр. 135; Ежемѣсяч. соч. на Апрель 1760; Карамз. въ Ист. Г. Р. I го изд. V — 381, 382.
- (11) Карамз. въ Ист. Г. Р. I го изд. V — 584.
- (12) *Mem. pour l'hist. II* — 1043, 1044, IV — 249, 250, 336.
- (13) Рукописная карта Кавказа, соч. 1791 года въ Георгіевскѣ, при Командѣ Генеральнаго Штаба. Служивъ долговременно въ той странѣ, я нашлъ сію карту вѣрнѣе многихъ другихъ. Въ подробной картѣ Россіи, изд. 1805 года, р. Шакупса названа Шекумевъ, а въ прочихъ Пшекупсъ.
- (14) Селеніе Лакшчукай показано и въ подр. картѣ Россіи.
- (15) *Mem. pour l'hist. IV* — 250, 251.
- (16) Собран. соч. выбран. изъ Мѣсяцослова VII — 139.
- (17) Селеніе Субой показано въ картѣ 1791; въ подроб. Россійской нѣтъ его.
- (18) Птоломей кн. III, Гл. 9.
- (19) 75½ Римскихъ миль составляютъ 104½ версты (Сестренц. въ Ист. Тевріи I — 39).
- (20) *Mem. pour l'hist. II* — 1042.
- (21) Страбонъ Кн. XI, Гл. 2; Саллюстій въ Запис. Акад. надп. XXXV — 512; Плиній Кн. VI; Птоломей Кн. III, Гл. 9.

- (22) Метог. Popul. I — 545, 546; II — 495 и слѣд.
- (23) Метог. Popul. IV — 250.
- (24) Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій.
- (25) Страб. кн. XI, гл. 2; Мела кн. I, гл. 2, 19; Плиній кн. VI; Птол. кн. III, гл. 9.
- (26) Карша 1791 года, и Гильденшtedтъ въ Собр. соч. выбран. изъ Мѣсяцосл. IV—174. Въ подробной картѣ Россіи р. Шагваша названа Шхадгаша, а на нѣкоторыхъ другихъ Шагваша.
- (27) Сравнит. Слов. Замѣшпть должно, что въ словахъ *Папагя*, *погъ*, *пга*, буква г произносится какъ Лапинское g.
- (28) Сираб. Кн. XI, гл. 2; Стефанъ Византійскій въ словѣ Аспурги. Пшоломей (кн. III, гл. 19) называется жителями Асп-Ургіи Аспураканами. Имя Асп-Ургіи составлено изъ народнаго *Ургоѡ*, или *Угровѡ*, и изъ имени города *Аспе*, которой у Тацита (Льтоп. кн. XII, опд. VI) названъ *Успе*. Развалины его открыты въ 1802 году за Кубанью, въ вершинѣ р. большаго Зеленджика, или Инджика. По нѣкоторымъ найденнымъ тамъ Греческимъ надгробнымъ надписямъ видно, что Аспе былъ обитаемъ еще и во время владѣнія Россійскаго въ Тмутаракани, о чемъ при другомъ случаѣ дамъ подробное свѣдѣніе.
- (29) Метог. Popul. IV — 179 — 182.
- (30) Кажется, Багрянородный называется: Чаграевъ и Баракаевъ *Срехіабаракѡ*, а роды Кличевъ и Бибердовъ *Чиліанертѡ* (Метог. Popul. IV — 250).
- (31) Сравнит. слов. Гильденшtedтъ, называя ихъ Алше-кезекъ пререводитъ; шесть

- кусковъ (Собр. соч. выбран. изъ Мѣсяцосл. IV — 178).
- (32) Мемор. Рорул. IV — 247, 315, 395, 396.
- (33) Спраб. кн. XI, гл. 5, 8; Саллюстій въ Запис. Акад. надп. XXXV — 491, 499.
- (34) Мемор. Рорул. III — 54, 55; IV — 244, 341.
- (35) Рускія Лѣтописи подъ 1518 годомъ. Колонія Кавказскихъ Ясовъ многіе вѣки обитала на Дону.
- (36) Мемор. Рорул. IV — 338, 342, 397 Кординъ писалъ послѣ 1453 года (Извѣст. Византійск. историковъ I въ предисловіи).
- (37) Снефанъ Визант. въ словѣ Сапири.
- (38) Мемор. Рорул. IV — 397, 398.
- (39) Родословн. Кабардин. Черкесскихъ владѣльцовъ, въ рукописи, и преданія ихъ.
- (40) Спраб. кн. XI, гл. 2; Плиній кн. VI; Мела кн. I, гл. 19; Птоломей кн. III, гл. 9; Арріанъ въ Периплѣ.
- (41) Черкесы Абазехи, или Абазихейцы въ 1802 году состояли изъ трехъ коленъ: 1е Енакомово, которое считало въ себѣ 29 родовъ; 2е Анчоково, имѣло оныхъ 20, и 3е Адыгово, 10.
- (42) Преданія Чегемовъ, Балкаръ, Черкесъ, и Родосл. Кабард. Черкес. владѣльцовъ. *Карагаи* съ глубокой древности обитаютъ при самыхъ вершинахъ Кубани на проходѣ въ Сванетію, который Византійцы въ VI вѣкѣ называли по имени Карачаевъ *Коругономѣ* и *Хругономѣ* (Мемор. Рорул. IV — 340).
- (43) Послѣ 1570 года не вспрѣчаются уже въ Россійской Исторіи дѣйствія Князя Темрюка, родителя Царицы Маріи Темрюковны.
- (44) Сравн. Слов.

- (45) Несторъ стр. 105; Слово о полку Иго
ря стр. 4; Рус. Лѣт. по Ник. списку I —
152 — 154.
- (46) Царск. Лѣтоп. стр. 261; Рус. Лѣт. по
Ник. сп. V — 192; Ист. Рос. Татищ.
IV — 552.
- (47) Родосл. Ист. Татаръ Ч. II, гл. 4, 8.
- (48) Родосл. Ист. Татаръ Ч. IX, гл. II;
Продолж. Древ. Россійс. Вивл. VII — 251,
276, VIII — 29, 267, IX — 283; Рус. Лѣт.
по Ник. сп. VIII — 22; Описаніе Сибир.
Цар. соч. Миллера стр. 70, 72 и въ про-
чихъ мѣстахъ.
- (49) Ежемѣсяч. соч. на Маршъ 1762; Описаніе
обищ. въ Россіи народовъ II — 119.
- (50) Ист. Грузин. Царевича Давида стр. 87,
и преданія Грузинъ.
- (51) Продол. Древ. Рос. Вивл. VII — 284,
305, IX — 173, 247, X — 21.
- (52) Ежемѣсяч. соч. на Апрѣль 1760; Карамз.
въ Ист. Г. Р. V, прим. 411.
- (53) Ист. Г. Р. Карамз. VI прим. 124.
- (54) Ист. Г. Р. Карамз. 1-го изд. VI — 479;
Лѣт. по Ник. сп. VI — 132, 737.
- (55) Рус. Лѣт. по Ник. сп. IV — 146; Собр.
Государ. грамаиъ и договоровъ II — 32.
- (56) Рус. Лѣт. по Ник. VII — 277, 287;
Прод. Древ. Рос. Вивл. IX — 281.
- (57) Ист. Г. Р. Карамз. VIII, прим. 252.
- (58) Ист. Г. Р. Карамз. VI, прим. 495, VII,
прим. 136; Рус. Лѣт. по Ник. сп. VI — 158,
159, 164; Записки Графа Монтекукули
стр. 242; Кантемиръ въ Опис. Молдавіи
стр. 197; Графъ Марсельи въ Опис. со-
стоянія Опшоман. Имп. кн. I, гл. 56, 57.
- (59) Прод. Древ. Рос. Вивл. VIII — 74, 75.
- (60) Сии Грамаиы напеч. въ Опис. Сибир.
Царс. соч. Миллера стр. 65, 69 — 73, 117, 118.

- (61) Ежели въ Малороссіи доселѣ называ-
юшъ вольныхъ работниковъ *козаками*, по
вѣроятно, сіи наймиты употребляемы
были вначалѣ не въ работу, а въ спорóжу.
- (62) Въ жалованной Граманшъ войску Дон-
скому 30 Августа 1811 года сказано, что
армія Россійская оповсюду ограждаема
была движеніями и дѣятельностію Дон-
скаго войска, въ походахъ 1805 и 1807 года
(Жизнь Графа Платова III — 48).
- (63) Рус. Лѣт. по Ник. сп. IV — 97, VII —
242. Владиміръ Мономахъ въ Поученіи
(стр. 20) говоритъ своимъ сынамъ: *«сто-
роже сами наряживайте»*
- (64) Прод. Древ. Рос. Вивл. VIII — 34, 35,
36. Въ 1536 году Крымцы и Азовцы про-
никали набѣгами до рѣки Быстрой. Сосны
(Исп. Г. Р. Карамз. 1-го изд. VIII — 34, 35
и прим. 51).
- (65) Исп. Г. Р. Карамз. III, прим. 355.
- (66) Родос. Исп. Татарь Ч. III, гл. 8.
- (67) Сравн. Слов.
- (68) Сравн. Слов.; Родосл. Исп. Татарь Ч.
II, гл. 5; Древ. Рос. Вивл. IV — 127.
- (69) Прод. Древ. Рос. Вивл. VIII — 211, IX —
209, 213, X — 151.
- (70) Срав. Слов.
- (71) Рус. Лѣт. по Ник. сп. II — 105, 119,
151; Исп. Рос. Ташищ. III — 37, 231;
Граманшы Россійс. Митрополитовъ, на-
печапанъ въ Исп. Г. Р. Карамз. 1-го изд.
IV — 470, 471, V — 418, 419.
- (72) Рус. Лѣт. съ Воскресен. сп. I — 22.
- Бутковъ. *Концы*

Прибавленіе къ статьѣ о Философіи.

(Оно, также какъ и самая статья въ свое время, было читано въ засѣданіи Членовъ Императорскаго Виленскаго Университета 15 числа Мая 1820 года. Авторъ сего сочиненія есть знаменитый ученостію и дарованіями Заслуженный Профессоръ *И. А. Снядецкій*. Написано же оно по поводу явившихся во Львовскомъ журналѣ возраженій на статью о Философіи, которая предложена была и нашей публикѣ въ Русскомъ переводѣ (*). Давно бы слѣдовало симъ Прибавленіемъ украсить В. Европы; слишкомъ два года уже обѣ книжки Виленскаго журнала (въ которыхъ напечатано сіе сочиненіе) лежатъ на письменномъ столѣ переводчика: но раскрывая ихъ, къ несчастію, нельзя было каждой разъ не вспомнить о привязчивомъ *Тверскомъ Корреспондентѣ Казанскихъ извѣстій* (**). Возраженія и противоположные доводы не только полезны, но даже необходимы въ литературѣ наукъ, художествъ и словесности: безъ нихъ многое остается необъясненнымъ; безъ нихъ литература представляется безплодною спешью, усѣянною вялымъ пустоцвѣтомъ невѣжескихъ похвалъ и бессмысленнаго умничанья по модѣ; возраженія спрaсны для тѣхъ, которые истинною жертвуютъ своему самолюбію. Противорѣчить можно и должно, не иначе однакожъ, какъ разумѣя дѣло, и съ безвреднымъ

(*) В. Е. 1819 No 11, стр. 182 — 213.

(**) В. Е. 1820 No 1, стр. 33.

намѣреніемъ. Опъ насъ пребуютъ полезной работы, а не того чѣобы на изложенныя въ *негатныхъ* книгахъ мысли согражданъ нашихъ указывали мы какъ на уголовныя преступленія. Нравственная безопасность общества охраняется ея стражами, опытнѣйшими насъ, болѣе прозорливыми и болѣе искусными. — Преодолевъ неприятное чувство, постараемся сообщить нашимъ читателямъ мнѣніе Снядецкого о Кантовой Философіи — мнѣніе такого ученаго мужа, который соединилъ въ себѣ глубокія и обширныя свѣдѣнія какъ математическія, такъ и въ любомудріи умозрипельномъ, и который по объѣмъ симъ частямъ написалъ превосходныя книги. Въ предлагаемомъ переводѣ позволимъ себѣ пропустить нѣкоторыя мѣста для насъ излишнія. К.)

I.

Въ *Запискахъ Львовскихъ* (Окп. 1819) помѣщены замѣчанія на то, что мною сказано было о мнимой Философіи Канта. Занятія мои недали мнѣ времени отвѣтствовать на сочиненіе, коего авторъ вѣжливостію своею, приличнымъ изложеніемъ своихъ сомнѣній и пропивурѣчій приобрѣлъ себѣ право на мою признашельность и благодарность.

При всемъ отвращеніи моемъ отъ спорныхъ, особливо же сего рода, сочиненій, нахожу въ Замѣчаніяхъ нѣкошо-

рыя трудности и возраженія, на которыя опивѣчать починаю своимъ долгомъ, желая во первыхъ показать, что я не легкомысленно писалъ свои положенія, а во вторыхъ предостеречь юношество Польское отъ науки, по моему мнѣнію, чрезвычайно вредной для умовъ незрѣлыхъ.

Авторъ въ концѣ своихъ Замѣчаній называетъ себя любителемъ истины, и говоритъ, что писалъ по ея вдохновенію. А какъ истина не имѣетъ сектъ, не терпитъ ихъ, и не принимаетъ упрямства за увѣренность; то я представляю себѣ автора не послѣдователемъ Канта, а просто человекомъ, безъ предубѣжденія ищущимъ истины, безпристрастно разсматривающимъ доказательства *въ пользу и противъ* мнѣнія или науки, о которыхъ идетъ дѣло. Сіе условіе для меня необходимо; ибо я полагаю, что *съ метафизиками* никогда спорить не должно. Это особливаго рода головы; онѣ запасены множествомъ словъ обоюду оспрыхъ, то есть словъ темныхъ, которыя можно брать въ разныхъ значеніяхъ: премудрость ихъ состоитъ въ знаніи всѣхъ уголковъ и норокъ, въ которыхъ скрываются разныя значенія одного и того

же слова. Вообще ето Аргусы съ глазами совиными, которые видяшъ только во мракѣ. На всѣ предлагаемыя имъ трудности, на всѣ возраженія у нихъ одинъ отвѣтъ общій, именно, что *возражатель ихъ непонимаетъ*. Несправедливая отговорка; ибо наука ихъ по свойству своему имѣетъ преимущество, какого никакая другая неимѣетъ, а именно: ее можно понимать и непонимать въ одно и то же время (*).

Я напрошивъ желаю бытъ вразумителенъ для чинашеля безприсрасшнаго, желаю чтобъ онъ зналъ, что предлагаю ему буду; и для того обязаннымъ себя почишаю прежде всего исповѣдаться предъ нимъ во всѣхъ метафизическихъ грѣхахъ своихъ и проступкахъ.

И такъ признаюсь во *первыхъ*: что я *реалистъ*, то есть что въ словахъ ищу не звука или вѣтра, но самой вещи; что *разумѣть* не значитъ у меня остановиться при одномъ лишь выговорѣ слова и удовольствоваться первымъ ощущеніемъ, а обозрѣть вещь со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ, приобрѣсть объ ней понятіе ясное и

(*) Krit. der r. Vernunft. *Autonomie* p. 449. *Antithetik*.

чистое, назвавъ ее собственнымъ ея именемъ, и послѣ уже вразумительно изложитъ мысль свою. Пошому - то я и признаю за несомнительное правило: кто теломъ изъясняется; тотъ самъ себя не понимаетъ, и тотъ слѣдственно не имѣетъ права требовать, чтобы понимали его другіе.

Во вторыхъ признаюсь: хотя несомнѣнно вѣрю бытію существъ безтѣлесныхъ; со всѣмъ тѣмъ я материалистъ — въ значеніи слова сего по Канту; ибо утверждаю, что въ человѣкѣ нѣтъ ни одной самой обширной, самой общей мысли, которая не отъ чувствъ взяла бы свое начало, и которая безъ ихъ помощи, ближайшей или отдаленной, непосредственно происходила бы отъ чистаго разума.

Еще скажу: хотя чувственныхъ впечатлѣній, наблюденій и опытовъ не принимаю за самую науку, а только лишь за матеріалъ для нея, изъ котораго разумъ выводитъ цѣль общихъ истинъ, имѣющихъ связь съ явленіями чувственными и составляющихъ науку; со всѣмъ тѣмъ я эмпирикъ: ибо никакихъ мыслей, понятій, истинъ, врожденныхъ разуму человѣческому, незнаю и немогу постигнуть. Душа человѣческая дѣй-

спивительно одарена силами и способностями отъ природы; но когда она соединена съ тѣломъ, силы ея оспаюцца спящими сномъ глубокимъ, пока опыты, упражненіе безпрестанное, изученіе не пробудятъ ихъ, неприведутъ въ движеніе и дѣятельность, пока нераспространятъ ихъ и не усовершенствуютъ. Съ душевными силами бываетъ то же, что съ силами и членами тѣла человѣческаго. Младенецъ отъ природы имѣетъ руки, ноги, чувства и проч.; но неумѣетъ и не можетъ пользоваться ими. Весь возрастъ молодости и даже, можно сказать, все продолженіе жизни есть для него временемъ безпрестаннаго упражненія, посредствомъ коего учится онъ употреблять съ пользою и совершенствоваться силы и члены своего тѣла. Ежели послѣ ноги его, ежели его чувства представляютъ явленія удивительныя и чудесныя; то все это бываетъ слѣдствиемъ врожденной его способности, возвышенной до степени совершенства упражненіемъ, опытами, наукою. Не одинъ крестьянинъ, занятый паханіемъ нивы, остающійся теперь въ невѣжествѣ, былъбы, можетъ спаться, Коперникомъ или Красицкимъ, еслибы воспитаніе, ученіе, опыты пробудили и усовершенствовали его способности; безъ

упражнений, безъ опытовъ сей даръ Природы спитъ въ немъ опъ колыбели до гроба. И какъ опъ физическаго сложенія, болѣе или менѣе счастливаго, зависитъ физическое проворство, гибкость и крѣпость тѣла въ человѣкѣ; подобнымъ образомъ и въ силахъ души видимъ неодинакую быспропу, неодинакую дѣятельность. Превосходство мы называемъ *талантомъ*; но талантъ обыкновенно есть не иное что, какъ та же самая способность, въ разной степени даруемая Природою. Для каждой способности какъ души, такъ и тѣла существуютъ правила; но усмотрѣть ихъ и замѣтить могъ только человѣкъ наблюдающій движеніе, дѣйствія и средства оной способности. Упомянутыя правила не по тому достовѣрны и вѣчны, что будтобы влишы въ насъ Природою, но по тому что они ушверждены на истинахъ, усмотрѣнныхъ человекомъ. Въ мірѣ физическомъ также все дѣлается сообразно извѣстнымъ законамъ, до которыхъ человѣкъ доходитъ путемъ наблюдений и опытовъ, рассуждая, соображая ихъ, то есть, прикладывая къ нимъ силы разума. Какъ законы въ тѣлахъ человѣкъ открываетъ, вникая въ дѣйствія Природы; точно также и законы разума открываетъ онъ, остановившись надъ дѣй-

ствіями души, разсматривая порядокъ, связь, обороты собственныя мыслей. И во всей сферѣ знаній человѣческихъ находишся два только рода истинъ: истины *событій* (*verités des faits*), которыя зависяшъ отъ наблюденія и опыта; и еще истины *соображеній* (*verités des combinaisons*), постигаемыя силою умозрѣнія, и для коихъ основаніемъ служашъ *тождество* (*identitas*). Соображеніемъ или приспособленіемъ называю дѣйствіе, посредствомъ котораго одну вещь къ другой прикладываю или примѣриваю: когда предметы или мысли близкія отдаляю, отдаленные сближаю, раздѣленные соединяю и къ нимъ прибавляю, соединенныя отвлекаю и отдаляю, словомъ, когда одну вещь сравниваю съ другою. Слѣдствіемъ сравненія сего есть отношеніе (*rapport, ratio, relation*), необходимо пребывающее двухъ терминовъ: усматривашъ отношенія и связывашъ ихъ — вошъ отъ чего совершеннѣе почти зависяшъ мышленіе человѣка.

Писавши о Философіи, я не долженъ бы даже упоминать о *Кантѣ*; ибо по моему, ученіе Кантово есть не Философія, а развѣ препятство къ любому-дрію. Но какъ оно слыветъ подъ громкимъ титуломъ *Философіи трансценденталь-*

ной; то и надобно было, въ предосторожность юношеству нашему, предложитъ замѣчанія, которыя давно уже я для себя сдѣлалъ, разсматривая ученіе Канта. За замѣчанія мои (*) почтительными для показанія, что цѣль, основа и составъ онаго ученія ошибкою не могутъ быть названы философическими. Это и подало поводъ къ сомнѣніямъ, возраженіямъ, вопросамъ, напечатаннымъ во Львовскихъ Запискахъ; надобно разсмотрѣть и объяснить оныя.

Порицаетъ меня Авторъ, что я ученіе Кантово назвалъ *смѣсью старинныхъ мудрствованій*. Исторія Метафизики покажетъ однакоже, что я не ошибся. Кантъ назначаетъ три главныя способности душевныя: способность *ощущать* (sensibilitas), способность *понимать* (intellectus, entendement) и *разумъ* (ratio). Къ нимъ прибавляетъ еще *самоощущеніе* или внутреннюю увѣренность (conscientia). Трудъ способности первой состоитъ въ ощущеніи образовъ (intuitiones); дѣломъ второй суть *понятія* (notiones); предметъ разума суть *идеи* (ideae), или, такъ я назову ихъ, *помыслы*. Вотъ главное основаніе Кантовой науки: міръ размышленія и *умозрѣній* есть сподица истиннаго вѣдѣнія. Все, что касается

(*) В. Е. 1820, No 11, стран. 187 — 193. Рдрб.

до названій, до раздѣленій и до главнаго основанія, взято изъ Платона.

Платонъ извѣщаетъ свои мысли припаднымъ образомъ, чисто и вразумительно. Онъ говоритъ: міръ состоитъ изъ *недѣлимыхъ* или особыхъ существъ; видѣніе состоитъ изъ понятій и мыслей общихъ; а какъ отъ особаго не годишься выводить заключеній къ общему: то понятія общія влишы въ насъ отъ натуры, то естъ мы родимся съ ними. Понятія общія суть часъ Божества; они суть образцы первые и главные (*typi, archetypi*), по подобію коихъ сотворены особыя существа (*individua*) міра. Трудное въ Платонѣ рѣшилъ и объяснилъ Локкъ; изъ науки мудреца Греческаго произошли однакоже: *Декартовы* врожденные понятія, *Маллебраншево* видѣніе въ Богѣ, *Лейбницевы* монады и Кантовъ *синтетизмъ à priori*.

Школа Пифагорова полагала, что всѣ феномены физическіе смѣшиваются и соединяются съ двумя общими свойствами времени и пространства (*temporis et spatii*); она представляла себѣ время и пространство неизмѣнными предѣловъ, для того чтобы сославивъ себѣ поня-

шіе безконечности. Пифагоръ въ глубокихъ своихъ мысляхъ о числѣ и численіи доказывалъ еще, что въ отношенія чувственныхъ понятій имѣютъ вліяніе общія отношенія времени и пространства: здѣсь - то почерпнулъ Кантъ свои формы ощущеній.

Усмащиваніе вездѣ матеріи и формы, мѣлочныя подраздѣленія съ ихъ названіями, Аристотелевы категоріи все это есть не что иное какъ старинное, первое ученіе Схоластиковъ, которое Кантъ воскресилъ и ввелъ въ свою Критику разума, а съ тѣмъ вмѣстѣ ввелъ и вовсе ненужныя тонкости съ неразлучною опѣ нихъ темнотою и настоящій мистицизмъ метафизическій, осмѣянный уже Бакономъ. Вообще, кромѣ формы силлогистической, вся Кантова метода извѣщаясь есть схоластическая, основанная на запѣйливыхъ раздѣленіяхъ, на словахъ худо опредѣленныхъ, невразумительныхъ и ни на что непохожихъ. Самое даже *ens rationis* Перипатетиковъ явилось въ сочиненіяхъ Канта подъ новымъ именемъ *Nooumenon*. Изъ ученія Схоластиковъ Кантъ выпустилъ только *качества скрытыя* (*qualitates occultae*); но за то уже самъ выдумалъ нѣчто еще худшее, а именно *absolutum*, о которомъ будетъ упомянуто ниже.

Главные положенія Каншвы состо-
ятъ вошъ въ чемъ :

Всѣ знанія наши берутъ начало свое
отъ чувствъ. Ешо есть древнее мнѣніе
Зенона, служившее основаніемъ для на-
уки Аристотеля, Локка и Кондильяка.

Чувственныя представленія суть однѣ
только тѣни, ведущія къ эмпиризму, не-
могущія дать вещамъ и мыслямъ харак-
тера достовѣрности. Ешо основное мнѣ-
ніе Идеалистовъ и Скептиковъ.

Одинъ только чистый разумъ, непри-
частный никакимъ опытомъ, есть истог-
никъ достовѣрнаго знанія. Изъ сего по-
ложенія состоитъ вся наука Догматиче-
скихъ.

Дѣленіе разума на эмпирической и
чистый, особливая привязанность къ
доводамъ а priori, опыскиваніе повсюду
умственной единицы, связующей всѣ
познанія — ешо духъ и сущность ученія
Лейбница. Кантъ все то включилъ
въ свою науку съ одною лишь разницею,
а именно: что Лейбницъ говорилъ пред-
положительно или условно о бытіи инди-
видуальномъ, то есть объ Я; то Кантъ
догматически утверждаетъ о своихъ
формахъ ощущеній : то есть, что, при-
нявъ оныя формы за врожденные, все
можно доказать и объяснить а priori.

Слѣдственно въ ученіи Каншовомъ нѣтъ ничего такого, что не принадлежало бы уже древнимъ школамъ и сектамъ. А пошому и удивляться не чему, если многіе разсмащривашели системы Канша разнымъ образомъ обличали его въ заблужденіяхъ и странностяхъ школъ древнихъ; ибо все у него найши можно, кромѣ ясноши и убѣдительныхъ доводовъ. Что до меня, я всегда науку Каншову почиалъ за *Платонизмъ*, подшипый мыслью Пиеагора, превращенный въ *догматизмъ* и залипый всѣми нечистотами *схоластицизма*. Прочитавши въ первой разѣ Канша, я почелъ было его или сашироу на разумъ чело-вѣческій и на науки осмнадцатаго столѣтія, или же за ловушку для ученыхъ, чтобы посмѣяться надъ ними; я увидѣлъ, что и въ осмнадцатомъ вѣкѣ шаринныя мысли и бредни, замаскированныя вывороченными, подновленными и искусно расположенными словами, могутъ быть приняты за мудросъ и воспламенить войну ученую. Бывши въ Германіи во время самыхъ жаркихъ перепалокъ по поводу новой науки, я находилъ шамъ людей испинно ученыхъ: они вмѣстѣ со мною забавлялись надъ симъ школьнымъ бѣснованіемъ, которое обыкновенно между

Нѣмцами (какъ бывало во времена Лейбница и Вольфа) внезапно вспыхиваетъ при спорахъ метафизическихъ, и потомъ гаснетъ безъ всякихъ послѣдствій. Но я нашелъ и мужей по справедливости славныхъ въ ученомъ свѣтѣ, которыми новая теорія вскружила голову даже до энтузіазма. Не объясняли они предлагаемыхъ имъ трудностей, возраженій; и при всемъ томъ упрямо стояли въ своихъ мысляхъ! Тогда-то я увидѣлъ, какъ сильно дѣйствуютъ слова на голову человѣческую; какъ доводятъ ее до упорства и приспрасія, надъ которыми самой разумъ неимѣетъ никакой власни, и которыя ослабляетъ одно лишь время, потомъ испребляетъ; ибо, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, тѣ же люди признали ученіе Кантовою самую вредною заразою ума человѣческаго. Вотъ почему вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность предостеречь юношество Польское отъ оной заразы; ибо, когда сіе ученіе уже и въ Германіи оказалось вреднымъ, то у насъ нанесло бы оно смертельный ударъ истинному просвѣщенію.

Не знаю, на чемъ Авторъ Замѣчній основываетъ свое показаніе, будто бы половина просвѣщенной Европы про-

славляеѡ Каншову науку; ибо нѣсколько училищъ Сѣверной Германіи я опіюдь не почту за половину Европы. Что Каншovy сочиненія переведены на Французскій языкъ и на Англійскій (ежели только дадутъ они перевести себя на какой бы языкъ ни было); такъ еѡму единственно по причиноу, что нашлись чужестранцы, которые захотѣли удовлетворить любопытству земляковъ своихъ, захотѣли дать имъ понятіе, за что именно сѣ такимъ жаромъ спорятъ и бранятся въ Германіи. А хотя бы даже и по инымъ землямъ распространилось оное ученіе и нашло себѣ послѣдователей: симъ ничего еще не доказано; ибо въ каждой странѣ есть головы и сѣ великимъ трудомъ и безъ всякаго труда вводимыя въ заблужденіе. Но ни въ одномъ чужомъ, просвѣщенномъ краю Европы Каншова наука не принята и не могла быть принятоу. Ученіе, состоящее изъ однихъ лишь словъ и вздорнаго умничанья, утвержденное на мнѣніи ложномъ, не бываетъ господствующимъ ученіемъ въ народѣ, занятомъ основательными изслѣдованіями, строго взвѣшивающемъ мысли человѣческія, усматривающемъ опъ языка шемвопы и замѣшательства, который не есть языкъ свойственнѣй истинѣ и

досповѣрности. Въ самой даже Германіи никто непокажетъ мнѣ между послѣдователями Канша ни истиннаго Геометра, ни Физика знаменитаго, то есть не покажетъ людей, приобыкшихъ къ точному и строгому порядку въ своихъ мысляхъ. Въ иныхъ опраляхъ знаній человѣческихъ ученіе Каншова находило какъ защитниковъ, такъ и противниковъ испуленныхъ; не принесши же никакой пользы, причинивши много вреда наукамъ, вскруживши множество головъ юныхъ и неопытныхъ, унизивши значительность училищъ Сѣверной Германіи, оно еще удерживается тамъ на нѣкоторыхъ кафедрахъ, называемыхъ философскими, гдѣ передѣлываютъ его и толкуютъ разнымъ образомъ для того единственно, что оно есть національное произведеніе, и по тому также, что умъ, единожды пущенный въ міръ суешныхъ ошвлеченностей, упрямо принимаетъ мечшы за мысли, мудрованіе за умствование, не легко позволяетъ навести себя на прямой и битоый путь здраваго мышленія, и то не прежде, какъ уже ознакомившись короче съ другими науками: а сія-то мнимая философія и ставилъ великія препяшства знакомству съ ними.

II.

Говоритъ, правда, Кантъ, что всѣ знанія наши берутъ начало отъ чувствъ; но онъ же говоритъ далѣе, что впечатлѣнія и образы чувственные суть только шѣни, которыя немогутъ насъ довести до истиннаго познанія вещи; ибо оно бываетъ дѣломъ только чистаго разума, заключающаго въ себѣ, такъ сказать, зародыши всѣхъ знаній; зародыши сіи предупреждаютъ всякія дѣйствія чувствъ нашихъ и вовсе не зависятъ отъ сихъ послѣднихъ. И потому каждое знаніе, или отъ самыхъ чувствъ, или отъ другаго посредствомъ же чувствъ приобрѣшеннаго знанія происходящее, и вообще имѣющее какую-либо связь съ ощущеніемъ и опытомъ, у него называется *эмпирическииъ*. Вѣдѣніе же, происходящее изъ чистаго разума, предупреждающее всѣ впечатлѣнія чувственные, есть у него *трансцендентальное*, имѣющее на своей сторонѣ *всеобщую достовѣрность* (*algemeingültigkeit*) и *необходимость* (*nothwendigkeit*), слѣдственно *достовѣрность* непоколебимую, или, какъ онъ называетъ, *аподиктическую*. Чувства не ведутъ къ ней, а только служатъ къ тому чтобы пробуждать ее и заставлятъ умъ дѣйствовать. И такъ,

несправедливо Кантъ опирается отъ врожденныхъ *понятій* Платоновыхъ и Декартовыхъ; ибо его зародыши знаній, дѣйствія чувствъ упреждающіе и современные уму, суть не что иное какъ врожденные понятія. Ни Платонъ, ни Декартъ не принимали самыхъ понятій за врожденные, а допускали только ихъ зародыши (*cognitiones virtuales*).

Взглянемъ теперь на сіи зародыши и на трансцендентальную шайну. Кантъ представляетъ себѣ *пространство* или *мѣсто* (*spatium*) и *время* (*tempus*) условіями бытія тѣлъ, и называетъ ихъ *формами* ощущеній. Въ епойшо формѣ, не чувствами приобретенной, но при рожденіи влипой въ душу нашу, все превращается въ дѣло чистаго разума, всѣ образы эмпирическіе премѣняющіяся въ трансцендентальныя: шамъ исполняется первое появленіе синтетическихъ положеній *à priori* (*); попому-то внѣшніе предметы шамъ прогають насъ и поражаютъ, что мы имѣемъ въ себѣ упомянутыя формы. Слѣдственно правду сказалъ Яноби, что Каншову науку надлежало бы называть не крипицизмомъ, а *формализмомъ* ра-

(*) Kritik der r. Vernunft 47. Pro legom. p. 53.

зума. Ученіе свое Кантъ, какъ самъ признаётся, почитаеъ и темнымъ и шруднымъ: по сей причинѣ, для объясненія онаго, написалъ пракшаъ особый, который за благо разсудилось ему назвать *Трансцендентальной Естетикою*. Кто съ головой спокойною и не-предубѣжденною станеъ читаъ сіе сочиненіе; тоъ необходимо долженъ признаться, что объяснительный пракшаъ еще темнѣе и самаго ученія.

Форма есть слово темное въ каждомъ языкѣ; ибо имѣеъ много значеній. Оно значеъ и красосу лица, и внѣшній видъ, и покрой, и сосудъ, въ которой опливающа свѣчки, шапуи и проч.; еще формою называющъ извѣстное расположеніе мыслей въ умозаключеніяхъ (*forma argumentationis*). Очевидно, что слово сіе для объясненія мешафизическихъ, и безъ того уже темныхъ понятій, вовсе негодится. Можно имѣлаъ разные изворосы во мракъ, подобно Схоласпикамъ; но предмета имѣобъяснить никакъ неможно. И у Канта форма одинъ разъ значеъ дѣйствіе души; въ другой разъ слѣдствіе правилъ, по которымъ происходиъ оно дѣйствіе; въ третій разъ понятія неотносишельныя и безусловныя; также еще какой-

по характеръ и признакъ, которыми умъ
опличаетъ впечатлѣнія, посредствомъ
чувствъ получаемыя: между тѣмъ нигдѣ
вы неначищиваете ни доказательства,
ни даже объясненія, въ чемъ состоить
онъ признакъ, когда и въ чемъ онъ
является! Въ Метифизикѣ стоить толь-
ко ввести слово худо опредѣленное, что-
бы все зашмишь, и въ то же время
обольстить неосторожную, любопыт-
ствующую понимливость. Окруженному
темнотою оку малѣйшая искра кажет-
ся свѣтомъ: на семъ - то обманъ осно-
вана вся премудрость метифизиковъ. По-
слушаемъ самаго Канта (*). Въ тѣняхъ
или чувственныхъ образахъ формою на-
зывается то, отъ чего *многообразіе въ*
предметѣ можетъ быть распредѣлено по
извѣстнымъ отношеніямъ. Но вѣдь дѣй-
ствіемъ души распредѣляется, приво-
дишся въ порядокъ многообразіе чув-
ственныхъ предметовъ по ихъ извѣ-
стнымъ отношеніямъ, или дѣйствіемъ
души все то готовится! Чтобы
распредѣлить многообразіе въ предметѣ
по извѣстнымъ отношеніямъ, или при-
готовить къ распредѣленію, для сего
потребно узнать оныя отношенія;
слѣдственно способность ощущать

(*) Кг. d. r. Vern. p. 54.

(sensibilitas) должна быть способностію *дѣйствующею*, между тѣмъ какъ по Канту она есть совершенно *страдательная* (facultas passiva): ибо все только въ себя принимаетъ, приглядывается, всматривается, а сама ничего недѣлаетъ: это какая-то Медуза, которая всѣ чувственные образы однимъ лишь *воззрѣніемъ* (anschauung) превращаетъ въ умственные. Мудрено понять, какимъ образомъ столь чудесное превращеніе, самая трудная и славная работа, производится *вовсе* недѣйствующею способностію.

Познаніе отношеній приобретается иначе какъ посредствомъ сравненія; собственно здѣсь способность ощущать исполняетъ то, что подлежитъ способности разумѣнія! Посмотримъ, не объясняетъ ли намъ ея форма ощущений, *время* и *пространство*. Что понятіе времени и пространства получаемъ посредствомъ чувствъ, въ этомъ и Кантъ признается; но онъ говоритъ, что формы ощущений суть не *такое* время и не *такое* пространство, о какихъ узнаемъ черезъ чувства, а время и пространство безъ границъ, безъ всякихъ отношеній и условій, именно *время* и *пространство абсолютныя*. Такое понятіе времени и пространства (дальше го-

воритъ Кантъ) не есть поняшіе отвлеченное (*notio abstracta*): ибо того нельзя отдѣлить отъ предмета, чего нѣтъ въ предметѣ; не есть оно и поняшіемъ общимъ (*notio generalis*): ибо сіе имѣетъ свою ограниченность; нѣтъ, оно есть поняшіе безконечности безоотносительной и безусловной, именно *absolutum*. Разберемъ сіе описаніе Кантово: время безъ границъ, то есть безъ начала и конца, есть *вѣчность*; пространство безъ границъ, безъ отношеній и условій есть *безпредѣльность*. Существо вѣчное и безпредѣльное есть не иной кпо, какъ самъ Богъ; слѣдственно форма ощущенія есть Богъ, слѣдственно мы мыслимъ въ Богѣ: и такъ въ наукѣ Кантовой видимъ замаскированное ученіе *Маллебранша*. Кантъ однакоже непринимаетъ сего ученія! Посмотримъ далѣе, въ чемъ состоитъ его наука. Чтò не имѣетъ ни предѣловъ, ни отношеній, ни условій; то превышаетъ поняшіе человеческое: ибо безоотносительное и безусловное не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо; а чтò не даетъ себя ни съ чѣмъ сравнить, то не даетъ себя и постигнуть, какъ извѣстно по обще принятому закону мышленія; слѣдственно время и пространство, какими представляешь ихъ Кантъ, суть *нцль* въ

понятіи человѣческомъ; слѣдственно и формы ощущеній, вымышленныя Кантомъ, суть нуль или ничто въ умственныхъ силахъ человѣка. А цѣлое, какъ скажу, зданіе чистаго разума, вымышленное Кантомъ, происходитъ изъ его формъ ощущеній; ибо сіи формы шворають представленія, отъ чувствъ со-всѣмъ независяція, дають бытіе синтетическимъ положеніямъ *á priori* и суть истинныя начала умственныхъ дѣйствій: и такъ, ежели сіи начала суть нуль въ понятіи человѣческомъ; то по математическимъ законамъ, къ которымъ Кантъ нерѣдко прибѣгаетъ и которыми усиливается онъ объясняя свои положенія, по законамъ, говорю, математическимъ оказывается, что весь его чистый разумъ, всѣ разума сего дѣйствія *á priori*, отъ чувствъ независяція, и вся его трансцендентальная наука есть нуль или ничто. Вотъ что вовлекаетъ насъ въ совершенный скептицизмъ! То есть, ученіе Кантово, еслибъ оно могло удержаться, доказывало бы, что умъ человѣскій ни понимаетъ ничего, ни познавать неспособенъ.

Теперь легко уже изъяснить, по чему Кантова наука *темна*, и отъ чего Кантъ въ Естествознаніи своей предла-

гаешь всякую всячину, а ничего недо-
называетъ, темныя мнѣнія свои под-
крѣпляя сужденіями еще болѣе темны-
ми; онъ чего въ приводимыхъ геомеш-
рическихъ примѣрахъ своихъ пугается
онъ и мѣшается; видишь то, чего ни одинъ
математикъ или геометръ никогда не ви-
дывалъ и не могъ видѣть; для чего въ
упомянутыхъ примѣрахъ, что называется
онъ эмпирическимъ, то и ясно, а что
выдаетъ за трансцендентальное, то и
невозвразумительно: ибо Канту мнилось,
будто бы онъ понялъ то, чего разумъ
человѣческій никакъ постигнуть не мо-
жетъ, и чего слѣдственно и другимъ
изъяснить равнымъ образомъ не воз-
можно же.

Послѣдователи Канта придержива-
ются особой логики; они говорятъ
и пишутъ: каждая вещь должна нахо-
диться въ пространствѣ и во времени,
то есть быть *гдѣ нибудь* и *когда нибудь*;
слѣдственно пространство и время суть
формы ощущеній. Въ первомъ предложе-
ніи говорится о бытіи или *существова-
ніи* вещи, во второмъ о мышленіи. Труд-
но понять, какимъ образомъ послѣднее
можно выводиться изъ перваго. Безъ вся-
каго сомнѣнія каждая вещь находится
въ пространствѣ и во времени; но
я, думая объ вещи, могу не мыслить

ни о пространствѣ, ни о времени. Каждое шло необходимо имѣетъ при измѣреніи, неопредѣльныя одно отъ другаго; но я могу занятъ быть однимъ только, могу разсматривать на немъ линию, вовсе не думая о двухъ прочихъ измѣреніяхъ, или могу разсуждать только о двухъ, разсматривая поверхность шла, и вовсе не мыслишь о прешемъ. Умъ человѣческій имѣетъ неоспоримое свойство, именно вошъ какое: въ предметъ заключающемъ въ себѣ многія качества, съ бытіемъ его неразлучныя, могу я разсматривать одно, незанимаясь другими. Когда думаю о движеніи и быспрошъ шла, то естественнo долженъ я наблюдать время и пространство; ибо то и другое имѣетъ шбснѣйшую необходимую связь съ движеніемъ. Но когда разсматриваю шло въ состояніи покоя, когда сужу о составныхъ частяхъ шла, когда хочу узнатьъ, на примѣрѣ: *квасицы* принадлежатъ ли къ солямъ? тогда не думаю ни о времени, ни о пространствѣ; ибо какъ въ семъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ни время, ни пространство, въ какомъ бы значеніи ни были приняты слова сіи, не подлежатъ моему вниманію. Какъ же можетъ быть формою мыслей моихъ то, чего совсѣмъ нѣтъ

и чего бытъ не должно въ моихъ мысляхъ? Слѣдственно Кантово мнѣніе несправедливо, именно то мнѣніе, будто во всѣ мысли теловѣческія входитъ время и пространство абсолютно, потому что каждой предметъ долженъ нисходиться въ пространствѣ и во времени.

Кантъ говоритъ, что абсолютное понятіе времени и пространства не есть отвлеченное; ибо не можно отъ предмета отдѣлить то, чего нѣтъ въ предметѣ. Но времени и пространства абсолютнаго должно искать не въ предметахъ, а въ самыхъ свойствахъ времени и пространства, чувствами постигаемыхъ. Кантъ допускаетъ же, что посредствомъ чувствъ получаемъ эмпирическое вѣдѣніе о времени и пространствахъ ограниченномъ, относительномъ и условномъ; теперь, посредствомъ обыкновеннаго отвлеченія (*abstractio*), отъ времени и пространства эмпирическаго отдѣлимъ предѣлы, всѣ отношенія и условія: останутся время и пространство почъ впрочъ такія, какія придумалъ Кантъ въ формахъ ощущеній. Для чего же слѣдственно называть вліяннымъ отъ природы *a priori* то, что умъ человѣческій можетъ сдѣлать самъ посредствомъ отвлеченія? Слѣдственно и

другое положеніе Каншова ложно, то есть будто бы формы ощущеній влиты въ насъ отъ Природы. Здѣсь Каншъ подпалъ заблужденію, которое самъ называлъ *паралогизмомъ трансцендентальнымъ*; ибо помысль ума, дѣло опвлеченія, онъ принимаетъ и выдаетъ за даръ Естества à priori.

III.

Я сказалъ въ прежнемъ своемъ сочиненіи (*): „Вотъ первое правило здравой философіи: не искай того, чѣмъ Природа сокрыла отъ нашего понятія, и чѣмъ должно быть для него вѣчною тайной. Сюда именно относятся первыя причины вещей, первое и самое отдаленное основаніе нашихъ познаній.“ Я предложилъ тамъ примѣры и доказательства, короткія правда, но по моему мнѣнію очень сильныя. Автору Замѣчаній разсудилось не внять моимъ доводамъ, пропустивъ мимо всѣ мои софѣшны, а имѣя въ виду однѣ лишь сверхъестественныя вещи, вышепреведенную мысль мою назвать *пустымъ наборомъ словъ и мертвою формулою*. Однако же мною предложено философическое правило весьма важное, котораго Каншъ не исполнилъ; ибо онъ хочетъ намъ

(*) См. В. Е. 1820 № 11, стран. 187.

объяснишь тайну: какимъ образомъ чувственные представленія превращаются въ умственные? Онъ вознамѣрился не оставивъ ни одного вопроса безъ рѣшительнаго отвѣта, слѣдственно захопѣлъ проникнуть до отдаленнѣйшаго основанія знаній нашихъ! Онъ ищетъ сей тайны въ составѣ души, которую знаемъ единственно изъ ея дѣйствій, слѣдственно изъ опыта. Вымыслилъ сверхъ того еще формы, непонятныя для ума человѣческаго и вовсе непоспимыя, и хочетъ невѣдомые намъ предметы объяснить непоспигаемыми!

Авторъ Замѣчаній приводитъ Кантову науку къ слѣдующему вопросу: *могутъ ли знанія безотносительныя, изъ разума истекающія, быть прикладываемы къ предметамъ, и какъ далеко простирается такое приложение?* Но поелику прилагаемо бытъ можетъ только то, что есть дѣйствительно; то прежде всего надлежало бы спросить вопъ о чемъ: дѣйствительно ли находятся и могутъ ли бытъ въ понятіи нашемъ такія познанія безотносительныя и безусловныя *à priori*? Кантъ допускаетъ ихъ, но ни чѣмъ того не доказываетъ; задаетъ себѣ пустые и ни къ чему ненужные вопросы: *Математика, Физика,*

Метафизика суть ли науки возможные (*scientiae possibiles*)? Ищешь основанія своему трансцендентализму: и гдѣжь находишь его? Въ гипотезѣ времени и пространства, подпертой фальшивыми положеніями, недавно показанными мною, въ гипотезѣ, ведущей умъ или къ Маллебранизму, или даже и къ совершенному скептицизму. Такимъ образомъ Кантъ хочешь вывести начало наукъ и знаній изъ того, что все знанія и науки уничтожаются и приводятъ къ нулю.

Авторъ Замѣчаній говоритъ, будто бы Кантъ мастерски рѣшилъ все задачи астрономическія: вотъ случай, при которомъ каждой астрономъ по неволѣ долженъ разсмѣяться! Астрономія, доказывая положенія свои и выкладки, не пошребуетъ никакой помощи отъ Метафизики; напротивъ, воспользовавшись ею, сдѣлала бы доказательства свои плохими и сомнительными. Изъ сочиненій Канта явствуетъ, что онъ былъ плохой физикъ и худо видѣлъ въ Математикѣ; при всемъ томъ не бѣнися толковать о сихъ наукахъ! Едва ли не общій ешо порокъ всехъ новыхъ метафизиковъ (не исключая и Кондильяка); о всехъ знаніяхъ человеческихъ, о всехъ наукахъ любятъ они толковать и бре-

дипть, часто ни въ одной изъ нихъ немѣя свѣдѣній основательныхъ.

Говоритъ Авторъ Замѣчаній, что Кантъ нанесъ смертельный ударъ Метифизикѣ, между тѣмъ какъ и вся наука его есть не что болѣе какъ та же Метифизика, начиненная самыми запѣйливыми старыми тонкостями; это *психологическій* прахшанъ, принадлежащій къ Метифизикѣ, которую Кантъ предпринялъ вознести до степени науки точной. Онъ наполнилъ ее многими науками, которыя называлъ Греческими именами, но которыя опъ того никакъ не сдѣлались науками. Но Кантъ имѣлъ въ виду другую цѣль главную: сочиняя свой *трансцендентализмъ*, онъ хотѣлъ учредить *цензуръ* на разумъ человека; предположилъ себѣ открыть и показать *камень пробный*, для испытанія всѣхъ знаній человеческихъ. Огромное предпріяте! Оно однакожъ кончилось тѣмъ, чѣмъ и надлежало ему кончиться, а именно: превратилось въ исканіе философскаго камня.

Я написалъ въ сочиненіи своемъ о Философіи: „благоразумно ли спрашивать: какъ и почему опъ внѣшнихъ предметовъ рождаются въ душѣ раз-

„ныя понятія и свѣдѣнія (*)?“ Авторъ замѣчаній требуетъ, чтобы я доказалъ, въ чемъ состоитъ неблагоразуміе такого вопроса; но я думаю, что Кантъ, а не читатели его, долженъ былъ доказывать, что вопросъ годится. Кто взялъ на себя трудъ объяснить всю тайну, и такъ назову, весь механизмъ мышленія; тогда самъ прежде всего долженъ былъ рѣшить оное возраженіе, долженъ былъ вразумить насъ: какимъ образомъ чувства приводятъ въ движеніе существо невещественное? какъ душа смогла сама въ себя и изъ влилыхъ зародышей вывести свои синтетическія положенія? какъ чувства, давъ начало мышленію, служа ему и помогая, совсѣмъ не участвуя въ дѣйствіяхъ способности мысли? Трудности сіи пробѣгаетъ Кантъ, прямо по метафизически (**), то есть не объяснивши ихъ и ничего недоказавши. Кажется, я имѣлъ причину оный вопросъ назвать неблагоразумнымъ; ибо, по моему мнѣнію, чтобы опровергать на него удовлетворительно, потребно было бы знать нашу и составъ (konstytucja) души человеческой, потребно было бы постигнуть оное

(*) См. тамъ же стр. 188.

(**) Kr. d. r. V. p. 68, 427.

сильное и вмѣстѣ чудесное вліяніе, какое имѣетъ шло на существо безшлечное, на душу, и наоборотъ душа на шло; но ешо было, ешь и навсегда останется таинствомъ недовѣдомымъ для человѣка. И благоразумно ли въ самомъ дѣлѣ напрягать всѣ свои силы, дабы познать и объяснить шо, къ познанію и объясненію чего никакихъ средствъ не дано человѣку, — шого, чего въ продолженіе многихъ вѣковъ умъ его не могъ донинѣ поспигнуть, — шого, что навлекло спрочайшую кару за нескромное любопытство человѣческое? На дальнемъ пути сихъ изысканій истина убѣгаетъ отъ человѣка, и оставляеъ плачевныя заблужденія оставалась ему въ награду за усилія безплодныя. На семъ поприщѣ опасностей Наншъ былъ несчастнѣе своихъ предшественниковъ; ибо въ себѣ одномъ соединилъ всѣ ихъ заблужденія, какъ шо и доказали ему Дежерандо и Якоби.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Судъ надъ оскорбителемъ достоинства Французской Академіи.

Лепажъ, одинъ изъ хозяевъ и редакторовъ Парижскаго журнала *Вѣстника Зрѣлищъ*, попребованъ въ опвѣшу за написанную имъ сшашью, оскорбительную для чести и достоинства Французской Академіи. Сшашья сочинена была по поводу выбора на убылыя мѣсна новыхъ Членовъ. Изъ уваженія въ симъ почтеннымъ особамъ (въ числѣ кошорыхъ находится и бывший Аббатъ Фрейссину, нынѣ Епископъ Гермапольскій, главный начальникъ Парижскаго Университета) докладчикъ суда неупомянулъ обѣ ихъ имени.

Мѣсто, за которое Лепажъ подвергъ себя взысканію, состоишь изъ слѣдующаго содержанія:

„Теперь, когда правая сторона Академіи ознаменовала ничтожность свою споль же слѣдственными выборами, желатель-

но знать, не соединялись ли авторы, какой бы впрочем ни были они партии, — несоединялись ли союзом общего презрѣнія къ такому корпусу, который посрамляетъ честь словесности и проч.

Должно знать, что Лепажъ судомъ первой инстанціи уже приговоренъ былъ по сему же дѣлу просидѣть осмнадцать дней въ тюрьмѣ и заплатить пѣни 200 франковъ.

Въ высшемъ судилищѣ (Cour d'assises de Paris), куда подана Лепажемъ апелляціонная прозьба, г. Бервиль, защитникъ подсудимаго, доказывалъ сперва, что лишптерашурныя оскорбленія сего рода были упошребительны во всѣ времена, конечно вопреки справедливости; но онѣ однакоже никогда не подвергались преслѣдованію судебной власти. Сверхъ того, Члены суда первой инстанціи весьма ошибочно сослались на законъ, по которому должно наказывать единствен-но за оскорбленія и обиды, наносимыя присущственнымъ мѣстамъ, судилищамъ и другимъ корпусамъ учрежденнымъ (corps constitués), къ числу коихъ Академія ошнудъ не принадлежишь. Академія есть не иное что какъ общество уче-

ныхъ. Въ своемъ же Словарѣ вошъ такими терминами она сама себя опредѣляетъ: „Академія. Общество людей, соединившихся для упражненія въ словесности, наукахъ и художествахъ изящныхъ.“

Но Французская Академія, скажутъ есть *цѣренное* мѣсто, потому что она *вновь цѣрена* повелѣніемъ 1816 года, гдѣ именно употреблено сіе выраженіе. Ето, по словамъ адвоката, одна лишь игра словъ; ибо въ прошивномъ случаѣ о булочникахъ, мясникахъ и прочихъ торговцахъ, коихъ деи существуютъ сообразно постановленіямъ, сказать бы можно, что они также *цѣренные* корпусы! Но что говорю я? и каждой человѣкъ въ особенности можетъ называть себя составленнымъ корпусомъ (*un corps constitué*); ибо мы ежедневно говоримъ: составъ тѣла, корпуса человеческого (*la constitution du corps humain*)!!!

Юный адвокатъ симъ потчасъ замѣтилъ, что зашѣливая игра его словъ неполюбилась публикѣ, и незамедлилъ прибѣгнуть къ другому средству спасти своего кліента: началъ ссылаться на эпиграммы Буало противъ Французской Академіи, которую называлъ *Поешь* собра-

ніемъ шишковатыхъ подсолнечниковъ (toripambaux), хотя и самъ онъ былъ членомъ той же Академіи.

Г. Брое, главный адвокатъ: „Вамъ сказали правду, что позволяется разсуждать объ актахъ публичныхъ; надобно однакоже, чтобы сужденія не переходили за предѣлы закона. И такъ ясно, что можно разсуждать и о принятіи въ Члены какого-либо ученаго общества; но съ правомъ неодобрять опіию не соединено право оскорблять съ такою дерзостію, какую видѣли вы въ снапѣ, подвергнувшей Лепажа опіиу.“ (Въ слѣдъ за симъ доказывалъ г. Брое, что Академія есть мѣсто дѣйствительно учрежденное правительствомъ, на что приводилъ и существующіе законы.)

„Нѣкоторые люди усиливаются подвергать презрѣнію всѣ публичные акты, въ которыхъ говорится о защитникахъ религіи и законности. Такого же рода несправедливое сужденіе преслѣдуемъ нынѣ и мы, сужденіе порицательное о вѣнѣ Хрістіанскихъ храмовъ нашихъ, коего дарованія спараются унизишь. Ахъ, милосшивые государи! еслибъ ревностнѣйшія усилія сего благочеснаго аплаша имѣли когда-либо цѣлью знамени-

шость и суешную славу здѣшняго міра, по какою наградою, какимъ возмездіемъ за обиду служили бы ему уваженіе и удивленіе, коими давно уже преисполнены къ нему сердца людей благонамѣренныхъ и честныхъ! Но не будемъ оспаваться въ заблужденіи: нападающъ не на выспренній, всѣми признанный палантъ его, а на самую религію, коея онъ есть вѣрный служитель и всегда мощный защитникъ. Подобныя нападенія служатъ къ чести тѣхъ, противъ которыхъ онъ предпринимающъ; ибо свидѣтельствуютъ и о заслугахъ ихъ и объ ихъ славѣ.

„Вамъ должно разсудить, до какой степени просираваться могутъ права кришки липпературной, равно какъ и о томъ, коликаго уваженія достоинъ такой почтенный корпусъ; какимъ есть Академія. Въ этомъ полагаемся на ваше благоразуміе.“

Высшій судъ подтвердилъ рѣшеніе первой инстанціи, и сверхъ того еще приговорилъ съ остроумнаго Лепажавзыскать штрафъ за апелляцію и все что слѣдуетъ на издержки за производство рѣшеннаго дѣла.

(Сокращ. изъ *Journ. d. Déb.*)

С М Ъ С Ъ.

На Иркутскіе вопросы.

Искренній почишатель ученыхъ произведеній П. А. Словцова, читавшій съ великимъ удовольствіемъ краснорѣчивую спашью его о политическихъ изверженіяхъ Средней Азіи (*), осмѣливается предложить нѣсколько замѣчаній, относящихся къ Иркутскимъ его вопросамъ (**).

*

Между пустынными пространствами Киргизъ-Кайсацкой степи, на пути каравановъ, проходящихъ изъ Бухаріи въ Оренбургъ, по сую сторону рѣки Сыръ-Дарьи (Jaxartes) есть урочище, именуемое *Кара-Куль*. Оно состоитъ изъ пещаной и безплодной полосы, которую войска наши въ 1820 году перешли, помнишь, въ два марша. *Кара-Куль* на языкѣ Киргизовъ значитъ: черныи песокъ; но какъ песокъ шамошней

(*) Тѣнь Чингисхана В. Е. 1822 No 17.

(**) См. В. Е. тотъ же No и слѣдующій.

спраны весьма обыкновеннаго, ни мало не чернаго цвѣта; по очевидно, что слово сіе можешъ имѣть иное значеніе. И такъ нынѣшній *Кара-Куль* не обязанъ ли названіемъ своимъ древнему *Хара-Куль*? не на семъ ли самомъ мѣстѣ существовала столица Хана Шейбани? Въ окрестности находясь развалины древнихъ зданій, которыя говорятъ въ пользу сего мнѣнія; но опровергаешь оное можешъ настоящимъ видѣ сей мершвой пустыни, лишенной всякаго органическаго бытія и слѣдственно неспособной къ обитанію. Однакожь возраженіе сіе пошлаетъ свою силу, если припомнишь, что нынѣ вся степь Киргизская болѣе или менѣе подобна такой же пустынѣ; но что нѣкогда она обитаема была народомъ домо-спроишельнымъ и промышленнымъ (*); что посреди такихъ же бесплодныхъ степей процвѣпаютъ и въ наши дни многочисленные торговые города Ташарскіе: Бухара, Хива и проч.; и что перво-

(*) Въ 1815 году самъ я видѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ каменныхъ развалинъ, весьма глубокія древнія рудокопни въ срединѣ Киргизской степи; въ разстояніи 800 верстъ отъ ближайшихъ предѣловъ Россіи, въ спранѣ, которая ужасаетъ физическою своею бѣдностію. Г.

бышное состояніе сихъ земель могло не походить ни мало на шеперешнее; ибо измѣненіямъ Природы и климатовъ мы видимъ явные примѣры и въ наше время (*). Такимъ образомъ возможно, что и безплодная полоса Каракумскихъ пе-

(*) Мѣстоположеніе Оренбурга имѣетъ всю фізіономію степей Киргизскихъ, на краю которыхъ сей городъ находится: та же песчаная или глинистая почва, та же плоскость ровная и сухая, лишняя вода и распъный. Но старожилы, поселившіеся тутъ при начальномъ устройствѣ города, еще запомнятъ непроходимые лѣса въ окрестностяхъ; они говорятъ: „здѣсь были сосновыя и еловыя рощи; здѣсь рѣчка впадала въ Уралъ; тамъ стояло озеро.“ Теперь нѣтъ и слѣдовъ ихъ. Самый Уралъ годъ отъ году мѣлѣетъ и высыхаетъ; а въ степи видѣлъ я весьма широкое русло рѣки *Ялалы-Турга*, посреди котораго по струилась самая тонкая нить воды, по нѣтъ ни капли, по осталось нѣсколько ямъ, наполненныхъ водою мутною и испорченною, и въ немногихъ только мѣстахъ видны настоящіе остатки сей бывшей рѣки, покрывающіе рѣчное дно, едва по колено лошади; между тѣмъ какъ луговой берегъ возвышается на нѣсколько аршинъ, а противоположный на нѣсколько саженой. Вотъ новое свидѣтельство, что Природа старѣется также какъ и живыя ея творенія, и что присутствіе сихъ послѣднихъ преобразуетъ наружную видъ ея. Г.

сновѣ, въ оныя времена, не была ша-
новою, какъ представляется нынѣ.

*

Между городами Малой Бухаріи, сей
многолюдной и цвѣтущей обласпи Ки-
шайской Имперіи, встрѣчается въ спра-
вѣ Кашгара, Хошона, Турфана, городъ
Аксу. Не правильнѣ ли здѣсь (а не на
Ононѣ) искашь пѣхъ древнихъ Хановъ,
которыя по удаленіи Турковъ изъ пре-
дѣловъ Алтайскихъ обратились съ да-
рами своими къ Кишаю?

Сочинитель сей сшапши, который
неимѣетъ никакой доли поѣ учености
и пѣхъ дарованій, какія признаетъ въ
почтенномъ П. А. Словцовѣ, не рѣ-
шился бы представитъ ему своихъ со-
мнѣній, еслибъ не желалъ, чрезъ сооб-
щеніе оныхъ, дать ему поводъ къ даль-
нѣйшимъ его соображеніямъ и любопыш-
нымъ изысканіямъ.

Германъ.

Ливны.

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Вопль чиню пишуть о побудишельныхъ причинахъ къ важнымъ происшествіямъ, воспослѣдовавшимъ въ Мадридѣ 7 числа минувшаго Іюля. „Люди умѣренныхъ правилъ, желая найсти средину между обѣими партіями испугленныхъ, вознамѣрились было ввести конституцію подобную Англійской, Верхнюю и Нижнюю Палаты и т. д. Системъ сей благопріятствовали Министры Мартинецъ де ла Роза и Генераль Морилло, и положено было, чтобы гвардія, впрочемъ безъ всякаго кровопролитія, помогла произвести въ дѣйство предположенную перемѣну. Министры въ тотъ же день собрались во дворцѣ Королевскомъ для совѣщаній о благоуспѣшномъ, немедленномъ исполненіи; но лишь только разнеслась во дворцѣ молва о приближающейся гвардіи, вдругъ нѣсколько особъ, въ числѣ которыхъ находились Князь Инфантадо, Князь Каспро Торренось и Бригадиръ Геронъ, согласились между собою воспользоваться случаемъ и возстановить прежнюю систему. Министры взяты были подъ стражу. Генераль Морилло увидѣвъ измѣну, привелъ милицію и ударилъ съ нею на гвардію, которая стояла въ разныхъ мѣстахъ раздѣленная, не получая никакихъ повелѣній. Послѣдствія сего дѣла извѣстны. Кормиломъ правленія овладѣли самые жаркіе приверженцы конституціи, и Морилло не могъ осмѣиваться долѣе на своемъ мѣстѣ.“

— Король и Королевская фамилія иногда выѣзжающъ прогуливались въ Прадо.

Нынѣ совсѣмъ уже переспали говорить о предполагаемомъ путешествіи Королевы въ Саксонію; ибо здоровье сей Государыни почти совершенно возстановилось.

— Новѣйшія извѣстія изъ Мадрида гораздо благоприятнѣе прежнихъ. Тамъ стараются о примиреніи враждующихъ партей, чтобы со временемъ сдѣлать необходимыя въ конституціи перемѣны. О введеніи иностранныхъ войскъ въ Испанію говорятъ различнымъ образомъ; кажется однакоже, что въ сей опасной мѣрѣ не представится никакой надобности.

— Конституціонный Генераль Мина дѣйствуетъ удачно. Онъ вступилъ въ Багауеръ, и Сео - Ургельское правительство нашлось принужденнымъ перейти въ Пюицерду. Вообще дѣла роялистовъ идутъ не съ желаемымъ успѣхомъ: Генераль Квезада, разбитый въ долину Лосъ - Аркосъ, убѣжалъ во Францію (теперь онъ въ Парижѣ), а опрядъ нѣкогда грознаго Мерина истребленъ совершенно.

— Князь Инфантадо, которому надлежало изъ Корунны отправиться на островъ Ивису, спасся бѣгствомъ отъ своего заоченія. Онъ прибылъ въ Англію.

Ф р а н ц і я.

Въ успѣхъ продолжающихся выборовъ упомянутая внутренними безпорядками Франція видитъ вѣрный залогъ будущаго своего благоденствія, съ чѣмъ заблаговременно уже и поздравляютъ ее Англійскіе

журналы. Донынѣ въ члены Депутатской Палаты избраны почти одни лишь роялисты, извѣстные своими добрыми правилами. Три только депутата принадлежатъ къ проливной партіи: Лафайетъ, Манюель и Кератри. Они могутъ шумѣть сколько заблагоразсудятъ; но большинство голосовъ оспавался будетъ всегда на сторонѣ благомыслящихъ.

— Съ нѣкотораго времени въ Парижѣ происходятъ частныя, весьма значительныя перемѣны въ денежномъ курсѣ, смотря по большей или меньшей вѣроятности слуховъ касательно войны между Франціею и Испаніей. Слухи сіи распускались расчетистыми барышниками, пока необъявлено оспъ правительства, что войны никакой небудетъ.

— Подлицейской Судъ рѣшилъ дѣло Бенжамена - Конспана. Безпокойный депутатъ сей сколько ни предспавлялъ, сколько ни доказывалъ, что судить его нельзя безъ вѣдома Палаты, сколь краснорѣчиво ни защищалъ свою особу; но Судъ, не смотря ни на что, приговорилъ продержатъ г-на Конспана цѣлой мѣсяцъ въ тюрьмѣ, и взыскать съ него же 500 франковъ пени и всѣ издержки процесса.

А н г л і я.

Къ Королю въ Брайтонъ весьма нерѣдко приѣзжаютъ Министры для совѣщаній. Въ Лондонскихъ журналахъ пишутъ объ ожидаемыхъ какихъ-то важныхъ политическихъ событіяхъ, заключая не только

по безпрестаннымъ конференціямъ, но и по необыкновеннымъ приготовленіямъ для скорѣйшаго сообщенія между Брайтономъ и Лондономъ. Учреждены многія станціи, и государственные курьеры безпрестанно ѣздящъ съ депешами въ оба цупи.

— Англія, какъ сказывающъ, прѣбывала отъ Испаніи, чѣобы она отдала ей Гаванну, главный городъ острова Кубы, и для сего недавно отправлена туда эскадра. Тамошняя гавань почитается ключемъ Мексики, и доселѣ всегда прѣбывала вѣрною Испаніи.

— Гуншъ, выйдѣвши свое время въ пюрмъ, возвратился на демагогическое поприще. Онъ торжественно вѣхалъ въ Лондонъ при громкихъ рукоплесканіяхъ и вопляхъ черни; потомъ обѣдалъ въ практирѣ съ прѣмъ спами своихъ пріятелей; на конецъ за прѣхлѣпное молчаніе вознаградила себя ораторскою рѣчью, которую произнесъ рѣчью съ практирнаго балкона.

И т а л і я.

Совѣщанія на Конгрессѣ продолжаются. Присутствіе въ Веронѣ Ерцгерцогини Пармской дало поводъ къ возобновленію слуховъ о предполагаемомъ будто бы супружествѣ Ея Высочества съ однимъ изъ Великихъ Монарховъ. — Его В-во Король Прусскій, приѣхавши въ Римъ, обозрѣвалъ церковь Св. Петра, гору Яникуль, Колизей, Капитолію, а на другой день посѣтилъ Папу. Прибывшіе депутаты изъ Греціи живутъ недалеко отъ Вероны, именно въ Ровередо;

гдѣ занимаються они сочиненіемъ записки, копорую должны предсавить Конгрессу.

— Нынѣшнее изверженіе Везувія уподобляють тому, опъ копорого погибъ Старшій Плиній. Въ концѣ минувшаго Октябрия лава пекла въ разныя спороны, вылетавшіе изъ жерла камни падали въ распояніи на одинъ часъ пужи; въ Неаполь ложилась густая зола, опъ копорой надлежало защищаться парасолемъ; самая даже вершина горы обрушилась въ бездонную пропасть.

Т у р ц и я.

Куршидъ Паша, оставленный Албанскими начальниками, неможеть держаться въ Лариссѣ. Въ Артъ Албанцы также взбунтовались прошивъ Паши, и взяли въ плѣнь его семейство. Князь Маврокордапо, примиривъ Сульоповъ съ Греками, преклонилъ и Албанцевъ къ примиренію. Греки могутъ опъ того ожидать самыхъ важныхъ послѣдствій. Паша Артскій, услышавъ объ отпадѣніи Албанцевъ, предложилъ Грекамъ перемиріе. Между тѣмъ Маврокордапо, находясь въ Епирѣ, усиливаетъ армію свою новыми войсками. Извѣстно также, что онъ совершенно прервалъ сообщеніе между Янниною и Лариссою.

— О взятіи у Турковъ нѣкоторыхъ крѣпостей прежнія извѣстія были слишкомъ поспѣшны. Переговоры съ Турецкимъ Комендантомъ Наполи ди Романіи хотя и продолжались; однакожь сдачи еще не воспослѣдовало. Впрочемъ крѣпости сія долго держаться не можеть. Патрасъ блокируеться; но

блокирующій Греческій корпусъ, по малочисленности своей и по недостатку военныхъ орудій, не можетъ напасть на сію крѣпость. Коронъ и Модонъ все еще находятся въ прежнемъ положеніи, по естъ во власти Турковъ.

— По новѣйшимъ слухамъ, Греки на островѣ Кандіи одержали важныя побѣды. Опшуда получаютъ подтвердительныя извѣстія о сдачѣ крѣпости Канеи Грекамъ.

— Бывшее прошлаго Августа въ Сиріи землетрясеніе сопровождалось ужасными обстоятельствомъ и имѣло самыя плачевныя слѣдствія. Двадцать тысячъ человѣкъ въ одномъ Алеппѣ погребены подъ развалинами города; Лаодикея, Антіохія, Александретта, Бейланъ и всѣ между ними находившіяся деревни; также весьма много поперпѣли отъ сего землетрясенія, которое простиралось на 60 миль въ окружности. При Антіохіи разступившаяся земля извергнула изъ себя пламя и лаву. Въ Александреттѣ излившаяся изъ земли черная вода потопила дома, кои еще не были разрушены землетрясеніемъ.

Вратія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Одинъ путешественникъ, посѣщавшій въ Индіи находящійся въ двухъ съ половиною миляхъ отъ Бомбей древній подземный храмъ въ Кенери съ принадлежащими къ нему многими сотнями высѣченныхъ въ огромной горѣ комнатъ, утверждаетъ, что всѣ сіи сооруженія должны бытъ по крайней мѣрѣ современными Елефантинскому храму. Достошно примѣчанія, что внутреннія спѣсны келлій покрыты изображеніями, конечно весьма испортившимися, но въ которыхъ легко распознать можно людей, по *физиономіи лица* и по *куртавой головѣ* очень похожихъ на Каффровъ; а такихъ людей нынѣ вовсе нѣтъ на Остѣ-Индійскомъ полуостровѣ. Рисовки же въ сихъ изображеніяхъ алфреско, равно какъ и на многихъ рельефахъ, которыми покрыты спѣсны другихъ келлій, вообще очень правильны.

— Въ Австрійскомъ Наблюдателѣ описана церемонія, съ какою допущень былъ новый Импернунціусъ на аудіенцію къ Турецкому Султану. Изъ описанія видно, что чиновнику сему оказано было при Турецкомъ Дворѣ опличное, донынѣ неслыхан-

ное уваженіе. Передъ первыми ворошами дворца новый Посланникъ дожидался Великаго Визиря не полчася, какъ бывало прежде, а лишь *нѣсколько минутъ*; при вторыхъ ворошахъ то же не полчася, а *только пять минутъ*. Потомъ Интернунціусъ; сидя на шабуретѣ, смотрѣлъ при четверти часа на раздачу жалованья янычарамъ, а тамъ бывше два часа имѣлъ полную свободу гулять по двору. Тутъ опять цѣлой часъ смотрѣлъ онъ, какъ раздавали деньги. Послѣ сего надобно было сѣсть за обѣдь, которой состоялъ изъ тридцати блюдъ и въ продолженіе котораго изъ внушенности Сераля принесено было одно блюдо, приправленное мускусомъ и амброю. Великій Визирь поцѣловалъ сію драгоценную яству и воскликнулъ къ Интернунціусу понямецки: *gut, gut!* Передъ прѣшыми ворошами посланникъ сидѣлъ не на проклятой палачевой скамейкѣ, а на поставленномъ шабуретѣ, и дожидался не полчася, а *нѣсколько минутъ*. Здѣсь розданы были почешныя шубы. Спустя одну четверть часа, Великій Визирь прошелъ мимо, а спустя еще столько же времени, Посланникъ введенъ къ Султану. При семъ замѣнить должно, что Капиджи-Баши держали его не за руки, а только за края шубы. Султанъ мановеніемъ своимъ дозволилъ Интер-

нунціусу приблизиться къ престолю, и когда ей Посланникъ прочиталъ привѣтствіе свое на Турецкомъ языкѣ; то Монархъ, къ изумленію всѣхъ присутствующихъ, опивчалъ самъ: *девлетейнъ бейнинъ де оланъ гюббъ улусафатъ беръ караръ олупъ* и проч. Потомъ далъ знакъ Визирю, чѣобы онъ распространить и дополнилъ сіе привѣтствіе. Но Визирь, потерявъ голову отъ изумленія, не могъ выговорить ниже одного слова, хотя Султанъ два раза ему повѣпорилъ свое: *девлетейнъ бейнинъ де оланъ* и пр. Другіе сановники были также въ превеликомъ замѣшательствѣ, и не брали изъ рукъ Посланника вѣрительной граматы, пока Султанъ не подалъ знака движеніемъ головы своей. Турецкій Государь собственною рукою прикоснулся къ граматѣ, взглянулъ въ *третій разъ* на Импернунціуса и опустилъ его. Будетъ внесено въ лѣтописи Имперіи, что Султанъ самъ говорилъ къ Посланнику и удостоилъ прикраснымъ возрѣніемъ сего счастливаго дипломата.

Къ извлеченію изъ записки о поѣздкѣ въ Пронскъ и Кайдаково, не лишнимъ почитаемъ, прибавить слѣдующее: „Въ недавно выгорѣвшихъ мѣстахъ попадаются особеннаго вида селениповыя или (можетъ быть инаго рода) друзы, слабо держащіеся въ шурфѣ. Друзы представляющія

полупрозрачными, сверкающими, составленными изъ дощечекъ, по безпорядочно другъ къ другу прилегающихъ, по образующихъ звѣздочки и проч. Иногда попадались кристаллы и друзы; отдѣльные кристаллы находятся какъ въ буромъ зернистомъ, такъ и деревянистомъ шурфѣ.

„Подобныя пожарища въ Рязанской Губерніи нѣрѣдки. Вотъ гдѣ именно горѣлъ шурфъ: въ Пронскомъ уѣздѣ, близъ села Чулкова, отъ Пронска въ 5 верстахъ, въ селеніи Егольниковыхъ, помѣстьѣ Ивана Михайловича Ташаринова; въ Скопинскомъ уѣздѣ, близъ села Ильинскаго, Демянчина; въ Михайловскомъ уѣздѣ между Новопанскимъ и Субботиннымъ, въ селѣ Липовкѣ; въ Рязанскомъ уѣздѣ близъ села Микуличъ. Иногда сіи горѣнія продолжались по году и болѣе, и прекращались только отъ воды весенней или осенней. Вообще горѣніе происходило въ мѣстахъ низменныхъ, гдѣ прежде были болота. Берега Павловки, отъ самаго ея источника, состоятъ изъ шурфа. По словамъ старожиловъ, болота, изъ которыхъ оная рѣка беретъ свое начало, равно и выгонъ села Кайдакова были покрыты большимъ лѣсомъ. Теперь на правомъ берегу Павловки находятся только березовой и орѣховой кустарники и шурфъ.

„Рязанская Гимназія въ своемъ Кабинетѣ естественныхъ произведеній хранитъ одинъ слоновый клыкъ, найденный въ берегахъ Павловки, гдѣ уже не разъ попадались подобныя остатки животнаго царства отъ вѣковъ давно минувшихъ.“

Романсѣ изъ Оперы :

Aladin ou La lampe merveilleuse ()*:

Pour noble Princesse
Un pauvre pêcheur
Porte dans son cœur
Amoureuse ivresse,
Espoir de retour
Ne peut le séduire,
Pourtant il soupire
La nuit et le jour!

✱

Vers ces lieux s'avance
Un grand souverain,
Et tu dois demain
Être en sa puissance
Las à mon amour,
Je te vois ravie,
Ah! c'est de ma vie
Le dernier beau jour!

✱

Noble souveraine!
Tu vois mon tourment
Parais un moment
Pour calmer ma peine
Donne à mon amour,
Un léger sourire
Que je puisse dire:
Encore un beau jour!

(*) Музыка къ нему при концѣ сей книжки.

О б ъ я в л е н і я.

I.

Открылась подписка на Вѣстникъ Европы для будущаго 1823 года, составляемый *Михаиломъ Катеновскимъ*, Ординарнымъ Профессоромъ, Докторомъ Философіи, Членомъ Императорской Россійской Академіи и другихъ Ученыхъ Обществъ.

Въ семъ, уже многіе годы безостановочно продолжающемся и благосклоннаго вниманія публики удостоенномъ, изданіи будуще помѣщаемы, съ наблюденіемъ отчасу болѣе строгаго выбора, изъ разныхъ журналовъ и книгъ переводимыя статьи, соотвѣтствующія ожиданію благомыслящихъ любителей чтенія приятнаго и полезнаго. Впрочемъ изъ Вѣстника Европы не исключаются и Русскія сочиненія.

Вниманіе Редактора съ сего времени особенно будетъ обращено на предметы, входящіе въ составъ Исторіи и Статистики Государства Россійскаго; на древнюю и новую Словесность нашего и прочихъ Славянскихъ языковъ; на дѣянія и обычаи народовъ; на племенныхъ. Сверхъ того Редакторъ поставитъ себѣ долгомъ, по мѣрѣ возможности, сообщать Публикѣ достойныя

любопытства свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ извѣстнѣйшихъ писателей въ Европѣ и о важныхъ явленіяхъ въ Липшерапурѣ. На сей конецъ выписывается достаточное количество иностранныхъ и внутреннихъ періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, и предназначается немалая сумма на покупку новѣйшихъ книгъ, для извлеченія изъ нихъ того, что будетъ признано за лучшее. Типографія принимаетъ на себя издержки на изготовленіе гравированныхъ картинокъ, или, вмѣсто ихъ, описковъ съ ногами, чертежами, съ изображеніями людей знаменитыхъ, рѣдкихъ предметовъ природы и искусства; ихъ находится будетъ при годовомъ изданіи не менѣе шести, полагая по одной картинкѣ на каждую Часъ Вѣстника Европы. Номеръ, или книжка, будетъ состоять изъ разныхъ Отдѣленій, кои должны вмѣщать въ себя статьи приличнаго содержанія. Матеріи предназначаются слѣдующія: I. Изящная словесность. *Проза*: рѣчи, повѣсти, разговоры, описанія, историческія сочиненія, ошривки, письма, характеры; *Стихи*: оды, посланія, басни, пѣсни, элегіи, еклоги, эпиграммы, ошривки. II. Изящныя Искусства, Науки и Литтература. Сочиненія до Изящныхъ ис-

искусствъ, до Свободныхъ и Словесныхъ наукъ относящіяся и содержащія въ себѣ разысканія, наблюденія, правила, или наконецъ критическія замѣчанія по предметамъ Словесности, Литературы и Художествъ. III. Современная Исторія. Описанія происшествій, посредственно или непосредственно относящихся къ нынѣшнему времени, разсужденія, замѣчанія, узаконенія, акты и проч.. (При выборѣ статей для сего Отдѣленія предположено не упускать новостей занимательныхъ, но и не повторять того, что помѣщено уже въ другихъ изданіяхъ.) IV. Смѣсь. Любопытныя или забавныя анекдоты, остроумныя изреченія, мысли и прочія мѣлкия сочиненія; записки, внутреннія и заграничныя извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ, выписки, извѣстія и замѣчанія. (И въ семъ Отдѣленіи равнымъ образомъ предположено, пользуясь новѣйшими извѣстіями, избѣгать длинныхъ, утомительныхъ повтореній о событіяхъ, не влекущихъ за собою никакихъ послѣдствій историческихъ, а тѣмъ еще болѣе о маловажныхъ предметахъ.) Впрочемъ статьи сего Журнала помѣщаются будучи въ такомъ порядкѣ, какой признается удобнѣйшимъ при составленіи

каждой книжки. Въ мѣсяцѣ выходить по два Нумера, не менѣе 80 страницъ каждый; чепыре Нумера составляютъ Часты, а шесть такихъ Частей годовое изданіе.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Коншорѣ Университетской Типографіи, на валу между Дмишровкою и Пешровкою, также въ Почтѣ - Амсахъ и въ Почтовыхъ Коншорахъ. Цѣна за годовое изданіе для получающихъ здѣсь 20 руб., а съ пересылкою въ другіе города 23 рубли.

3.

Журналь: *Благонамѣренный*, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1823 году, только не по одной книжкѣ въ недѣлю, какъ нынѣ, а по двѣ въ мѣсяцъ, какъ то уже было въ 1819, 1820 и 1821 годахъ. Еженедѣльное изданіе *Литтературнаго* и съ тѣмъ вмѣстѣ *критическаго Журнала* сопряжено съ весьма большими затрудненіями и неудобствами: издавая маленькія книжки, по два только съ половиною печатныхъ листа, не возможно не раздроблять въ нихъ многихъ занимательныхъ и любопытныхъ спашей, которыя всякой желалъ бы прочесть вдругъ, а не въ два, или въ три раза, и сохранилъ разнообразіе въ предметахъ, составляющее главное достоинство всѣхъ вообще періодическихъ сочиненій. При томъ по необходимости печатающіяся иногда въ *недѣльномъ Литтературномъ Журналь* такія піесы, особенно стихотворенія, которыя неизвѣсти-

тельно было бы помещать въ двунедѣльномъ, или ежемѣсячномъ изданіи.

И такъ вмѣсто маленькихъ книжекъ по $2\frac{1}{2}$ печатныхъ листа, выходящихъ нѣтъ еженедѣльно, нижеподписавшійся спланеетъ издавать съ наступающаго 1825 года по два нумера въ мѣсяцъ (1 го и 15 го ч. непременно), и каждый нумеръ, или книжка заключающъ будетъ въ себѣ пять печатныхъ листовъ, или 80 страницъ. Шестъ нумеровъ составитъ Часть, а 24 полное годовое изданіе.

Для Журнала *Благонаимѣренный* на 1823 годъ предназначаются слѣдующія отдѣленія:

I. Изящная Словесность.

Стихотворенія, какъ то: Оды, Посланія, Елегіи, Идилліи, Сказки, Басни, пѣсни, Романы, Епиграммы и стихотворные отрывки. *Проза*: Рѣчи, разговоры, небольшія драматическія сочиненія, живописныя путешествія, повѣсти, отрывки изъ романовъ, также переводы образцовыхъ басенъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ иностранныхъ фабулистовъ.

II. Литтература, Науки и Художества.

Теорія Словесности, Наукъ и художествъ — Разсужденія о предметахъ по всемъ симъ премъ часпямъ, невыходящихъ изъ сферы познаній всякаго образованнаго человека.

III. Критика.

Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, также замѣчанія на всѣ вообще басни лучшихъ опечиственныхъ баснописцевъ.

IV. Библіографія.

Извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ Русскихъ книгахъ, съ краткими на нѣкоторыя изъ оныхъ замѣчаніями, равно и о ино-

странныхъ сочиненійхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе.

V. Т Е А Т Р Ъ.

Правила декламаціи и театральнаго искусства; разборъ нѣкоторыхъ новыхъ піесъ, представляемыхъ на С. П. Бургскихъ театрахъ, съ замѣчаніями на игру актеровъ.

VI. Н Р А В Ы.

Описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ; картины домашней жизни людей разныхъ классовъ.

VII. С м ѣ с ѣ.

Біографіи знаменитыхъ мужей. — Иностранные и преимущественно отечественныя анекдоты. — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія. — Разныя любопытныя новости. — Извѣстія о послѣднихъ иностранныхъ модахъ. — Сапирическая газета, безъ всякихъ однако личностей. — Благотворенія. — Загадки, Шарады, Логогрифы, Омонимы, Анаграммы, и проч.

По временамъ и по приличію прилагаемы будутъ картинки, портреты, чертежи и ноты.

Въ трудахъ Издателя *Благонамѣреннаго* пять лѣтъ уже участвуютъ многіе извѣстные и опличные Литтераторы, которые и нынѣ обѣщали доставлять ему сочиненія свои и переводы; сверхъ того будешь онъ имѣть у себя постоянныхъ со-трудниковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корреспонденсовъ. Издатель употребитъ съ своей стороны всѣ способы сдѣлать Журналъ свой сколько возможно занимательнѣе и разнообразнѣе. Преимущественнѣе предъ прочимъ намѣренъ онъ заняться *благонамѣренною* арипикою, и будетъ несравненно спрже

противъ прежняго въ выборѣ піесъ, особенно стихотвореній, доставляемыхъ къ нему для помѣщенія въ его изданіи.

Хотя Издашель, благодаря почтеннымъ своимъ сотрудникамъ, не имѣетъ недоспашка въ матеріалахъ для Журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщая будетъ въ ономъ доставляемыя къ нему отъ постороннихъ особъ сочиненія и переводы, если только найдетъ ихъ по содержанію и по слогу соотвѣствующими плану его изданія. Впрочемъ онъ не принимаетъ на себя зашруднительной обязанности пересылать обратно къ гг. сочинителямъ и переводчикамъ ихъ піесъ, если, по какимъ бы то ни было причинамъ, нельзя будетъ ихъ напечатать.

Подписка на Журналъ: *Благонамеренный*, принимается: въ *Санктпетербургѣ*: въ Газетной С. П. Бургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла самыхъ вѣрныхъ мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля Кол. Сов. *А. Е. Измайлова*, живущаго на Пескахъ, противъ Бассейна, въ каменномъ трехъ-этажномъ домѣ Моденова подъ Но 285; въ книжныхъ магазинахъ *В. А. Плавильщикова*, *И. В. Сленина* (*) и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ; а въ *Москвѣ* у Коммиссіонера тамошняго Университета *А. С. Ширяева*. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. Бургѣ 30 р.,

(*) У книгопродавца *И. В. Сленина*, въ домѣ Кусовникова, что у Казанскаго моста, принимается подписка на всѣ вообще журналы.

за полугодное же, или 12 книжекъ, 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р., а за полгода 3 р. 50 к. Ингородные благоволять опносились не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или въ Газетную С. П. Бургскаго Почтампа Экспедицію. Желаящіе получають Журналь сей на Любской бумагъ, благоволять; сверхъ вышеозначенной цѣны, прилагають на годъ 5 р. и подписаться заблаговременно, ш. е. въ печеніи нынѣшняго 1822 года. Первѣя книжка *Благонамѣреннаго* на 1823 годъ раздаваться будетъ 1 ч. Января; а слѣдующія 15го и 1го ч. каждого мѣсяца непременно. Имена подписавшихся будутъ припечатаны.

У Издашеля же *Благонамѣреннаго* можно еще получить Журналь сей за 1818, 1819, 1820, 1821 и 1822 годы, каждый годъ по 30 р. Для подписавшихся на будущій 1823 годъ и для казенныхъ училищъ дѣлается отъ каждого годоваго экземпляра, за вышеозначенныя пять лѣтъ, уступки по 15 р., если обратятся съ требованіемъ къ самому Издашелю въ печеніи оспальныхъ мѣсяцовъ нынѣшняго 1822 года: На пересылку прилагается за каждый годъ по 5 р.— У него же получають можно: *Басни и Сказки Александра Измайлова* (изд. 4е, вновь исправленное и умноженное), Ч. I. и II, съ виньеткою. Цѣна въ бум. 8 р., съ пересылкою же въ другіе города 10 р.

А. Измайловъ,
Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ.

При семъ нумерѣ приложены ноты.

Римское изъ Оперы:
Aladin ou la lampe merveilleuse.
Муз. Г. на Николо Мизари.

Andante.

Piano

ou

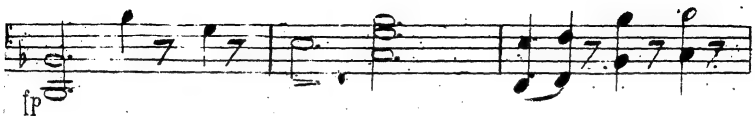
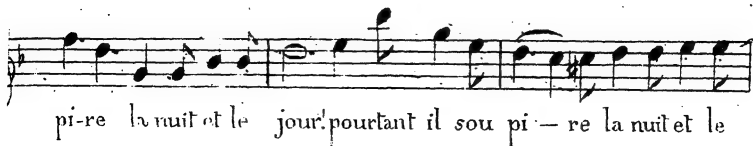
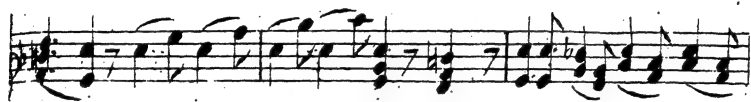
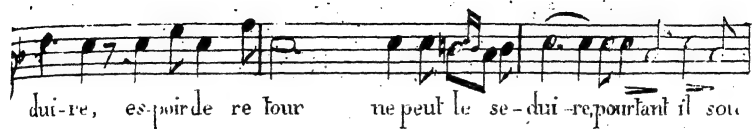
Harpe.

Piano et legato.

Aladin.

Pour noble Princes -- se, un pauvre pè -- cheur, por le dans sa

coeur a-moureusei -- vres se, es-poir de re-tour ne peut le se-

Государственный
Библиотечный
фонд
№ 3. 1. 1. 1. 1.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 24.

ДЕКАБРЬ 1822.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Р Ъ Ч Ъ

о происхожденіи Библейскихъ Обществъ въ Государствахъ, какъ торжественномъ знаменіи возрожденіи общественной жизни чело-вѣковъ.

(Произнесена въ Студентскомъ Сопровожествіи Харьковскаго Опдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества Членомъ и Директоромъ онаго, Студентомъ Матвѣемъ Протопоповымъ.)

Духъ Іисуса Хріста есть единствен-
ный духъ жизни для умосвободныхъ тво-
женій. Присутствіе Его никогда не остав-
ляло вселенной; но Онъ обнаруживал-
ся только тамъ, гдѣ жертвенникъ вы-
сочайшей любви Ему былъ воздвигаемъ.
Многіе, къ сожалѣнію, вѣки мелькають
предъ умственнымъ взоромъ въ шуман-
ной давности, подобно безжизненнымъ
призракамъ, коихъ не проникалъ небе-
сный огонь ея. Нынѣ повсемѣстно

№ 24.

Т

пробуждаючися отъ дремоты своей смерт-
ные чада вѣчности. Мы приблизились
къ златой чредѣ, съ кою сопряженное
счастіе есть счастіе всеобщаго спрем-
ленія къ соединенію съ безначальнымъ
своимъ Началомъ. Каждый — душою своею,
всѣ — поколѣніями и народами, цѣлый
родъ человѣческій — великими Царства-
ми обращаючися къ истинному, внуш-
реннему своему достоинству.

До сихъ поръ счастливая Европа
преимущественно вѣдала тайнства на-
слажденія въ нѣдрахъ любви Божествен-
ной, вѣдала — и не наслаждалась! Нынѣ
веселыми ногами спѣшишь она прекло-
нить гордую выю подъ владычество
Духа Христова; ибо воцаряющаяся лю-
бовь оная образуешь единственное на-
правленіе обществъ человѣческихъ; —
нынѣ христоименитая часть смерт-
ныхъ не довольствуется тѣмъ, чтобы
самимъ только блаженствовать въ бла-
женствѣ своемъ истинномъ: они спре-
мятся умножить свое блаженство,
умножая число участниковъ онаго отъ
огражденій жилища своего до послѣд-
нѣйшихъ концовъ вселенныя. Вездѣ про-
ниваютъ ихъ усилія: Гошпеншопъ,
Перуанецъ, Отагитянинъ и Японецъ
скоро приидутъ въ состояніе совершек-

но отвергнувъ мертвыхъ идоловъ своихъ и присоеди́нишься къ досто́янію Бога живаго.

Таковы явленія духа Хрістова. Въ качествѣ сихъ-то благословенныхъ явленій представляюща благочестивымъ умамъ и Библейскія Общества, отношеніе къ коимъ есть единственное основаніе наслощаго нашего, П. П. Сочленны! торжественнаго соприсущствія. Ничего не происходило въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ превосходи́те подобнаго учрежденія; ничто не живописало въ великой картинѣ міра споль высокихъ надеждъ, какъ то, что производство и устройство онаго совершается въ сферѣ общественной жизни. Не въ правѣ ли на самую блестящую славу, на глубочайшее отъ насъ благоговѣніе Виновникъ онаго? Но мы ошиблись бы, еслибъ спали искашь Виновника сего между смертными. Мы можемъ отдашь нѣкоторымъ изъ нихъ честь первенства не болѣе, какъ шокмо въ качествѣ начальныхъ орудій естественнаго человѣкамъ влеченія, коего зародышъ перспѣ самаго Творца образоваль во внутренней нашей природѣ. Духъ Іисуса Хріста; еще повторяю, есть единственный источникъ сего возбужденнаго въ пода-

вляемыхъ доселѣ чувствѣнностей Государствахъ рвенія ко всеобщей святой рѣшимости воспоржесствовати надъ плотскою жизнью, утвердись же и прилѣпиться къ жизни духовной, на непоколебимыхъ правилахъ вѣры основанной. Кто не предастся пламеннѣйшимъ восторгамъ, вникая въ многозначительныя начатки сего переворота въ колоссальномъ царствѣ гроздїи Лозы довременной (*)? Начатки сіи суть какъ бы поржесственное знаменіе возрожденія общественной жизни человѣковъ. Вотъ предметъ, на который, будучи пораженъ зрѣлищемъ хоща юнѣющей, но въ пламеннѣйшихъ чувствахъ благочестія развивающейся отрасли всеобщаго священнаго рвенія, осмѣливаюсь, по приличію занятій, въ сіи часы подлежащихъ намъ, П. П. Сочлены, обратишь ваше вниманіе.

Небесная мысль распространенія слова Божія въ первый разъ родилась, какъ извѣстно, въ предѣлахъ шуманныхъ острововъ знаменитаго Сѣвера. Тамъ неподвижная задумчивость царствуетъ на лицахъ обитателей; но она не составляетъ преграды для порывовъ дѣйствель-

(*) Еванг. Іоан. XI, 1.

ности: она есть печать углубленія сосредоточенныхъ силъ созерцанія тѣхъ цѣлей, коихъ быстрое исполненіе заключается уже въ самомъ изслѣдованіи. Ихъ неутомимые блюстители общаго благосостоянія, судя по собственнымъ выраженіямъ ихъ въ часы важныхъ совѣщаній, скорѣе готовы испытать бурныя движенія, нежели мерпѣть въ спокойной неподвижности, подобно кораблю въ безбрежномъ пространствѣ океана (*). Сей-то дѣятельности свѣтошорой стороны обязаны счастливые островитяне оныя всѣми своими великими подвигами; ей же они по мановенію Всевѣдца обязаны и тѣми наблюдательными умами, кои первые замѣтили, сколь несправедливо оспаиваться прихладной, какъ говоритъ одинъ Хрістіанскій философъ (**), нравственности, или, лучше сказать, отдѣлять нравственность отъ вѣры. Явились ревнители Евангелія; цѣлый народъ принялъ въ помѣ живѣйшее участіе. Просвѣщенные Бришанцы возчувствовали, что имъ надлежало вновь просвѣпиться; а просвѣпившись сами, не замедлили образовать изъ себя, такъ сказать, впо-

(*) Journ des Déb.

(**) Угр. Свѣтовоспоковъ.

ро-апостоловъ, кои въ хранилищѣ сердца своего перенесли лучи истиннаго достоинства человѣческаго къ опдаленнѣйшимъ язычникамъ. Сосѣдственные народы, къ числу коихъ имѣемъ счастье присоединить и любезнѣйшее наше Отечество, не укоснили опдашь справедливосшь свяшой предприимчивосши ихъ и поревновашъ имъ въ богоугодномъ дѣлѣ. Солнце спасенія воспекаетъ до полуденнаго неба на горизонтѣ общесшвъ человѣческихъ.

Но искушайте дѹхи, аще отъ Бога сѹть, яко мнози лжепророцы изыдоша во мѣръ. О семъ познавайте Дѹха Божїа и дѹха лестна: всякъ дѹхъ, иже исповѣдетъ Иисуса Хрїста во плоти пришедша, отъ Бога есть; и всякъ, иже не исповѣдетъ Иисуса Хрїста во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть ().* Великія происшествія въ народахъ, подобно великимъ предметамъ въ естествѣ, возбуждая въ умахъ любопытсшво своею многосторонностію, опягчаютъ ихъ изумленіемъ и, увлекая ихъ чрезъ штысячу шочекъ зрѣнія отъ одной къ другой, коими напурально окружены бывають, онѣ запутываютъ ихъ и уклоняють отъ проницательности ихъ подъ завѣсу ускольза-

(*) Іоан. посл. IV, 1.

ющей шайны. Такими-то пупьями скрылось и начало сей мужесшвенной ревности по Богѣ. Оно для истолкователей хода дѣлъ человѣческихъ безразсудно несущихся за черту простой существенности, не менѣе какъ явленія сѣвернаго сіянія для физика, воспящаемаго недоспашкомъ зрѣлыхъ опытовъ въ достиженіи той черты, остается непроницаемою загадкою; ибо шаряться въ ложныхъ умозаключеніяхъ есть то же, что не постигать. Дерзко думать, чтобы происхождение богоугодныхъ Обществъ никому было не извѣстно; но достохвально, отвергнувъ толки заблужденія, унижающіе высокое расположеніе, принять справедливое (которое одно только бытъ можетъ) сужденіе, плѣняющее назидательными убѣжденіями.

Есть посредственныя умы, кои, бывъ порабощены чувсшвенности и пошому привыкши всегда основываться на соображеніяхъ чувсшвенныхъ, главнымъ началомъ появленія ревнишелей Евангелія полагаютъ корыстолюбіе ушѣсшителей злопоносной Индіи и далекаго юга. Мысль самая низкая, достойная душъ, приованныхъ къ земному. Можемъ бытъ она не утверждается на сопровож-

давшихъ и послѣдовавшихъ обстоятель-
ствахъ. Посѣщеніе, по сему случаю,
многообразныхъ странъ, опягченныхъ
изобиліемъ, коимъ дикая простота не
способна была восхищаться, не могло
не быть поводомъ для посѣщителей къ
замѣненію нуждъ своихъ совершеннымъ
избыткомъ. Обращенные язычники за-
спяжаніе безцѣннаго небеснаго сокро-
вища изъ благодарности въ состояніи
были отдавать всѣ земныя свои сокро-
вища великодушнымъ обращеннымъ. Но
участвовала ли и могла ли участвовать
въ сихъ случайныхъ выгодахъ цѣлая на-
ція, отъ коей преимущественно зави-
сѣла возможность обширнаго, необыкно-
веннаго плана? Почему не явились при
семъ проникательные, никогда съ пред-
пріятіями, избыточествующими въ на-
деждахъ, перазлучные зависщики, кои
бы возмутили чистыя изліянія едино-
душія, воздвигли бы бурное волненіе ви-
довъ и подавили бы живой духъ ревно-
сти при первомъ его порывѣ? Почему
сей пламень Евангельскаго воспора не
былъ остановленъ, даже не испыталъ
запрудненій медленности въ распростра-
неніи своемъ за предѣлы острововъ
Бришанскихъ — между сосѣдственными
націями, кои какъ будто ожидали толь-
ко судьбами опредѣленнаго на то вре-

мени, какъ будто услышали воззваніе собственнаго сердца? Уже ли подобное подозрѣніе падаетъ и на всѣ прочія Державы, послѣдовавшія примѣру обипашелей оныхъ — Державы, коихъ полипическія отношенія совсѣмъ опличнаго рода и кои ни малѣйшей не имѣють нужды искасть богашствъ подъ чуждымъ небомъ? Плошкіе замыслы не могутъ произращать плодовъ духовныхъ. Правда, наглы бывають ихъ спремленія; они способны жершвовать всѣмъ для своего удовольшворенія и самыя святѣйшія вещи обращать въ орудіе своихъ успѣховъ. Но сіе удовольшвореніе, сіи успѣхи всегда пребудуть однородными съ испочникомъ своимъ: корень злыиъ сребролюбіе есть (*). Если бы распротранили слова Божія увленаемы были подъ симъ предлогомъ жадноспію своею къ скоропреходящимъ сокровищамъ міра; то накопленіе оныхъ и роспалось бы главною ихъ цѣлію. Но подвиги націй въ семъ отношеніи совсѣмъ прошивныи опличаються опытами. Ревность святая не только не содѣлалась жершвою корысполобія, но, облекшись во всеоружіе самоопшверженія, еще поржествуешь надъ онымъ.

(*) I, Тим. IV, 10.

Несправедливо также думать, будто бы предпріятіе просвѣщеніе остальную часть рода человѣческаго, погруженную въ язычество, есть не иное что, какъ фанатизмъ, тѣсное сродство имѣющій со своевольствомъ народнаго характера Бришанцевъ и разлившійся между сопредѣльными поколѣніями по врожденной людямъ склонности къ подражанію. Правда, мечта свободы есть оплотившаяся черта смѣшанныхъ правленій, гдѣ подданные препираются съ властенаначаліемъ о большемъ другъ передъ другомъ приращеніи правъ своихъ, и вѣчно увлекаемы бываютъ бурнымъ попокомъ ослѣпленнаго своевольства. Мы удивляемся мятежнымъ онымъ волненіямъ, коими всегда почти сопровождаемы бываютъ совѣщанія въ верховныхъ судилищахъ извѣстной могуществомъ своимъ на моряхъ Державы, равно какъ возстановленнаго мужествомъ и великодушіемъ нашимъ погибавшаго Царства и прочей Европы. Свобода есть ихъ идолъ; въ угодность ему онѣ способны совершать самыя чрезвычайнѣйшія предпріятія. Чрезвычайнѣйшія, но не всегда превосходнѣйшія; ибо всенизпроверяющія усилія при подобныхъ движеніяхъ съ каждымъ шагомъ выходятъ изъ мѣры,

сѣ каждыѣ шагѣ теряютъ свое направление и наконецъ уклоняются даже отъ самой меты своей, подобно непро- ницаемо густому облаку клубящагося дыма, гонимому изъ челюстей Ешны къ высотамъ зенита, которое отъ собственной силы извивается въ своемъ теченіи, и на извѣстномъ отъ земли удаленіи соврашившись сѣ пуши своего, блуждаетъ между окрестными слоями атмосферы. Изъ такого ли мутнаго источника могутъ происходить числѣнныя струи добра и добродѣтели? Какъ согласишь безразсудность и неумѣренность оной свободы сѣ высокостію небеснаго желанія доставить невѣжеству обратіямъ средства ко спасенію? Безспорно, что своевольность оной есть спихія фанатизма; но можно ли назвать фанатиками народы, между копорыми неисповѣдимый Промыслъ воззвалъ поборниковъ вѣры? Народы сіи не вооружаются насиліемъ, не жаждутъ триумфовъ своего упорства, не приносятъ въ жертву замысламъ своимъ ни обязанностей своихъ, ни прочихъ отношеній къ окружающей какъ физической, такъ и духовной природѣ: они желаютъ распространить и довершить утверждение Церкви Христовой; ибо сами возжгли въ сердцахъ своемъ вѣру

въ Него; — они предпринимають просвѣпить всѣхъ соесущественныхъ себѣ; поелику сами прежде просвѣтились свѣтомъ исправленія и совершеннаго соединенія съ истиною. И вотъ почему высочій примѣръ Британцевъ оказалъ благодѣтельное вліяніе на прочія націи! Здѣсь не заразительность фанатизма, но превосходство основанія дѣйствуетъ. Характеры народовъ еще ощутительнѣйшее имѣють между собою различіе, нежели характеры отдѣльныхъ лицъ въ особенностяхи. Различіе сіе должноствовало бы послѣдуемо быть и различными побужденіями; но здѣсь всеобщее желаніе есть вооживленіе вѣры. Единство рвенія доказываетъ единство начала. Нѣтъ, это не фанатизмъ: Богъ поругаемъ не бываетъ (*).

Сколь же ложно относить подвиги Евангельскаго благочестія къ полипическимъ видамъ народныхъ правителей, которые, будто бы изъ жадности къ приобрѣтенію новыхъ подданныхъ скипетру своему, не употребляя ожесточающаго оружія, или изъ опасенія допустить до ослабленія оковы власти своей надъ неправо приобрѣщенными уже, положили въ тайныхъ предначертаніяхъ

(*) Галат. VI, 7.

своихъ привязать ихъ къ себѣ узами единовѣрія. Таковое сужденіе прилично шѣмъ только, кои, старая спраспїю проникають во всѣ движенія обществъ человѣческихъ, находящѣ вездѣ сокровенность и не въ состоянїи при наблюденїяхъ своихъ обойтись безъ понятій о пользѣ чувственной, коей не привыкли предпочитать никакой другой изъ пружинъ многоразличія въ переворотахъ свѣта. Послупки нѣкоторыхъ націй прежде сего довольно оправдывали шонѣ подобныхъ умозаключеній; ибо властолюбіе, вмѣстѣ и боязливость прибѣгали ко всякимъ хипростямъ безъ разбора, хотя хипрости сіи рѣдко оканчивались удачею. Западъ Европы и даже первозванные въ наше время на подвигѣ вѣры Англичане суть извѣстнѣйшіе спрадальцы таковыхъ покушеній на мирномъ до того проспанствѣ новаго свѣта и на благораспоренныхъ долинахъ Индіи. Во имя Мессїи вездѣ звучали цѣпями рабства для несчастныхъ и сверкали кровожаднымъ мечемъ надъ главою мужественныхъ приверженцовъ къ опчизнѣ. Прежде нежели украшали кого-либо священнымъ названіемъ вѣрующаго, они нарекали въ немъ подданнаго невѣдомому своему пирану. Сопни погибшихъ оп-

вѣчали за уступчивость одного въ обращеніи. Но послѣдствія совѣмъ не сооповѣшествовали ожиданію. Жестокость раждала упорство: одни приходили въ бѣшенство при наименованіи религіи бѣлыхъ; другіе, среди самыхъ мукъ находя наиблизжайшее сродство души своей съ оною, въ горькомъ умиленіи вопрошали, за чѣмъ обременяютъ ихъ ударами бѣдствій ради ученія, которое дышетъ одною любовію и благоспѣю. Долго потомъ царствовало язычество и нынѣ есть еще: коль счастлива въ сравненіи съ праотцами своими сія осальная часть невѣрныхъ, коимъ нынѣ открываются Евангельскія таинства блаженства! Нынѣ кропчайшимъ гласомъ истиннаго человеколюбія имя Хріста проповѣдуется. Народы, вступившіе на попріще сіе, никакихъ не имѣютъ въ виду приязнаній; владыки ихъ дознали опытомъ щещу надеждъ, коимъ властолюбіе искало пищи въ могуществѣ религіи. *Гордость житейская нѣсть отъ Отца* (*). Уроковъ оныхъ, кровію начертанныхъ въ событіяхъ человечества, никогда не забудетъ зашѣливая и часто наглая полишика! Она довольно имѣла времени образумиться и увѣришь-

(*) I. Посл. Іоан. II, 15.

ся, что могущество религіи основывается на началахъ свободы; что едино-вѣріе связуетъ души и съ радостію приноситъ въ жертву жизнь для защищенія роднаго престола, но не запрещаетъ опровергать иноземное рабство и напоръ владыкъ чуждыхъ; что обращенные въ Хрістіанство благоговѣютъ предъ цѣною и превосходствомъ спасенія своего, но не поставляютъ внѣ обязанности своихъ противустать Хрістіанамъ властолюбцамъ. Инсургенты Испанскіе, состоящіе большею частію изъ просвѣщенныхъ язычниковъ, очевидный, современный представляющій примѣръ оному. Они борются и не престанутъ бороться съ бременемъ порабощенія своего, доколѣ утомленные честолюбцы не оставятъ ихъ наслаждаться своею самостоятельностью. Уже ли и послѣ сего разгнушая предъ взорами вселенной книга Св. Писанія, проповѣдуемаго въ разныхъ странахъ разными націями, могла быть оппечатакомъ скрывающейся полишики?

Нѣтъ, не корыстолюбіе дѣятельныхъ Британцевъ, не фанатизмъ пылкихъ Европейцовъ, не полишика увлечаемыхъ земными цѣлями народоправителей заключающій въ себѣ начало сего спасительнаго переворота въ нравствен-

номъ мірѣ, сей высокой между націями идеи нести очищенный пламенный вѣры къ отдаленнѣйшимъ предѣламъ міра, — повсюду, куда только нога смертныхъ достигнуть можетъ. Направляешь толпу подражающихъ, недалъновидныхъ умовъ къ какой-либо изъ сихъ почевъ зрѣнія для истолкованія важной рѣшимости народовъ, въ одно и то же время къ одной цѣли успремившихся, значило бы обнаруживать только свое суемыслие; значило бы унижать божественное достоинство природы человѣческой и слѣпопошествовать при явленіи дѣйствій свѣтоноснаго Міроправителя, все къ себѣ привлекающаго. Ревность Евангельская, возгорѣвшаяся нынѣ между цѣлыми поколѣніями земнородныхъ, есть не иное что, какъ счастливое прозябаніе безцѣннаго сѣмени совмѣстныхъ со святою вѣчностію ощущеній, доселѣ подавляемыхъ чувственностію; — не иное что, какъ всеобщее пробужденіе человѣческаго рода къ разумнѣйшему начальнѣйшаго, перваго своего долга, пиша въ душу свою не спраннымъ и мертвеннымъ смѣшеніемъ добра и зла, закономъ измѣряемыхъ, но чистѣйшими плодами живой вѣры, рососою благодати преисполненными; — не иное что, какъ торжественное

знаменіе возрожденія общественнои жизни человѣковъ.

Общества людей суть какъ бы нѣкіе исполины, воздоенные нуждою для преодоленія оной чрезъ преодоленіе всѣхъ возможныхъ прошивуборствъ, грѣхопаденіемъ порожденныхъ; общественная жизнь есть поприще, на которомъ возвращено ими могущество производить чудеса, гремѣшь славою подвиговъ приводящихъ въ изумленіе и современниковъ и потомковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ родъ человѣческій проникнулъ въ таинственную среду сего блистательнаго положенія, онъ непримѣнно очутился на благоухающемъ брегѣ кипящаго моря наслажденій; но наслажденія сіи не были его удѣломъ. Ибо, образовавъ изъ себя великія части міра, онъ не возносился выше онаго и во всемъ ограничился мѣриломъ одного плотскаго, бреннаго. Единственнымъ девизомъ обществъ человѣческихъ было удовлетворительное обиліе чувственныхъ выгодъ. Напрасно внутреннія силы увлекали человѣковъ къ высшему; напрасно указали имъ живошворный свѣтъ наукъ и изящнѣйшій блескъ художествъ: съ перваго взгляда и сіи превосходныя открытія обращены были единственно

на службу жизни временной. Являлись, правда, гении, постигавшие въ видимомъ невидимое, истинно оцѣнявшие благо существованія, умѣвшие сосредоточить всѣ многоразличныя цѣли челоѣка въ одной верховной цѣли: таковы были пайнственныи Пиагоръ, непорочныи Сократъ, божественныи Платонъ. Они могли занять мѣсто оракуловъ челоѣчества; но гласу сихъ оракуловъ не внимали невѣжествующіе народы. Умѣли употреблять природу и ближнихъ своихъ по своимъ намѣреніямъ — сдѣлалось основнымъ и по тогдашнему мнѣнію высочайшимъ правиломъ усвоеннаго общежитія, доставлявшаго каждой націи столько силъ и могущества. Основанныи симъ духомъ преисподняго руководства, смертные дошли до того, что сверхъ чаянія узрѣли среди себя возстаніе такого народа, который возжелалъ бытъ одинъ обладателемъ земли и земнородныхъ. Ужасный зѣвъ жаждности его съ дикимъ ревомъ растворялся на поглощеніе вселенной, которая за всѣмъ тѣмъ конечно не въ состояніи была бы насытити его. Родъ челоѣческій, заслуживавшій спенать подъ игомъ обладателя онаго, по причинѣ взаимнаго содѣйствія общему заблужденію, былъ жалкимъ орудіемъ буйности

внѣшней силы и не ославлялъ ложнаго направленія. Это была эпоха торжества упучившей чувственности, уполномоченной гигантскими силами нѣсколько столѣтій во зло употребляемаго общежитія.

Тогда мудрый Творецъ, самое зло наклоняющій всегда къ добру, сжалился надъ царствомъ своихъ твореній и мрачную эпоху опредѣлилъ въ книгѣ непостижимыхъ судебъ своихъ обратишь въ эпоху перерожденія издыхающей вселенной чрезъ непостижимое между плѣнниками ада явленіе предвѣчнаго своего Слова, да воззоветъ оно родъ человѣческій отъ темныхъ безднъ, во глубину которыхъ мудрованіе необузданной плоти низвело его; да огласитъ оно царства земныя, ликующія въ плеснорной юдоли внѣшняго пресыщенія, извѣщеніемъ царствія небеснаго, внутри сердецъ сокровеннаго. — И скоро одинъ изъ владыкъ извѣстнаго въ то время свѣта внялъ зову Небесному — и быспро разнеслось имя Мессіи между земнородными отъ востока до запада и отъ сѣвера до моря. Все шекло къ источнику благовѣстія утопить долговременную жажду свою; все просвѣщалось неугасающими лучами Божествен-

наго ученія; все украшалось блестящимъ
пишломъ Хрістіанства. — Натурально,
что великая Имперія, какъ воздвигну-
тая дерзкимъ господствомъ чув-
ственности, должна была раздробиться
въ слѣдствіе сокрушеннаго владычества
чувственности и новаго направленія въ
системѣ нравственнаго міра. Она раз-
дробилась; явились неизвѣстные наро-
ды и родились новыя царства. Но зако-
ренѣлая жершвы преисподней вражды,
вѣчно прошивающейся небесной благости,
на самой зарѣ остановили низшествіе
дня Господня на землю. Приобрѣвъ
чистѣйшія понятія истины и жизни,
люди остановились на холодномъ про-
свѣщеніи и спали довольствоваться
наружными формами таинствъ спасенія.

Много, правда, было истинно оп-
рожденныхъ чадъ безсмертія въ часно-
сти, составлявшихъ первенствующую
церковь Бога живаго; но народы въ со-
вокупности обратились ко внѣшнимъ
обрядамъ и, украшая себя священнымъ
именемъ вѣрныхъ, были шокмо полу-
хрістіянами, ибо мертва была вѣра
ихъ. Родъ человѣческій былъ *ни студенъ,*
ни теплъ (*); дѣло замѣнялось однимъ

(*) Апок. III, 15.

словомъ. Царства земныя очутились на путяхъ знакомаго направленія и снова ограничили весь кругъ дѣйствій своихъ одними временными, хотя уже нѣсколько упонченнѣйшими цѣлями. Поверженное чудовище чувственности воспрянуло и, не могши вознестись до прежней высоты, успѣло по другимъ предначертаніямъ вновь окинуть огромную массу общественной жизни цѣпями владычества своего, усиливаясь удержаться на равной степени въ каждомъ изъ опдѣльныхъ поколѣній человѣческихъ. Такимъ образомъ раздробленное, но вездѣ вкоренившееся могущество оной, бывъ попрысаемо иногда подвигами благочестія, соединяло силы народовъ и посредствомъ оныхъ паки утверждалось въ странѣ, готовой попрысеніями своими разстроить ея основанія. И опшуда - то произошелъ всеобщій законъ поддерживавъ въ государствахъ равенство житейскихъ выгодъ, сообразно потребностямъ каждаго; опшуда - то происекла система равновѣсія, съ толкимъ восхищеніемъ принятая народами и владыками ихъ и послѣ толко поразившая ихъ изчадіями своими, необузданнымъ равенствомъ и буйною свободою, которыя сочтены были естественнымъ достояніемъ каж-

даго изъ смертныхъ въ особенности. Политическое зданіе образованной части свѣта ничѣмъ столько не гордилось, какъ симъ важнымъ открытіемъ въ наукѣ общественной жизни. Съ восторгомъ одинъ (*) оспроумный лже-философъ, проникнутый духомъ Антихриста, замѣчаетъ въ одномъ изъ заразительныхъ твореній своихъ сіе превосходство политики позднѣйшихъ народовъ предъ древними, основанной на равновѣсіи; но онъ неспособенъ былъ видѣть, что сіе равновѣсіе есть не иное что, какъ довершеніе пагубной односторонности, окончательный перевѣсъ плоти надъ духомъ, чувственной жизни надъ богоподобнымъ существованіемъ; одно мірское, одно земное было стихією общественной жизни. Всѣ видѣли повсеместное заблужденіе и не хотѣли видѣть ужасовъ его. Бичъ Божій посѣпилъ землю, погрязшую въ шинѣ нечестія, смутилось лице вселенной и громъ казни поколебалъ основанія оной.

Въ сіи лѣта искушеній поникнутый взоръ челоуковъ обрадованъ проясненіемъ дня Господня, предзнаменовываемымъ торжественными явленіями

(*) Encyclop. sous l' Article : *Histoire*.

испіннаго образа бытія, къ которому они назначены. Возгремѣли счастливые умы, обогащенные глубочайшими познаніями, изводимые на широку десницею Промысла для собесѣдованія съ человѣчествомъ объ истинномъ его достоинствѣ и божественномъ назначеніи, — возгремѣли глаголами живоша къ земнороднымъ, изъ груди коихъ невольно прорывался пламень врожденнаго имъ сродства съ небожишелями. Въ человѣкѣ сокрыта сила, внутренно влекущая его во сферу вѣчнаго. Онъ обураваемъ бываетъ плошію; но онъ не можетъ не вооружаться противъ сего домашняго своего врага, — не можетъ не быть преданнымъ величію, цѣли его соотвѣтственному. Народы плѣмъ же подлежатъ законамъ. Общественная жизнь ихъ, спенавшая доселѣ подъ желѣзнымъ жезломъ чувственности, ощутила въ себѣ наконецъ дѣйствіе силы, яже нѣсть отъ міра сего, и успремилась къ духовному. Разженный ревностію Іліи, наперстника въ дому Бога Израилева, свѣшило озарившее мрачные слѣды прошеншаго вѣка, Божественный Философъ Дю Туа мужественно возсталъ на пораженіе укрывающагося духа міра, и, указавъ область Духа Хрістова, возвѣстилъ царствамъ земнымъ

яко приближися царствіе небесное (*). За нимъ сподвижники ученики Христовыхъ, неупомимый проповѣдники Св. Слова собратіямъ своимъ, благочестивый Шпиллингъ, посвятившій рѣдкіе таланты свои уразумѣнію Божественнаго ученія, напоминая юнѣющему сполѣтню примѣрное окончаніе предшествовавшаго, объяснилъ народамъ небесный инстинктъ ихъ, котораго влеченіе всегда чувствовали и заглушали доселѣ. Философы вообще и моралисты всѣхъ націй не обинуясь прилѣпились къ Евангельскимъ началамъ, и, руководствуясь глаголами того, который есть *путь, истина и животъ* (**), довершили рѣшительность земнородныхъ признавъ не зыбкій міръ, но непреложныя небеса своимъ опеческовомъ; — не довольствоваться обиліемъ чувственныхъ выгодъ, но несравненно пламеннѣе желать сокровищъ безсмертія; — не пресмыкаться въ шемномъ блатѣ скопской жизни, но возноситься въ свѣтоносную сферу жизни духовной, которая есть единственная и истинная жизнь богоподобныхъ твореній. Народы уже чувствовали внутрь природы своей

(*) Еванг. Матѣ. III, 2.

(**) Еванг. Іоанн. XIV, 6.

порывы взыгравшагося шончайшаго огня, кошорый, вопреки всѣмъ насиліямъ плоти, разгорался и, лучезарнѣйшимъ пламенемъ проникая сквозь грубый покровъ брѣніа, готовъ былъ обнаружиться во всемъ блескѣ превосходства своего. Сильныя попрясенія воскрилили духъ чело-вѣческій; образованныя племена узрѣли свою полуобразованность, вѣрныя — мершвенность вѣры своей; явныя дѣйствія Промысла плѣнили ихъ въ свяшый плѣнъ благодати Божіей; общества чело-вѣческія возсценили обѣ односторонности своей и съ поспѣшностію преобразуюшся въ святилища живой вѣры; не малое число избранныхъ, но цѣлыя царства земнородныхъ сами по себѣ, по своему естеству сблизилась съ областію царствія небеснаго и Цари вступають въ Священный Союзъ — — вѣнчавшій силу всеобщаго Божесшвеннаго инстинкта; *вы еже помазаніе приясте отъ него (ш. е. Хріста), въ васъ пребываетъ и не требуете, да кто цѣтитъ вы: но яко то само помазаніе цѣтитъ вы о всемъ и истинно есть и нѣсть ложно (*).*

Сего - то благословеннаго переворота въ состояніи великихъ обществъ

(*) I, Іоан. посл. II, 24.

человѣческихъ богомудрые умы усма-
триваютъ оппечашокъ въ явленіи Об-
ществъ ревнишелей Слова Божія, съ
такимъ единомушіемъ подъ грознымъ
шумомъ раздраждавшагося полипического
волкана составившихся на Сѣверѣ и съ
такимъ единомушіемъ приняшихъ за
священнѣйшій примѣръ въ непродолжи-
тельномъ времени разными націями. Въ
печеніе единомѣстная высокая мысль сія
созрѣла на шуманныхъ оспровахъ перво-
званныхъ Бришанцевъ, и придесять
избранныхъ ими второ-апостоловъ съ
опличнымъ успѣхомъ совершили пущь
свой за черпу Еквашора. Владыки со-
сѣдственныхъ земель указали покою-
щимся подъ сѣнію престола ихъ милліо-
намъ на возгорѣвшійся свѣшильникъ рев-
ноши — и опзывъ милліоновъ былъ
опзывомъ умиленія и гошовности. Вез-
дѣ образовались общества распротра-
нишелей Св. Писанія; народы спѣшили и
спѣшатъ превзойти другъ друга въ под-
держаніи оныхъ обильными пожертво-
ваніями, неупомимою дѣятельностію,
пламеннѣйшимъ содѣйствіемъ дарованій
своихъ — и Цари возвеселились о спа-
сеніи людей своихъ. Государства и спо-
лицы ихъ, области и грады ихъ непре-
рывно возрастаютъ въ духъ поборни-
ковъ благочестія; ибо вездѣ возчувство-

вано, сколь несправедливо раздѣляли наружное отъ внутренняго и временное отъ вѣчнаго, изъ коихъ первое по всеобщимъ законамъ естества долженствовало бытъ оппечашкомъ и образомъ послѣдняго; — возчувствовано, сколь суешно понимали соединеніе человѣковъ въ полипическое цѣлое, поспавляя единственную цѣлю онаго жишейское благополучіе, которое долженствовало зависѣть отъ предвнушеній блаженства грядущаго; — возчувствовано во всей силѣ, сколь пагубна была односторонность общественной жизни, исключишельно направляемой къ низшимъ цѣлямъ сущесшвованія смертныхъ въ свѣтѣ, между шѣмъ какъ въ самой природѣ человѣческой опредѣлено ей бытъ высокимъ выраженіемъ жизни духовной во всемъ, жизни безсмертной: *сія есть побѣда побѣдившая міръ, вѣра наша (*)*.

Долго родъ человѣческій оспавался при хладной нравсшвенности, долго довольсшвовался сліяніемъ оной съ наружнымъ блескомъ вѣры: нынѣ проникнушъ онъ горячайшею любовію, кошорая отъ Бога есть (**); нынѣ преис-

(*) I, Посл. Іоан. V, 4.

(**) Тамъ же IV, 7. —

полненъ онъ живой вѣры, и оупъ преисполненія сего насыщаюся не только оупдѣленные, но и оупдаленные сочлены челоупѣчества. Древо сухое не украшается лакомъ и не приноситъ плода; живое же и расшетъ и пишаетъ живущихъ. Народы не внимали глаголамъ небеснаго Владыки, внутрь сердецъ ихъ вопіявшаго, и въ возмездіе уподобились скошамъ несмысленнымъ; но, по оупредѣленію Промысла, зародышъ безсмертія не могъ долѣ оспаваться въ нихъ мертвеннымъ: развитіе его совершилось вопреки всѣмъ бореніямъ чувственности и распротранилось спасеніе челоупѣчества: *Царствіе Божіе нудится и нудницы восхищаютъ е* (*). Великія общества земнородныхъ обрапились къ источникамъ воды живыя и, уполивши собспвенную жажду, изнесли оную къ жаждущимъ собратіямъ. Знаменистое происшествіе сіе не естъ ли плодъ истиннаго достоинства общественной жизни челоупѣковъ или, такъ сказать, велегласный, убѣдительный благовѣстникъ возрожденія оной?

И вотъ въ какомъ оупношеніи восхищаетъ насъ, П. П. Сочлены, священное рвеніе сподвижниковъ Слова Божія!

(*) Матѣ. XI, 12. —

Вотъ почему и наше собраніе свѣтлѣйшею блистаетъ радостію въ сіи часы, составляющіе скудную нашу дань, приносимую на жертвенникъ всеобщаго поклоненія Духу Христову! Сіи начинанія не имѣли бы той высокой цѣны, которую заимсвуютъ онѣ отъ божественнаго предмета своего, еслибъ не соотвѣтствовало имъ внутреннее расположение. Ещо не предприятия Крестоносцевъ, которые руководимы были только внѣшнимъ и оставили въ насъ влеченіе намъ горестныя опыты безумія и варварствъ, сопутствующихъ суевѣрію; — ещо не замыслы Корсеговъ или Пизарровъ, которые съ Распятіемъ въ рукахъ убивали миллионы соесущественныхъ себѣ и заслужили проклятіе друзей человѣчества. Гласъ чистѣйшей и высочайшей духовной любви проповѣдуетъ погрязшимъ въ невѣжество имя Мессіи; рука крошоты безкорыстно износитъ книги живоша къ предѣламъ дикихъ. *Коль красны на горахъ ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (*). И Богъ благословляетъ начинанія народовъ. Единодушію подвижниковъ вѣры ощутительно соотвѣтствуетъ расположение просвѣщаемыхъ ими,

(*) Ис. II, 7.

накѣ по видно изъ опчетовъ Библейскихъ Обществъ. Просвѣщенные Державы соединенными силами предпріяли размножать ученіе Св. Писанія дошолѣ, доколѣ шокмо вліяніе ихъ распространяется. Покровительствово со стороны власпеначалія, — усердныя и неусыпныя распоряженія руководствующихъ, — дарованія и споспѣшествованія всѣхъ участвующихъ и почти повсемственныя преизбыточествующія пожертвованія увѣнчають успѣхами сіе предпріятіе. Божественное слово на разныхъ языкахъ, въ разныхъ спранахъ и разными націями въ преизобиліи сообщается безъ всякаго возмездія истаевающимъ внутреннею жаждою собратіямъ, и собратія сіи, какъ будто бы обрѣвши въ немъ то, съ чѣмъ невнятное сродство всегда въ себѣ ощущали, съ радостнымъ шрепешомъ опшверзають сердца свои для пріянія неслѣнныхъ даровъ Неба.

На семъ поприщѣ веселящійся взоръ благочестія вшпрѣчаетъ и свыше благословенное Опечество наше. Спавъ на первой степени въ полишической системѣ Европейскихъ Государствъ, оно возвышается въ духѣ поревнованія и опносітельно нравшвенной системы человѣческаго рода, столь счастливое

имѣющемъ основаніе въ національномъ характерѣ Россіи. Цѣль настоящаго нашего собранія, на томъ же началѣ возникнувшаго, представляетъ одно изъ ближайшихъ онаго доказательствъ. Храмъ неодносторонняго, но полного и истиннаго благосчастія нескрывтно въ глазахъ нашихъ воздвизается для всѣхъ и cadaго. Неложно знаменіе онаго. Благословимъ судьбу человѣчества и воздадимъ дань благоговѣнія правосудному и милосердому Промыслу, благодаряще Отца призвавшаго насъ въ притастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ, иже избави насъ отъ власти тьмы и престаи въ царство Сына любви своей (*).

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Письмо къ Редактору.

Позвольте мнѣ письмомъ къ вамъ оправдать себя въ глазахъ публики прошивъ обвиненій Князя Ш. въ письмѣ его къ Издашелю Сына Ошечества, на-

(*) Колос. 1.

печатанномъ въ 46 Но означеннаго журнала.

Желая доказать въ возраженіи моемъ на отвѣтъ Г. Греча, что Кн. Ш. дѣйствительно изгонялъ изъ Русскихъ книгъ Славянщизну, я привелъ собственныя слова Кн. Ш. изъ спашья его о Макаровѣ, напечатанной въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы 1804 года (Но 24, стр. 293 — 299): «что пишешь: дабы, «чтобъ можешь ли переманишь меня на «свою сторону?» Кн. Ш. ставишь мнѣ въ вину, что я въ семъ случаѣ послѣдовалъ Вѣстнику Европы, а не послѣднему изданію его сочиненій въ двухъ томахъ 1819 года, гдѣ спашья о Макаровѣ, исправленная Сочинителемъ, перепечатана вновь, и гдѣ уже о дабы не упоминается болѣе ни слова. «И великіе писатели» говоритъ онъ между прочимъ «нерѣдко перемѣняли мнѣнія свои, «ошрекались ошъ прежнихъ и принимали новыя.»

Voila ce que l'on dit. Et que dis-je autre chose?

Въ возраженіи моемъ Г-ну Гречу именно сказано: «Признаемся однако же, что «съ того времени» (когда Кн. Ш. изгонялъ Славянщизну изъ Русскихъ книгъ) «много старыхъ словъ, терпѣвшихъ гоненіе, возвратились къ своимъ семей-

«спваибъ , и много новыхъ наказаны
«оспрацизмомъ.“ Въ слѣдъ за симъ я такъ
же показалъ , что не только Кн. Ш.,
но даже почтенный нашъ Исторіографъ
перемѣнилъ отчасти свои мнѣнія и при-
нялъ новыя.

„Не обязанъ ли Крипикъ ,“ спраши-
ваетъ Антагонистъ мой , „дѣлать цита-
ты свои изъ послѣдніе изданныхъ со-
чиненій Автора?“ Конечно, и я бы по-
ступилъ такъ, если бы разбиралъ сочи-
неніе Кн. Ш.; но цѣль моя , упо-
миная объ немъ , была совсѣмъ другая.
Я хотѣлъ примѣромъ убѣдить Исто-
рика Руской Литературы, что Москов-
ская парсія, которой онъ приписываетъ
образование языка Рускаго , знала пло-
хо Рускій языкъ и имѣла ложное поня-
тіе о чистотѣ онаго. Кн. Ш. , пропу-
стя дабы при новомъ изданіи своихъ
сочиненій , доказалъ шѣмъ справедли-
вость моего замѣчанія. Вообще выпи-
ски мои изъ Гр. Макарова и Ш. , въ
первой и второй Крипикахъ моихъ на
Исторію Руской Литературы г-на Греча,
служашъ для показанія образа мыслей
Авторовъ , которые въ концѣ XVIII и
въ началѣ XIX столѣтій работали по
новымъ образцамъ , и содѣлались уча-
стниками славы К — а. Никто , надѣ-

юсь, не подозрѣваете меня въ намѣреніи крипировать Кн. Ш., тѣмъ болѣе по изданіямъ, отвергнутымъ самимъ Сочинителемъ. Кн. Ш. весьма основательно замѣчаетъ въ письмѣ къ Изда-телю Сына Ошечества, что опъ, кто предприметъ такой прудъ, „будетъ сра-жаться съ вѣтренными мѣльницами.“

Ошличный Липерашоръ, приятель Князя Ш. и самъ онъ, увѣряютъ публику, что имъ неизвѣстно, нахо-дился ли дабы въ Вѣспникѣ Европы 1804 года. Послѣдній въ извиненіе свое ссылается на давность времени и на разореніе Москвы неприятелемъ; но не уже ли во всей Москвѣ, гдѣ Кн. Ш. имѣетъ жительство, нѣтъ ни одного экземпляра Вѣспника Европы 1804 года? Ему бы незапруднительно было спра-виться, ибо я означилъ Но и страни-цы, на которыхъ напечатана статья его о Макаровѣ. Онъ бы удостоверился тогда собственными глазами въ вѣрно-сти моихъ цитатъ, и не вводилъ бы въ напрасное сомнѣніе читателей Сына Ошечества. „Оставя,“ говоритъ при-ятель - Литераторъ въ письмѣ къ Кн. Ш. „на сужденіе благомыслящихъ чи-тателей все прочее, сказанное Г. „М. И. на вашъ счетъ, могли бы вы

„опредѣлишь степень довѣренности, которую должно имѣть къ его заключеніямъ, по той, которую заслужи- ваюшъ его цитаты.“ Я скажу на сіе Г. *приятелю - Литератору*, что въ обѣихъ моихъ Крипикахъ, напечатанныхъ въ 13, 14 и 19 No No Вѣстника Европы, я не выписалъ ни одного чужаго слова, не означа, откуда оное мною заимствовано (*); и мнѣ оспаривается желаніе, чтобы заключенія мои были столь же вѣрны, сколь вѣрны мои *цитаты*. Тогда бы и другія мои умственыя способности заслужили шу же похвалу, какою Кн. III. удостоилъ мою *память*. Прошу однакоже желающихъ повѣрять меня, справляясь съ большею точностію, и я ласкаюсь надеждою, что у насъ не будетъ бесполезныхъ толковъ о красотахъ и краскахъ и о дабы. Въ предупрежденіе дальнѣйшихъ о семъ споровъ считаю нужнымъ повторить, что я нигдѣ не искажалъ смысла словъ, приведенныхъ мною изъ разныхъ сочинителей, но часто сокращалъ длинныя фразы, дабы не развлекать вниманія читателя принадлежащими къ предмету моему

(*) Кромѣ нѣсколькихъ извѣстныхъ всѣмъ стиховъ. *Сог.*

мыслями. Само собою разумѣется, что Кн. III. въ спашѣ, занимающей шесць печатныхъ страницъ, *нападаетъ* не на одно дабы, какъ остроумно замѣчаетъ Г. приятель - Литераторъ; но шѣмъ не менѣе справедливо и то, что онъ *нападаетъ* въ ней и на дабы: а ешаго и довольно.

Въ заключеніе замѣчу, что Кн. III., выписывая изъ второй Криптики моей нѣсколько строчекъ, относящихся къ нему, послѣ слова *рецензій* дѣлаетъ вопросъ: чьи? Въ семъ мѣстѣ дѣйстви-тельно пропущено мѣстоимѣніе *его*, безъ котораго смыслъ дѣлается несовершен-но яснымъ, однако же не мною. Въ оставшейся у меня черной рукописи оное точно находится, и должно также находиться въ бѣлой, если только не пропущено писцомъ. Я прошу покорнѣйше васъ, милосливый государь, справиться съ находящеюся у васъ рукописью, разрѣшивъ мое сомнѣніе, хотя двумя словами. (*) Чесъ имѣю бышь и проч.

М. И.

Ноября 30 го дня
1822 года.

(*) Всѣ подлинники рукописные обыкновенно хранятся въ Архивѣ Типографіи. Но

Прибавленіе къ статьѣ о Философiи.

(Окончаніе.)

Сочинишель Замѣчаній вопрошаетъ: достоинъ ли *меня* сдѣланный мною упрекъ въ томъ, что Кантъ грѣшитъ излишнею недовѣрчивостію своею къ свидѣтельству чувствъ нашихъ? Но вѣдь самъ же Кантъ наиболѣе нападаетъ на тѣхъ, по его словамъ *Емпириковъ*, которые выводятъ всѣ знанія наши изъ ощущеній, или лучше сказать изъ силъ ума, вспомошествоваемыхъ ощущеніями; вѣдь и вся наука его составлена по сему поводу, что опыты и наблюденія не могутъ будто бы привести къ той достовѣрности, какую знаніямъ нашимъ даетъ чистый разумъ; вѣдь чувственныя впечатлѣнія Кантъ почитаетъ за тѣни, которыя о самыхъ вещахъ не могутъ намъ дать никакого свѣдѣнія достовѣрнаго, а въ Трансцендентальной Діалектикѣ своей утверждаетъ, что источникъ заблужденій искать должно

сомнѣніе разрѣшить можно вошъ какимъ образомъ: пропускъ мѣстоименія *его* Редакторъ принимаетъ на собственную ответственность и покорнѣйше просить господъ *Антигонистовъ* оставить дѣло сіе безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

во вліянні ощущеній на понятливость (*); вѣдь Кантъ же, наконецъ, познаваніе вещей подчинилъ своимъ формамъ ощущеній, ибо говоритъ, что мы ощущаемъ и получаемъ впечатлѣнія по той именно причинѣ, что имѣемъ въ себѣ формы ощущеній, предупреждающія всякое дѣйствіе чувствъ и совсѣмъ независяція онъ сихъ послѣднихъ. Я показалъ уже, что его формы ощущеній суть ничто; слѣдственно по его же наукѣ и ошущительность должна бы въ насъ исчезнуть. Тутъ Кантъ еще путається и самъ себѣ противурѣчитъ: сказавши напередъ, что формы ощущеній врождены въ насъ, но что для пробужденія ихъ потребны чувствѣнные впечатлѣнія, онъ говоритъ опять, что мы потому ощущаемъ впечатлѣнія чувствъ, что имѣемъ въ себѣ формы ощущеній; слѣдственно до пробужденія формъ сихъ мы бы должны ничего не ошущать, мы бы должны не знать, что именно въ то время можемъ пробуждать и заставлятъ дѣйствовать онія формы. Но у Метѣфизиковъ не найдете никакихъ противурѣчій: они все обьяснить умѣють. Сіе послѣднее замѣчаніе сдѣлалъ я для тѣхъ един-

(*) Kr. d. r. U. p. 350 и 351.

сшвенно, которыхъ Господь Богъ не одарилъ мешафизическимъ уразумѣніемъ предметовъ. Люди сіи чувсшвенныя впечатлѣнія почитающъ не признами, а дѣйсшвительнымъ попрясеніемъ чувствъ и началомъ умсшвенныхъ представлений. А какъ дѣйсшвительное попрясеніе можетъ происходить только отъ сущесшвенной причины; шо по сему, равно какъ и по внутреннему чувству, которыми подлинное ощущение опшличается отъ мечшательныхъ видѣній во снѣ и отъ представлений въ сумазбродствѣ, по сему, говорю, и заключаемъ о дѣйсшвительномъ бытіи предметовъ, не входя въ глубину разныхъ о шомъ шолковъ, которые ведутъ къ познанію вещей, а не къ головокруженію. Впечатлѣнія посредсшвомъ чувствъ ведутъ умъ нашъ къ познанію, въ какомъ опношеніи находятся вещи и къ намъ самимъ и взаимно между собою: вошъ одно ученіе истинно полезное и благо-разумное. Но какими сущъ сами въ себѣ сущесшва безошносительныя? какими они могутъ быть въ опношеніи къ другимъ сущесшвамъ, иными чувсшвами и средсшвами одареннымъ? Ешо до насъ ни какъ не принадлежшвъ, и ешо не наука, а бредъ. Разумъ человѣческій получилъ отъ Бога силы, которыя и об-

наруживаєть онъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а именно: вниманіе, способность узнавать отношенія вещи, наблюденіе отношеній, размышленіе, сужденіе и заключеніе. Сравниваніе предметовъ и мыслей ведетъ его къ отношенію феноменовъ къ феноменамъ, мыслей къ мыслямъ, или наконецъ феноменовъ къ мыслямъ. Сравниваніе опять отношеній ведетъ его же къ сужденію и ко мнѣніямъ, чрезъ усмотрѣнную связь между нѣми отношеніями. Наконецъ сравниваніе усмотрѣнныхъ мнѣній и истинъ ведетъ къ познанію связи между нѣми истинами, или къ умозаключенію. И какъ опытъ далъ начало мышленію, то опытомъ же и повѣряется мышленіе наше: ибо, ежели опытъ подтвердитъ то, что мы въ умѣ своемъ рѣшили, то мысли наши были вѣрны и почны. Основная и по справедливости полезная Метѣфизика, сооруженная не на гипотезахъ и догадкахъ, а на истинахъ несомнительныхъ и всеобщихъ, должна объяснять намъ существенныя силы души (а не мнимыя), ихъ пособія и препятства. Логика пусть объяснитъ намъ дѣйствія оныхъ способностей; пусть предложитъ намъ правила, которыми должно руководствоваться въ дѣйствіяхъ силъ душевныхъ; пусть покажетъ

намѣ отличительные признаки истины, достовѣрности, правдоподобія и того, что называется источникомъ заблуждений. Это все есть *эмпиризмъ* въ глазахъ Кантисшовъ, ихъ же чистый разумъ съ началами, отъ чувствъ независящими и безусловными, есть какой-то *Сфинксъ*, котораго они, какъ сами говорящъ, оптадали, но котораго всѣ другіе люди извяснить никакъ неспособны. Это есть не что иное какъ плодъ гордости, тщеславія, излишней въ себѣ довѣренности; цѣль мудрованія сего — обоготворить разумъ и повергнуть его въ заблужденіе.

Кантисшы говорящъ, а съ ними и Авторъ Замѣчаній, что наука, по ихъ, *эмпирическая*, налагаетъ оковы на разумъ человѣческій; но оковы сіи наложены на человѣка отъ Природы, и расторгашъ ихъ опнюдь не должно. Оковы сіи оказались благодѣтельнымъ даромъ для человѣка; ибо при ихъ помощи, виявъ совѣшамъ Бакона, открылъ онъ такое множество истинъ, составилъ столько наукъ глубокихъ и великихъ, извлекъ изъ нихъ чрезвычайное множество выгодъ для общежитія, и въ нихъ увѣковѣчилъ и свою славу и свое удивленіе въ силѣ и дѣятельности собственныхъ способностей. Кпо же теперъ оказываетъ раз-

уму человѣческому прямо полезную услугу? Тотъ ли, кто держишь его на семь пухи существенныхъ выгодъ и приобретений; или кто сводишь его съ епой дороги, толкая ему о какомъ-то воображаемомъ могуществѣ, въ пошмахъ показывая ему престолъ какого-то независящаго отъ чувствъ господства, повелѣвая ему идти по пропинкамъ, которыя въ продолженіе двадцати пяти вѣковъ всегда оказывались пухами заблужденія?

Авторъ Замѣчаній легко теперь пойметъ, что думалъ я, писавши слѣдующее: „Кантъ представляешь себѣ „душу мыслящую безъ чувствъ.“ Онъ утверждаетъ въ своей *Трансцендентальной Діалектикѣ* (*), что разумъ, какъ самая высшая способность, изъ помысловъ своихъ, или изъ идей *à priori*, при помощи своихъ началъ также *à priori*, то есть независящихъ отъ чувствъ и опытовъ, творитъ себѣ единицу не *техническую* изъ наблюдений, но *архитектоническую*, изъ самаго себя взяшую; что созидаетъ идеалы, планы общіе и образы вещей, которые переноситъ послѣ въ міръ чувственный, и освѣдомляется: возможенъ ли (*possibilis*) опытъ, или

(*) Krit. d. r. V. p. 392, 394, 697.

нѣтъ? Отсюда въ *Методологiи* Канта вышла наука объ архитектоникѣ чистаго разума. Отсюда произошла наука *Фихте*, представляющая разумъ, независимо отъ чувствъ творящій и свой міръ и свои предметы; объ ученіи семъ я сокращенно предложилъ въ прибавленіи къ своему трактату о Метафизикѣ, вовсе не думая, чтобы оно достойно было подробнаго разсмотрѣнія. И такъ разумъ человѣческій, по Канту, имѣетъ самъ въ себѣ и предметъ и средства мышленія, отъ чувствъ независящія. Но ежели всѣ знанія происходятъ отъ чувствъ, какъ говоритъ самъ же Кантъ, а изъ тѣхъ знаній составляются науки; то какимъ образомъ можно, напившись, такъ скажу, приобрѣщеніемъ чувствъ, соорудить умственное зданіе наукъ, какъ бы совсѣмъ непричастное чувствамъ? Поэтому-то и сказалъ я въ сочиненіи своемъ о *Философiи*, что *Кантъ* походитъ на теловѣка, который, вставши изъ за сытнаго обѣда, разсуждаетъ о средствахъ жить, не употребляя никакой пищи. Сочинитель *Замѣчаній*, какъ вижу я, принялъ за остроумную шутку то, что было слѣдствіемъ сужденія. Ибо сравненія хотя и не всегда служатъ доводомъ; но они всегда бываютъ подпорою сужденій, необходимо нужною въ сочиненіяхъ

когда излагаются ошвлеченныя и меша-
физическія мысли.

Я упомянулъ въ томъ же сочиненіи,
что Кантъ недоказываетъ главныхъ
основаній своей науки, а прямо беретъ
ихъ за достовѣрныя, между шѣмъ какъ
они не таковы въ самомъ дѣлѣ. На сіе
Австоръ Замѣчаній говоритъ мнѣ вотъ
что : *въ наукахъ теоретическихъ истины*
совокупныя или синте питескія, истекающія
непосредственно изъ разума, не требуютъ
доказательствъ. Примѣры сему нахо-
дитъ онъ въ математическихъ опредѣ-
леніяхъ. Во первыхъ скажу, что ис-
тинъ, изъ самаго разума непосредствен-
но истекающихъ, я незнаю и ихъ не-
понимаю. Понятіе мое, спашься можетъ,
и тупо и грубо; по крайней мѣрѣ оно
служитъ примѣромъ, что Кантова на-
ука не всякому вразумительна и не вся-
каго убѣждаетъ. Можно видѣть изъ
сочиненій Канта, что достовѣрность
и очевидность математическихъ истинъ
имѣли въ глазахъ его великую важность,
и ему казалось, что онъ Метафизику и
другія науки поставитъ на одну сте-
пень съ оными (*): изъ чего и видно,

(*) Ибо говоритъ, что не одно тождество
есть основаніемъ до повѣрности и очевид-
ности, и усиливается доказанъ свои
слова. Сог.

сколь несовершенное имѣлъ онъ понятіе о сихъ наукахъ, равно какъ и то, что предпріяшіемъ своимъ онъ оказалъ неуваженіе и Математицѣ и разуму человѣческому въ прекраснѣйшемъ его твореніи.

Основанія наукъ математическихъ просны, ясны и ничто неможетъ возставаць на нихъ прошивурѣчіями; хотя и не излились онѣ непосредственно изъ самаго разума: но силою разума изъ нихъ извлечена обширная и глубокая наука, которая, взявъ начало свое отъ чувствъ, отъ нихъ же требуетъ и всегдашней помощи при своихъ дѣйствіяхъ, и безъ нихъ ни въ чемъ бы не успѣла. Такими пособіями служатъ рисунки фигуръ и счисленіе, какъ то я и показалъ въ сочиненіи своемъ объ умсповованіи числительномъ (*). Слѣдовало ли же Автору Замѣчаній математическія основанія, въ достовѣрности коихъ ничто еще не сомнѣвался, очевидность коихъ всякому понятна, — слѣдовало ли спавишь ихъ на равнѣ съ положеніями Канша, которыя всякой можетъ опровергать, но которыя понятъ и уразумѣть могутъ весьма немногіе?

(*) Pisma rozmaite T. III, p. 360.

Не требуютъ ли доказательства взятыя изъ Платона и Кантомъ исчисленные способности души, его воззрѣнія, понятія, идеи, когда противурѣчатъ сему и Локкъ и Кондильякъ и всякой такъ называемый *опытный* психологъ? Согласился ли кто-либо, что воображеніе, самая дѣятельная, неупомимѣйшая въ человѣкѣ способность, которой бытіемъ своимъ обязаны всѣ изящныя искусства, что оно есть будто бы только качествомъ способности ощущать, и не дѣйствующею силой, а простымъ лишь орудіемъ, все принимающимъ въ себя спрдательно? Допустивъ ли кто, что воображеніе дѣлать будто бы надобно на эмпирическое и чистое, и послѣднее привязывать къ пониманію, между тѣмъ какъ воображеніе, такъ извѣстнось, живетъ работою всѣхъ силъ души человѣческой? Допустивъ ли кто, чтобы память была только качествомъ воображенія, когда знаемъ людей, имѣющихъ самую твердую память при слабомъ воображеніи?

Ясно ли, доказано ли совершенно, что надобно считать за врожденное разуму человѣческому то, что самъ разумъ сдѣлать можетъ посредствомъ опвлеченія, а именно *absolutum* пространства и времени; что изъ того,

что есть нуль въ понятии человѣческомъ, надобно шворить какую-то Медузу, которая всѣ чувствственные образы однимъ лишь взглядомъ превращаетъ въ умственные?

Не уже ли не пребудетъ пущь никакихъ доказательствъ, когда говорятъ вамъ, что изъ ничего будто бы происходитъ всѣ представленія и всѣ истины *à priori*, независимо отъ опыта; что умъ человѣческій, вспомошествоваемый чувствами, всегда пребывающій услугъ отъ нихъ опосредственно словъ языка и письменныхъ знаковъ, надобно будто бы совершенно отдѣлять отъ тѣхъ же чувствъ, необходимыхъ его помощниковъ, и въ то самое время какъ онъ занятъ идеями, приобретёнными посредствомъ чувствъ и разсужденія, представлять его чуждающимся всякихъ чувственныхъ пособій въ его упражненіяхъ?

Не уже ли, наконецъ, ясно и совершенно доказано то, что разумъ изъ началъ безотносительныхъ и безусловныхъ *à priori*, вовсе непонятныхъ для человѣка и выходящихъ за предѣлы смысла человѣческаго, можетъ будто бы составлять основныя истины и сооружать изъ нихъ науку?

Предложенные здѣсь вопросы заключаютъ въ себѣ и главнѣйшее осно-

ваніе и цѣлой составъ Кантовой науки! Какъ скоро они подорваны, то и весь призракъ Философіи Трансцендентальной разсыпается и исчезаетъ.

Сказалъ я въ спашѣ своей о Философіи, и мысль свою подкрѣпилъ изъ разныхъ наукъ примѣрами; что „какъ „между феноменами тѣла и первою ихъ „причиной, такимъ же образомъ точно „между внѣшними предметами и дѣйствіями души лежатъ бездна, для изслѣдованія коей человекъ неимѣетъ ни силъ, ни способностей.“ Кантъ надъ сею бездною построилъ мостъ, и утвердилъ одинъ конецъ его на тѣняхъ, а другой на *absolutum*, то есть на нуль. Истинно чудесное зодчество Армиды, взятое изъ Тасса, достойное волшебницы одиннадцатаго вѣка, но оппюдь не ученаго любителя мудрости, жившаго въ осмнадцатомъ столѣтіи!

Неприятно мнѣ наскучать чашателю разборомъ науки сухой, безвкусной, которая даже есть и не наука, а только романъ метафизическій; но для Автора Львовскихъ Замѣчаній не хочу ничего оставить безъ оппѣта. Я предложилъ вопросъ въ спашѣ своей о Философіи: „доказалъ ли Кантъ, что „пашно умственное, напечатлѣваемое на матеріалахъ, собираемыхъ ощу-

ищеніемъ, зависилъ отъ формы? Сорокъ слишкомъ лѣтъ упражнясь въ Математику и Астрономіи, гдѣ всего чаще дѣло доходишь до пространства и времени, никогда не могъ я объяснить для себя сего темнаго, труднаго мѣста изъ Кантовой науки. Задачу эту рѣшилъ Авторъ Львовскихъ Забчаній вотъ какимъ образомъ: „Умъ теловѣтскій дѣйствуетъ по правиламъ; мыслить же по правиламъ есть давать формы чувственнымъ впечатлѣніямъ: слѣдовательно и п. д.“ Отвѣтомъ симъ называется, что введенное въ науку слово *форма*, слово ненужное и непринадлежащее къ дѣлу, только лишь обольщаетъ умъ и сбиваетъ съ пути, ничему его не научая. Авторъ, какъ вижу, не понялъ, въ чемъ именно состоитъ для меня трудное; ибо въ отвѣтъ его та же затруднительность повторяется другими только словами. И такъ надобно спросить снова: какимъ образомъ, когда вы мыслите по правиламъ, образы вещественные и чувственные превращаются въ умственные и невещественные? Правила умственные, по Кантовой наукѣ, прилагаются къ образу чувственному, уже въ умственный превращенному, и означенному клеймомъ души мыслящей,

или, упопроблю Каншово выраженіе, прилагаются къ образу уже *спиритуализованному* (одухотворенному). Сіе чудное превращеніе производится способностію ощущашъ посредствомъ воззрѣнія (*anschauung*), и ею же измѣненный образъ пересылается къ понятливости. Понимаешъ ли же въ самомъ дѣлѣ Каншъ и ученики его ешо чудное превращеніе? Ежели понимающъ, то должно пасть на колѣни предъ ихъ почши Божескимъ понятіемъ; въ прошивномъ случаѣ науку ихъ почиташъ должно замѣтафизическое шарлапанство. Если бы оно умшвенное пашно или клеймо, на образахъ чувственныхъ напечатлѣваемое, зависѣло единшвенно отъ упопробленія выше упомянутыхъ правилъ, по словамъ Канша, данныхъ намъ отъ Природы и слѣдшвенно всѣмъ общимъ; то слѣдшвенно всѣ бы люди одинаково и равно должны понимашъ, мыслишъ, и мы бы не имѣли тогда мѣтафизическихъ бредней. Еслибъ соблюденіемъ правилъ выражалось цѣлое пашно силы умшвенной; то слѣдшвенно было бы досташочно соблюсти правила логическія, чшобы сдѣлаться Нюпономъ; правила военной тактики, чшобы сдѣлаться Аннибаломъ; правила рисовки и живописи, чшобы сдѣлаться Рафаелемъ.

Такая наука не возноситъ, а унижаетъ разумъ человѣческій, ибо всю дѣятельность его подчиняетъ формальности и канону-по обряду. Въ подобное заблужденіе впалъ и Кондильякъ, у котораго самыя глубокія изобрѣшенія генія суть не что иное какъ простой механической способъ вставленія (*substitutus*):

Я называлъ Каншову науку *гипотезою*. Авторъ Замѣчаній велитъ мнѣ воспросить меня же: *можетъ ли быть гипотеза а priori?* Заключаю изъ сего, что онъ почитаетъ и меня ученикомъ Канта, у котораго все *а priori* есть или врожденное въ человѣкѣ, или же безотносительно происходящее изъ чистаго разума. Но какъ я такого высокаго преимуществва, естеству человѣческому приписываемаго, самъ въ себѣ не нахожу и совсѣмъ его не знаю; по подѣ *гипотезою а priori* разумѣю всякое мнѣніе, всякое положеніе общее, изъ котораго выводятся основа предмета, сказанія или науки: и въ такомъ смыслѣ едва ли не каждая теорія есть гипотеза *а priori*. Не касаясь другихъ наукъ, Авторъ увидитъ это въ самой Меташфизикѣ. Платонъ, принявши мнѣніе, что чувства не могутъ довести разума до понятій общихъ,

изъ того заключилъ, что такіа понятія должны бытъ намъ врожденныя, и изъ сего положенія выводилъ дѣйствія разума и начала наукъ. Декартъ изъ того же самаго мнѣнія сдѣлалъ для всей своей Психологіи основаніе вошъ такое: зародыши всѣхъ общихъ мыслей насаждены въ насъ опъ Натуры. Лейбницъ, желая обяснить вліяніе души на тѣло и тѣла на душу, вымыслилъ свою *предустановленную гармонію* (*harmonia praestabilita*). Локкъ свою науку основываетъ на томъ, что всѣ понятія берутъ начало свое опъ чувствъ; онъ показываетъ пути и средства, коими человѣческій разумъ, не имѣя надобности ни въ чемъ врожденномъ, кромѣ однихъ лишь способностей, опъ чувственныхъ впечатлѣній доходитъ до мыслей самыхъ общихъ. Сіе же ученіе принялъ и Кондильякъ, но простеръ его слишкомъ уже далеко: онъ старается доказать, что всѣ силы и дѣйствія души суть *ощущенія*. У него слѣдственно между матеріаломъ, художникомъ и самимъ искусствомъ почти никакой нѣтъ разницы. Какимъ образомъ Кондильякъ не сохранилъ надлежащей мѣры, слѣдуя ученію Локка; точно то же сдѣлалъ Кантъ, пошедши за Платономъ. Кантъ говоритъ, что «опытъ показываетъ намъ вещи, ка-

ними онѣ суть, но не показываешь того, что онѣ не могутъ быть не такими; « утверждаетъ, что «достоверность должна основана быть на всеобщности (*allgemeinheit*) и необходимости (*nothwendigkeit*), неопредѣльныхъ отъ оной.» Отсюда онѣ заключилъ о надобности своихъ положеній синтетическихъ *a priori*, и вознамѣрился (хотя впрочемъ и не говоришь етаго) всѣмъ познаніямъ нашимъ придать математическую достоверность: вотъ что и заставило его изобресть маску на врожденные понятія, которыхъ онѣ будто бы чуждается. И такъ изъ ученія Пифагорова онѣ сдѣлалъ свои формы ощущеній, то есть изъ отвлеженія приводящаго все понятіе къ нулю, усиливается не только объяснить феномены мышленія, но даже установить правила цензуры на разумъ человѣческій.

Всѣ мнѣнія сіи, положенія, начала суть по моему гипотезы. Кантъ говоритъ, что все это не есть синтезисъ; но я подѣ словомъ синтезисъ и анализисъ не по разумѣю, что Кантъ (*), который, многія названія взявши изъ Математики, почти всѣ настоящія ихъ значенія превратилъ, а тѣмъ самымъ на-

(*) O rozumowaniu rachunkowem въ сочин. Снядецкого: *Pisma rozmaite*. Т. III.

уку свою, и по себѣ уже темную, еще болѣе затемнилъ и запушалъ. Такимъ образомъ онѣже измѣнилъ прежнія значенія словъ: *á priori*, *á posteriori*; короче, едва ли есть одно слово, которое у Канта значило бы то же, что для всѣхъ значилъ оно въ наукѣ, откуда взято симъ Нѣмецкимъ философомъ. Даже слова неуваженія и презрѣнія, каковы *эмпиризмъ*, *материализмъ*, Кантъ привязалъ къ славнѣйшимъ изобрѣшеніямъ и дѣйствіямъ ума человѣческаго, и все почти претворялъ онъ, на перекоръ здравому смыслу, точно какъ бы имѣлъ дѣло съ такими людьми, у которыхъ то идешь за премудрость, что для другихъ вовсе невразумительно.

Да простишь мнѣ Авторъ Замѣчаній Львовскихъ, ежели я не имѣю желанія ни чипащеламъ наводить скуку, ни теряя время на разборъ номенклатуры Канта — философа, о которомъ нигдѣ уже теперь не думаютъ и не пишутъ, кромѣ только въ ученыхъ газетахъ Нѣмецкихъ. Каждое перо не-вспрѣшило бы невозможности доказать, что Кантъ, какъ говорилъ Дежерандо, *широкими накладками названій покрылъ хилость и недостаточность поля*; что старыя вещи и мечты назвалъ новыми

именами; что помыслы ума дѣлилъ и дробилъ какъ будто вещи, на шотъ ко-
нецъ дабы людей, оглушенныхъ мно-
жествомъ названій, уже привыкшихъ
къ высокому о самихъ себѣ мнѣнію,
посредствомъ длинной процессіи словъ
пустозвучныхъ и наукъ вымышлен-
ныхъ, ввести въ облако мрака. Все
это <можетъ казаться премудростію
людямъ, которые незапаслись никаки-
ми основательными науками. Но пус-
кай всякой, съ успѣхомъ и пользою
обучившійся Математику и Физикъ,
пускай самого себя спроситъ: чему
научился онъ у Канта? и на что при-
годились ему тѣ мозголомныя изслѣдова-
нія пустыхъ словъ, которыми онъ без-
жалостно мучилъ свое вниманіе?

Остается мнѣ дать отвѣтъ на по-
слѣднее возраженіе Автора Замѣчаній;
остается вывести его изъ удивленія,
въ которое онъ былъ введенъ моими
словами, именно же что *безконечныя*
количества изгнаны изъ Математики. Въ
Математику ничто и никогда непред-
ставлялъ себѣ количества, безусловно
безконечнаго, какое Кантъ допустилъ въ
свою науку; ибо такого понятія ни
представить себѣ, ни ясно выразумѣть
человѣческій разумъ неспособенъ; та-

ная мысль разрушила бы достоверность и очевидность математических истинъ, въ которыхъ все должно утверждено быть на мысляхъ простыхъ, ясныхъ и вразумительныхъ. Было употребляемо, правда, и нынѣ еще употребляется, выраженіе *безконетный* въ двойномъ значеніи. Во *первыхъ* значить оно дѣйствіе счисленія, или направленіе и положеніе, который никогда не кончатся. Такимъ образомъ называемъ ряды *безконетные*; говоримъ, что двѣ линіи прямыя, пересѣвши одна другую, расходящіяся до безконечности; двѣ линіи параллельныя никогда сойшися не могутъ одна съ другою. Говоримъ также въ Физикѣ, что тѣло можетъ дѣлиться до безконечности. Такая ли суть безконечность, какъ абсолютное пространство и время у Канта? Ни мало; здѣсь значить она не болѣе, какъ что разрѣзывая, раздробляя, короче, всѣми механическими способами дѣля тѣло на малѣйшія частицы, наши способы и наши чувства могутъ наконецъ оказаться недостаточными въ дальнѣйшему продолженію сей работы; но само тѣло дѣлится просиравшаяся еще далѣе.

Во *вторыхъ*, слово *безконетный* въ Математикѣ значить не какую-либо вещест-

венность безконечную, а предѣль, до котораго безпрестанно спремитъ количество или постоянно возрастающее, или постоянно уменьшающееся: первое выражается посредствомъ знака $\frac{1}{0}$, второе нулемъ 0. Есть одинъ лишь помысль, основанный на свойствахъ количества, одно лишь стремление ума, которое и дало начало употребляемому въ аналитическомъ языкѣ знаку и самой наукѣ исчисления (*). Наблюденіе надъ такими предѣлами можетъ быть только въ отношеніяхъ и связяхъ количества; слѣдственно въ Кантовой наукѣ оному наблюденію слѣдовало бы принадлежать не до *ощущеній*, а непременно до *понятливости* и до *разума*. Отношеніе выражается дробью $\frac{a}{b}$, когда представляемъ себѣ одного числителя *a* исчезающимъ и получаемъ 0 (нуль); или самаго знаменателя *b* исчезающимъ, и получаемъ $\frac{1}{0}$; или же уничтоженіе какъ числителя, такъ и знаменателя и получаемъ $\frac{0}{0}$. Въ связяхъ количествъ, называемыхъ *уравненіями*, первый знакъ 0 (нуль) уничтожаетъ члены, въ которыхъ находится, и онъ или связь количествъ превращаетъ въ ничто, или перемѣняетъ ее, не выводя количествъ изъ ихъ соб-

(*) *Rachunki algebraicznego teorya*, Tom. II, Roz. 3.

ешвенной сферы уравненія, или неизмѣняющаго свойства. Другой знакъ $\frac{1}{0}$ все дѣлающъ нелѣпымъ, или все выводитъ изъ сферы равенства, и показываетъ намъ, что задача, которую хотимъ рѣшить, или совсѣмъ неудоборѣшима, или же что рѣшивъ ее не можно нѣмнѣе путями и средствами, которыя мы употребили. Въ такомъ случаѣ надобно или обратиться къ другимъ путямъ и средствамъ, или оставить задачу. Ежели Кантъ изъ сей мысли извелъ свои формы ощущеній; то долженъ былъ видѣть, что весь его трансцендентализмъ есть сущая нелѣпость. Третій знакъ $\frac{0}{0}$ всегда выражаетъ нѣчто неопредѣленное, въ связи ли то количества, или въ дѣйствіи исчисленія. Онъ показываетъ намъ во первыхъ, что отношеніе количествъ безпрестанно уменьшающихся превратилось въ отношеніе предѣловъ ихъ, или въ отношеніе предѣловъ нѣхъ количествъ, въ которыхъ прежде приближались: въ семъ случаѣ мы переходимъ изъ одной сферы уравненія въ другую сферу, то есть попадаемъ на отношеніе количествъ другаго свойства, отличнаго отъ свойства прежнихъ: отъ отношенія на примѣрѣ линейныхъ прямыхъ приходимъ къ опціоніямъ дугъ кривой линіи, или же отъ

отношенія дугъ къ отношенію простыхъ
линей. Древніе геометры называли епо
последнимъ отношеніемъ исчезающихъ ко-
личествъ. Еще знакъ $\frac{0}{0}$ ведетъ насъ къ
означенію общихъ дѣйствій и ихъ пра-
вилъ, съ помощію коихъ можемъ въ каж-
домъ случаѣ переходить отъ отношенія
и связи количествъ исчезающихъ до от-
ношенія и связи ихъ предѣловъ. Отсюда
происходитъ исчисленіе дифференціаль-
ное и интегральное. Лейбницъ, Ейлеръ
и многіе другіе Математическіе писа-
тели употребляютъ выраженіе: *коли-
чества безконечно малыя*. Но тутъ ни-
чего нѣтъ безконечнаго; епо коли-
чества, которыя или сами выбѣгаютъ
изъ исчисленія, или же которыя въ ис-
численіи могутъ быть опущены: въ по-
слѣднемъ случаѣ получаемъ рѣшенія не
совсѣмъ точныя, однакожъ весьма близ-
кія къ истинѣ. И такъ, чѣмъ неоста-
вить ни одного сомнительнаго выраже-
нія въ Математику и чѣмъ что-либо
не подумалъ, будто бы здѣсь рѣчь идетъ
о какомъ нибудь существѣ безконечномъ,
слово *безконечный* или весьма рѣдко, или
даже и совсѣмъ неупотребляется, и въ
Математику безъ него теперь обойтись
очень можно.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ,
для Математиковъ и чисто и ясно и

достоверно; Кантъ однако же неизвлекетъ опсюда своего пространства и времени *абсолютнаго*, Напрощивъ, еслибъ хорошо зналъ Матемашику, онъ бы удостоверилъ ея, что *absolutum* его ведетъ или къ Богу, или же къ ничтожеству; что оно превышаетъ понятіе человѣческое, обольщаетъ и сбиваетъ съ пути головы, которыми и кажется, будто понимаютъ то, чего разумъ человѣческій понять неспособенъ.

Еще употребляемъ какъ въ Математикѣ, такъ и въ Физикѣ слово *безотносительный* или *абсолютный*; но оно значить тамъ не иное что какъ безъ известныхъ, безъ тѣхъ или иныхъ отношеній, а опнюдь не безъ всякихъ. Такимъ образомъ въ Астрономіи положеніе звѣзды *абсолютнымъ* или *безотносительнымъ* называется то, которое получается не посредствомъ отношенія къ положенію другихъ звѣздъ, а чрезъ отношеніе хорошо известнаго положенія наблюдаемаго мѣста и посредствомъ снаряда, употребленнаго при наблюденіи.

Изложенныхъ въ семъ сочиненіи возраженій прошивъ Канта я нигдѣ самъ не начинавалъ, и незнаю, найдеть ли ихъ Авторъ Замѣчаній въ ка-

комъ - либо сочиненіи, писанномъ прошивъ Канша; ибо незнаю, была ли сія наука размашпривана къмъ нибудь изъ Машемашиковъ. Каждая наука можетъ бытъ наблюдаема съ разныхъ сторонъ, и если она утверждена на основаніи ложномъ, слѣдственно непрочномъ, то можно ее опровергать и разрушать различнымъ образомъ. Опнюдь не имѣлъ я въ мысляхъ своихъ намѣренія обратиться кого-либо изъ Канписшовъ къ своему мнѣнію, и вовсе нехочу входить съ къмъ-либо въ состязаніе. Я желалъ только объяснить и доказать то, что написалъ о Кантѣ въ спашѣ своей о Философіи, для предостереженія Польскаго юношества, чтобы не гонялось оно за *ценымъ невѣжествомъ*, хотя и превознесеннымъ во Львовскихъ Запискахъ, но которое гораздо хуже само по себѣ и гораздо вреднѣе для обществу, нежели простое невѣжество: ешо, я полагаю, не пребуешь доказательствъ. Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе, я приводилъ уже законы разума, несомнительные и всеобщіе, дабы Авторъ Замѣчаній не опнесъ на мой счетъ сказаннаго имъ во Львовскомъ журналѣ, а именно, что *многіе люди границы собственнаго разума почитаютъ за границы разума челоѣтскаго*. Для пользы того же юношества

Польскаго еще предложимъ общія замѣчанія по предмету науки объ умѣ чело-вѣческомъ (*).

С М Ъ С Ъ.

О п и с ь и м у щ е с т в а.

Сабина, семидесятилѣтняя женщина, слышавъ за годъ передъ тѣмъ овдовѣвшая, по обыкновенію своему сидѣла за упреннымъ чтеніемъ Библии. Вдругъ въ хижину ея входятъ городской Судья съ Магистратскимъ служилемъ и за ними ростовщикъ Гаршманъ.

„Вчера минулъ день послѣдней отсрочки,“ сказалъ судья Сабинѣ „которую ешомъ заимодавецъ для васъ назначилъ,

(*) Недостатокъ мѣсна заставляетъ насъ опложить IV отдѣленіе сего Прибавленія до одной изъ слѣдующихъ книжекъ Вѣстника Европы. Для новыхъ читательей сего Журнала оно послужитъ особой спашьею, заключающею въ себѣ не только общія замѣчанія по предмету науки объ умѣ чело-вѣческомъ, но и общій взглядъ на составъ Кантовой науки. Рдѣ.

и я принужденъ буду исполнить мою обязанность, впрочемъ для меня весьма тяжгоспную, если вы незахопите плашить деньги.“

— Плашить деньги? Боже милосердый! Вдова бѣдная, спарая и немощная, работою слабыхъ рукъ своихъ едва приобрѣщающая кусокъ черстваго хлѣба, можетъ ли заплашить сумму спа гульденовъ съ многолѣшными проценгами?

„Такъ я долженъ наложить арестъ на ваше имущество.“

— Какъ Богу будетъ угодно! сказала Сабина, и положила очки свои на раскрышю Библію, изъ которой дошлѣ почерпала и крѣпость силамъ своимъ и утѣшеніе духу. — Но вы, господинъ Гаршманнъ, что вы рѣшаетесь дѣлать со мною? Испинно, я никогда недумала, чтобы вы такъ далеко простерли жестокость вашу. —

„Деньги теперь очень рѣдки“ возразилъ Гаршманнъ: „я же совсѣмъ не избѣжъ людей, которые могутъ обойтись безъ такой значительной суммы капиталной и съ накопившимися на нее проценгами. Принимайтесь-ка за свое дѣло, г. Судья! вотъ уже я болѣе двадцати лѣтъ все ждалъ по пустому.“

— Покойный мужъ мой — — такъ начала-было Сабина, и не могла продолжать, удерживаемая плачемъ и горестнымъ воспоминаніемъ.

„Я зналъ его очень хорошо;“ прибавилъ Судья: „онъ былъ весьма дѣловой переписчикъ, искусной въ своемъ ремеслѣ, прилѣжный, заботливый, и человѣкъ отлично добросовѣстный. Всѣ, большой и малой, подтверждали мое объ немъ свидѣтельство.“

— Богъ да наградишь васъ! сказала Сабина, и въ знакъ благодарности въ Судѣ поцѣловала его руку: Господь Богъ да воздастъ вамъ за доброе слово, которымъ почтили вы память честнаго человѣка! —

„Да, да!“ примолвилъ Гаршманнъ: „онъ точно былъ мужчиной честной; а иначе, я бы ему и не повѣрилъ такой значительной суммы, особливо же безъ всякаго заклада, на одну лишь честную физиономію, которая, правду сказать, у многихъ обманчива. Онъ впрочемъ всегда бывало держалъ свое слово; и — —

— И передъ вами онъ сдержалъ его; прервала Сабина: Богъ и я были тому свидѣтелями. —

„Но ежели нѣтъ у васъ другихъ!“ — —
отвѣчалъ заимодавецъ, улыбаясь на-
смѣшливо.

— Въ этой самой комнатѣ, про-
должала Сабина, вамъ была заплачена
взятая у васъ сумма; вотъ самой потъ-
стою, на которомъ покойный ошчи-
щивалъ вамъ деньги. Блѣдность, кото-
рую нечистая совѣсть распространила
теперь на лицѣ вашемъ; расписка, ко-
торую вы дали моему мужу — — —

„Ну, покажитежъ ему расписку! гдѣ
она?“

— Къ несчастію, потерялась.

„А вексель напрошивъ того у меня
въ рукахъ; вотъ онъ! Еслибъ покойный
заплатилъ мнѣ долгъ; спасочное ли дѣ-
ло, чтобы онъ не взялъ къ себѣ обраш-
но своего долговаго обязательства?“

— Онъ и требовалъ; но векселя,
по словамъ вашимъ, вы не находили
между своими бумагами; вы увѣряли,
что ваша расписка въ полученіи долга
будетъ достаточнымъ свидѣтельствомъ,
и покойный, до излишества довѣрчивый,
въ самомъ дѣлѣ взялъ отъ васъ одну
лишь расписку. —

„Не дѣло говоришь, пестушка Сабина!“ возразилъ Гаршманнъ, заикаясь :

„кажется мнѣ, что голова у тебя не совсѣмъ здорова.“

— Но совѣсть моя ни мало неспраждаетъ; и что я сказала, то могу подшвердить присягою передъ Богомъ и на святомъ его Словѣ. —

„Никто и несомнѣвался въ швоей готовности;“ подхвалилъ Гаршманнъ: „да въ томъ бѣда, что по законамъ тебя, сударыня моя, къ присягѣ допустить не можно. И такъ, г. Судья, начинай же съ Богомъ!“

— Начну безъ сомнѣнія, когда уже вы ешаго непременно хошите. Только скажу вамъ правду: при шеперешнихъ обстоятельствевахъ я лучше бы желалъ быть должникомъ, у котораго отбирающъ послѣднее имущество, нежели заимодавцемъ, настоящимъ пребующимъ описи и оцѣнки. Но дѣлать нечего! —

И Судья началъ описывать всѣ вещи, вдовѣ принадлежащія. Оцѣнка вещей дѣлана была съ помощію заимодавца, которой, по особливой своей опытности, умѣлъ держаться середины между много и мало. Оказалось, что всего имущества недоспавало для заплаши долга.

„Но вотъ еще книга!“ замѣтилъ Гаршманнъ, показывая на Библію; „она въ оправѣ по угламъ и съ накладками, хотя тонкими, однакожъ серебряными и даже изъ чистаго металла; изъ вещей еша всѣхъ лучше.“

— Ваша правда! сказала Сабина. Но я прошу васъ: оставьте при мнѣ одну только книгу ешу; она была донынѣ и впредь будетъ моимъ утѣшеніемъ. —

„Вотъ хорошо!“ возразилъ Гаршманнъ: „серебро теперь въ цѣнѣ; переплетъ стоить денегъ. Пишите, г. Судья! пишите и книгу!“

— Покойный мужъ мой — продолжала Сабина — обернулъ книгу ешу въ новый переплетъ и положилъ на нее серебряную оправу. Онъ смыслилъ въ ешомъ дѣлѣ, самъ переплелъ книгу, и озабоченный въ то время перепискою докуменшовъ, которую общалъ кончить къ сроку, въ шоропливости своей употребилъ на обкладку такіа бумаги, какія на глаза ему попались, хотя я напоминала и ему, что въ числѣ сихъ листовъ могли быть важныя записки. —

„Важенъ для меня одинъ лишь переплетъ съ серебряными накладками;“ сказалъ заимодавецъ: „вы дорожите листами, г-жа Сабина, не такъ ли? Очень

хорошо! Я для васъ сдѣлаю все возможное снисхожденіе: беру себѣ только переплешъ, а листики оставляю при васъ.“

Мигомъ вынулъ онъ изъ воровскаго своего кармана ножикъ и за однимъ разомъ отдѣлилъ верхнюю доску переплеша отъ книги.

— Ради самаго Бога! — воскликнула Сабина, схвативши руку Гаршманна.

„Вы слишкомъ поспѣшны въ своемъ великодушіи!“ сказалъ ему Судья суровымъ тономъ. „Ни всею книгою, ни частями ея располагашъ не имѣете вы никакого права; вы получите деньги въ свое время, когда книга будетъ продана съ публичнаго торга, аукціоннымъ порядкомъ.“

Гаршманнъ принудилъ языкъ, а Судья началъ внимательнѣе разсматривать снуспи и снаружи Библию, экземпляръ превосходной печати и рѣдкаго изданія. „Еще что за листокъ?“ спросилъ онъ, увидѣвъ бумагу, высунувшуюся изъ подъ отрѣзанной доски кожанатаго переплеша: „на ней и письмо руки мнѣ знакомое, если только я не ошибаюсь. Посмотримъ!“ И вдругъ вытащилъ бумагу въ четверть листа, находившуюся между кожею и внутрен-

нимъ переплешомъ. На ней чистимъ
письмомъ написано было слѣдующее:

„Что г. Редлихъ, кописъ зрѣшня-
„го города, должныя деньги сто
„гульденовъ и съ процентами по сей
„день уплатилъ мнѣ всѣ сполна, и
„что я отъ него шребовашъ ничего
„болѣе неимѣю права, въ ешомъ свое-
„ручно свидѣшельствую. *Гартманиъ.*“
(Внизу: мѣсто, годъ и число
мѣсяца.)

„Вашей ли руки еша расписка въ
полученіи денегъ?“ спросилъ Судья ли-
хоимца.

— Упаси Богъ! отвѣчаетъ изумлен-
ный, измѣнившійся въ лицѣ Гартманиъ:
я присягну, что ето писано не моей
рукою.

„Въ ешомъ я вамъ очень вѣрю,“
говоритъ Судья, „что естъ въ шомъ,
что присягнушъ не опкажешесь. Но
повѣрьте же и вы мнѣ, что отъ васъ
нико и никакой присяги не пошре-
буетъ. Попрудитесь взглянуть на дру-
гую сторону расписки.“

Гартманиъ осполбенѣлъ, когда на
оборотъ увидѣлъ слѣдующія спроки:

„Что сія расписка собственною ру-
„кою г-на Гартманна писана и под-
„писана, свидѣшельствую. *Публиный*
„*Нотариусъ.*“

И подѣ именемъ приложена печать Ношаріуса, котораго давно уже небыло на свѣтѣ.

— Перстѣ Божій! — воскликнула Сабина и подняла руки свои къ небу.

„Я уже старѣ, слабѣ,“ сказалъ въ извиненіе свое Гаршманнъ „и память моя совсѣмъ пропала.“

— Ее нѣтъ въ тебѣ для бездѣльности, а онѣ таковы по количеству и качеству, что требовали бы памяти всеобъемлющей. —

„Оскорблять себя не позволю я ни вамъ, ни всему совѣшу Магистратскому!“

— По крайней мѣрѣ можно безъ оскорбленія выслушать мой совѣтъ, и вотъ какой именно: сей часъ вонъ изъ города! Понимаешь ли? — прибавилъ Судья, показывая расписку Гаршманну.

Обличенный корыстолюбецъ догадался и незамедлилъ исчезнуть; добрый Судья поздравилъ Сабину съ чудеснымъ ея избавленіемъ отъ напасти и пожелалъ ей тихой и безмятежной старости; а бѣдная вдова съ сего времени, раскрывая священную книгу, каждой разъ проливала слезы живѣйшей благодарности къ Сердцевѣдцу, Защитнику невинныхъ.

(З. ф. в. с. М.)

Политическія и другія происшествія.

Испанія.

Дѣла Испанскихъ роялистовъ идутъ часть отъ часу хуже. Мина, одержавши побѣду надъ Барономъ Еролесомъ, вступилъ сперва во Ургель, потомъ и въ Пюицерду; временное же правительство, оставивъ сей городъ, переселилось въ Ливію, пограничное мѣстечко къ Франціи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ и сіе послѣднее убѣжище занято войскомъ конституціоннымъ. Многія духовныя и свѣтскія особы спасающіяся бѣгствомъ въ сосѣдственную Францію, большею частію въ Тулузу, гдѣ оказывается имъ возможное вспоможеніе. Извѣстный Траппистъ Антоніо прибылъ въ сей же городъ и основался въ монастырѣ своихъ собратьевъ.

— Отъ одного Члена предложено было Кортесамъ потребовать отъ Французскаго правительства, чѣмъ оно участвующихъ въ заговорѣ противъ націи и спасающихся во Францію Испанцевъ не принимало, не подавало бы имъ никакой помощи, и сверхъ того объявило бы рѣшительно: намѣрено ли оно продолжать дружескія сношенія съ Испаніею, или поступать съ нею непріятельски? Кортесы большинствомъ голосовъ отвергли нескромное предложеніе.

Франція.

Буйство студентовъ Парижскаго Медицинскаго факультета, оскорбившихъ почтеннаго Аббата Николя наглымъ воплемъ при многочисленномъ собраніи посѣпителей, повлекло за собою то слѣдствіе, что

по Королевскому повелѣнію Медицинскій Факультетъ въ Парижѣ совсѣмъ уничтоженъ, и Студенты, буде получаютъ одобрительныя свидѣтельства отъ Гроссмейстера Университетскаго, могутъ продолжатъ ученіе свое въ Спрасбургъ или Монпелье. —

— Въ Парижскихъ журналахъ уже начали было разсуждать, что на Испанскій престолъ можетъ вступить новая династія. На сіе, какъ сказываютъ, Австрійскій посланникъ принесъ жалобу; одна только Австрія, говорилъ онъ, можетъ почитаться такою Державою, которая, въ случаѣ прекращенія Бурбонской династіи въ Испаніи, можетъ имѣть право на престолъ Испанскій.

— Виконтъ Монморанси уже возвратился изъ Вероны. Роялисты великую имѣли надежду на его посольство, и кажутся, не обманулись; ибо сей Министръ иностранныхъ дѣлъ, немедленно по прибытіи въ Парижъ, пожалованъ отъ Короля въ достоинство Дюка.

— Неугомонный либераль Бенжамень-Конспанъ, подвергнутый суду за другую шалость, а именно за напечатаніе оскорбительнаго письма къ Подпрефекту Сомюрскому, приговоренъ еще къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьму и къ уплатѣ 100 франковъ пени; а издатели чепырехъ либеральныхъ журналовъ, въ коихъ письмо сіе напечатано, приговорены въ двухнедѣльному заключенію и 500 фр. пени.

— По новому набору 40,000 рекрутъ, по принятымъ мѣрамъ для укомплектованія флотовъ волонтерами, и по предполагаемому скорому будущу ошѣзду Дюка Ан-

гулемскаго къ Испанской границѣ, судящъ о будущихъ происшествіяхъ.

И т а л і я.

Сказываютъ, что по предложенію Князя Мелшперниха опредѣлено до времени оставить Австрійскія войска въ Неаполь и Піемонтъ. Причинами тому полагаютъ: во первыхъ, несовершенное еще успокоеніе Италіи; во вторыхъ, продолженіе тайныхъ дѣйствій секты Карбонаровъ, и наконецъ въ третьихъ, пребываніе въ Испаніи многихъ Неаполитанскихъ и Піемонтскихъ выходцевъ, кои охоту могутъ возобновить покушенія свои противъ спокойствія Италіи. Въ то же время положено сдѣлать распоряженія, могущія совершенно истребить Карбонаровъ во всѣхъ частяхъ Италіи. Однакожъ сіи распоряженія не составляютъ предмета совѣщаній Европейскаго Конгресса, а представляются одной только Австріи, которая можетъ условиться съ разными Италіанскими правительствомъ, какія нужно будетъ употребить средства къ уничтоженію Карбонаровъ.

— По всему видно, что дѣла Конгресса приходятъ къ окончанію. Нѣкоторые Министры (Монморанси, Италійскій) уже отправлены къ прежнимъ мѣстамъ своимъ.

— Князь Гарденбергъ скончался въ Генуѣ 26го числа минувшаго Ноября мѣсяца.

— Е. В. Король Пруссій обозрѣвалъ достопамятности Неаполя и самыя окрестности Везувія.

Т у р ц і я.

Въ Константинополь произошли важныя перемѣны: Великій Визирь Салигъ-

Паша и Муфти, оба пвари Султанскаго на-перстника Галешъ-Ефенди, внезапно опсжавлены, и Государственна печатъ ввѣрена Абдаллъ-Пашѣ, командующему корпусомъ въ Скупарѣ. Званіе Муфти дано Члену Улемовъ, Сидки-Саде, присудствовавшему при всѣхъ конференціяхъ Лорда Спрангфорда съ Турецкими Министрами. Самъ Галешъ Ефенди получилъ приказаніе выѣхать изъ столицы въ Бруссу. Въ то же время два чиновника Сераальскіе, принадлежащіе къ партіи Галешъ-Ефенди (Берберъ-Баши, первый брадобрей, и Каведжи-Баши, первый кофишенкъ) сосланы въ Азію.

— Куршидъ Паша, получивъ въ половинѣ Октябрю мѣсяца уже давно ожидаемыя имъ подкрѣпленія изъ Румеліи и Македоніи, пошелъ было изъ Лариссы къ Зигунѣ, дабы снова прорваться чрезъ Термопилы. Но 22 и 24-го Октябрю Серакиръ сей опять былъ разбитъ и лишился 7,000 человекъ. Греки преслѣдовали его даже до Лариссы. Въ семь городъ онъ получилъ Султанской фирманъ, ѣхать въ Константинополь — вѣроятно для опчета какъ въ сокровищахъ Алія Паши, такъ и въ несчастливыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Преемникомъ ему назначенъ Абдалла, Паша Салоникскій, который уже собираетъ армію, и намѣренъ, какъ сказываютъ, предпринять зимою походъ въ Морею.

— Немногіе изъ Бояръ возвратились въ Молдавію; всѣ прочіе не иначе желаютъ приѣхать обратно въ Княжество, какъ развѣ вмѣстѣ съ Россійскимъ Консуломъ. Они все еще надѣются, что введенное въ Молдавіи и Валахіи правленіе на образецъ Турецкой долго существовать не можетъ.

Изъясненіе картинки.

Къ картинкѣ, приложенной къ сему номеру В. Е., изображень подѣ Но 1 скопированный изъ *Мофоконовой* книги *абраксасѣ*, имѣющій не малое сходство, какъ въ фигурѣ, такъ и въ надписи, съ *Черниговскою золотою медалью*, и о которомъ предложены были нѣкоторыя подробности въ семъ Журналѣ (В. Е. 1822, Но 15, стран. 186, 187, 188 и 189). Пусть сравнятъ и разсудятъ читатели безпристрастные. Есть признаки, что и у насъ въ старину, основываясь вѣроятно на какомъ нибудь темномъ преданіи, изображеннымъ змѣямъ приписывали нѣкую силу. Мы прежде слышали о подобныхъ медаляхъ, или лучше *амулетахъ*, *привѣскахъ*, находящихся, какъ сказываютъ, у нѣкоторыхъ любителей. Теперь имѣемъ случай сообщить и читателямъ нашимъ вѣрную копію съ одной изъ сихъ рѣдкостей, которая въ старину, благодаря подражанію, могли быть и не рѣдки. Почтенный Директоръ Рязанскихъ училищъ, г. Полковникъ *Иванъ Михайловичъ Татариновъ*, доставилъ къ Редактору снимокъ съ изображеній на семъ памятникѣ древности (Но 2) при письмѣ своемъ, изъ котораго видно, что епта *мѣдная медаль* также имѣетъ сходство (вразсужденіи однихъ змѣй, не болѣе) съ упомянутою выше золотою, что мѣсто и

время открытія оной неизвѣстно, что она куплена въ Рязани за самую малозначущую цѣну, и что наконецъ грубостію работы на ней доказываеиъся младенчество искусство, а по всей вѣроятности и ея древность. Смѣемъ рѣшиительно думать, что еѣа медаль есть также не что иное какъ *алуклетъ* (привѣска): съ одной стороны неизвѣстный намъ Свяшій поражаетъ злаго духа, кажется, мечемъ огненнымъ или молніей; съ другой стороны змѣи, симметрически расположенныя.

О б ъ я в л е н і я.

1.

Два извѣстные Лишператора, К. Ѳ. Рылеевъ и А. А. Вестушевъ, вознамѣрились издать на будущій 1825 годъ карманную книжку или альманахъ, подъ заглавіемъ: *Полярная звѣзда*. Многіе Русскіе Поешны и Лишператоры сообщили имъ списы въ стихахъ и прозѣ для составленія сего альманаха, въ которомъ не будетъ ни одной піесы, прежде сего напечатанной, и ни одного прозаическаго перевода съ новыхъ языковъ. Въ числѣ спиконвореній (коихъ числомъ будетъ до пятидесяти) находятся произведенія Жуковскаго, Кн. Вяземскаго, А. Пушкина, Гнѣдига, Ѳ. Глинки, Воейкова, Басня Крылова, три Думы или историче-

скія воспоминанія (Рогнеда, Годуновъ, Бой Мстислава Удалаго), *Рылея*, *Сказки А. Измаилова*, *Идиллія Панаева*, *Глигін Давыдова*, *Басни Остолопова*, мѣлкія спихотворенія *Баратынскаго*, *Плетнева*, *Б. Дельвига* и проч. Въ прозѣ: *Взглядъ на древнюю и новую Словесность въ Россіи*, т. е. криптическое исчисленіе древнихъ и новыхъ Русскихъ писателей, составленное преимущественно для любителей и любительницъ Словесности, *А. Бестужева*; *Романъ и Олега*, древняя Русская повѣсть, его же; *Раздѣлъ наслѣдства*, восточная повѣсть *Θ. В. Булгарина*; *Осада Трелбовли*, историческое происшествіе, его же; *Незнакомый знакомецъ*, *Θ. Н. Глинка*; *Невѣдомая*, его же; *Бедуинъ*, прекрасная повѣсть, переведенная съ Арабскаго *Г. Сенковскимъ*; *О первыхъ въ Россіи балахъ*, соч. *Г. Корниловима*; *Письма о Швейцаріи*, *Н. Грета*, и проч. — Сія книжка печатается въ С. Петербургѣ и выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ Декабря. Цѣна оной въ переплетѣ и футлярѣ съ пересылкою во всѣ города 10 р. ассигнаціями. Требованія можно адресовать въ С. Петербургъ на имя книгопродавца *Ивана Васильева Сленина*. Если требованія поступятъ заблаговременно, то экземпляры отправлены будутъ съ первою почтою, по отпечатаніи книжки.

(Письмо къ Редактору.)

Желая сдѣлать любителямъ изящнаго подарокъ на новый 1823й годъ изъ цвѣтовъ Русской Поезіи, мы рѣшились издать подъ названіемъ *Новыхъ Аонидъ* собраніе лучшихъ мѣлкихъ стихотвореній и отрывковъ изъ большихъ сочиненій, вышедшихъ въ нынѣшнемъ 1822 году, и разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ листкахъ; полагаемъ, что такое издание можетъ быть приятно любителямъ отечественной словесности, особенно тѣмъ, кои не могутъ пользоваться чтеніемъ всѣхъ журналовъ. Но не смѣя приступить къ сему, не увѣрившись прежде, согласятся ли г-да наши липператоры позволить намъ перепечатать ихъ стихотворенія, мы рѣшились просить ихъ изъяснить намъ свою волю касательно сего предмета посредствомъ вашего Журнала или другихъ извѣстныхъ періодическихъ изданій, принимая молчаніе за знакъ согласія. Журналъ вашъ пользуется особеннымъ благорасположеніемъ, и находится почти въ рукахъ всѣхъ; почему мы просимъ васъ, м. г., помѣстить въ немъ письмо сіе. Честъ имѣемъ пребыть и проч.

Раить съ поварщиками.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

Рѣчь о происхожденіи Библейскихъ Обществъ въ Государствахъ, какъ торжественномъ знаменіи воз- рожденія общественной жизни человѣковъ. - - - -	265
---	-----

П Р О З А.

Условіе. (Повѣсть.) - - -	104
---------------------------	-----

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

О Старомъ Городищѣ Казани. - -	12
--------------------------------	----

И С Т О Р І Я.

Сраженіе при Лаупенѣ. - - -	21
-----------------------------	----

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Міръ Поэта. - - - -	3 и 89
Къ В. И. Г. . . ну. - - - -	178

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

Отрывокъ изъ путешествія въ Яннину чрезъ Сицилію и Грецію. - - -	114
О имени козакъ. - - - -	182
Письмо къ Редактору. - - - -	295
Прибавленіе къ спашь о Филосо- фіи. - - - -	205 и 301

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я.

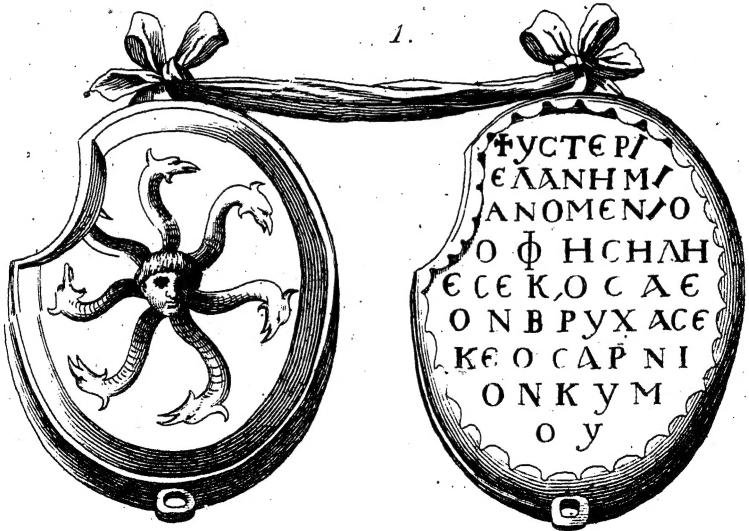
Замѣчанія о Корсикѣ. - - -	49
Политическія замѣчанія о дѣлѣ Гре- ковъ. - - - -	57 и 154

	Спран.
О Киргизцахъ. - - -	134
Историческій взглядъ на сношенія Россіи съ Хивинскою областью.	138
Судъ надъ оскорбителемъ достоинства Французской Академіи. -	237
С М Ъ С Ъ.	
Малороссійскіе анекдоты. -	61 и 157
На Иркутскіе вопросы. - -	242
Романъ изъ оперы. - -	256
Опись имущества. - -	326
Полипическія и другія происше- ствія. - - - 69, 162, 246 и	335
Крашкія выписки, извѣстія и за- мѣчанія. - - - 166 и	252
Изъясненіе картинки. - -	339
Извлеченіе изъ записки о поѣздкѣ въ Пронскъ и село Кайдаково. -	74
<hr/>	
Объявленія. - - 81, 169, 257 и	340
Благотвореніе. - - -	88
Письмо къ Редактору. - -	342

При семъ нумерѣ приложена картинка.

1.

2.

